

Колосёв
2
ФЕВРАЛЬ
1967

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ ИМ. А. А. ЖДАНОВА

Фото А. Ритова

В ЭТОМ НОМЕРЕ

Познакомьтесь: Дворец пионеров 2

Поклон

рассказ В. ХОМЧЕНКО 4

Белые призраки

партизанские истории А. СВЕТОВА 5

Трава пахнет солнцем

повесть И. ДВОРКИНА 8

Ручей

стихи Э. ДУБРОВИНОЙ 24

Клуб Жака Паганеля 25

Сахбо

приключенческая повесть Л. СОЛОВЬЕВА 30

Неожиданность

беседа А. КОТОВЩИКОВОЙ 36

На празднике

отрывок из книги Ю. ЛИВШИЦА и С. МЕЩЕРЯКОВА 38

У нас в гостях клуб „Дерзание“ 41

Дом на холме

очерк А. КРАХМАЛЬНИКОВА 41

Рассказы о блокаде

А. КРЕСТИНСКОГО 44

Приключения Васи Булкина 52

Морская газета 54

Будни кровавой арены

заметки Б. ГРИЩЕНКО 56

Уголён

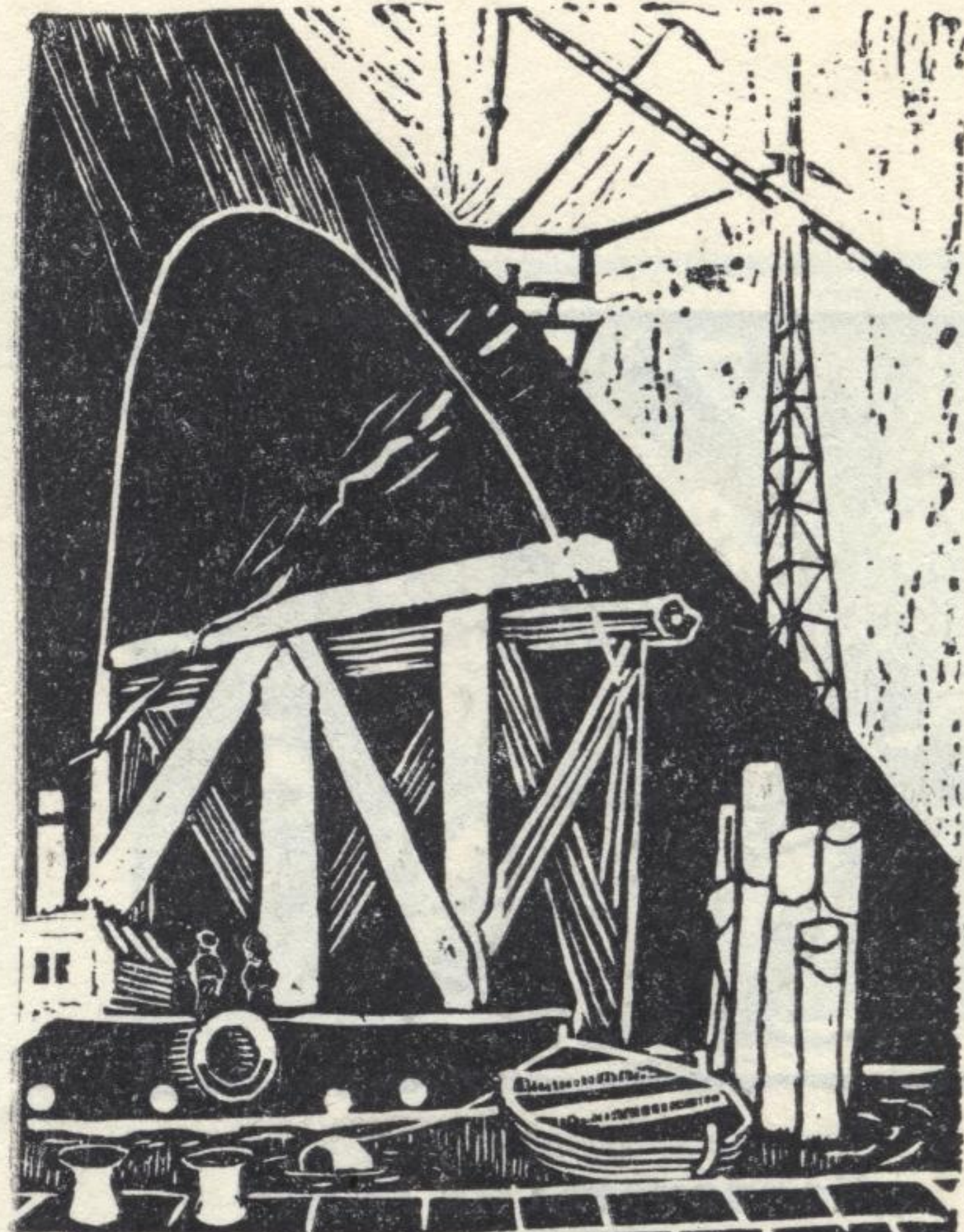
журнал для малышей 59

Школа „Спринт“ 61

Что? Где? Когда? Почему? 62

Операция „64“!!! 63

Библиотека КОСТИ ТЕРКИНА 64

„Постройка моста“

„Ледоход“

Ленинградскому Дворцу пионеров исполнилось 30 лет! Юбилея наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Специальные корреспонденты «Костра» Веселый Архивариус и Костя Теркин поехали во Дворец. Когда они вернулись в редакцию, их спросили:

— Ну как, с кем побеседовали?

— С Дворцом, — ответил Костя.

— Как так?

— А вот так, — сказал Костя. —

Народу во Дворце тьма. Попробуй выбери, с кем говорить: глаза разбегаются! Спасибо товарищу Архивариусу, выручил...

Познакомьтесь: ЛЕНИНГРАДСКИЙ ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

„Хоккеисты на льду“

„Подруги“

„Они будут летать“

Веселый Архивариус. Уважаемый Дворец, когда вы родились и что помните о своем прошлом?

Дворец. Давным-давно это было. Невский проспект еще назывался Невской Перспективой. Мост через Фонтанку был деревянным мостом с полосатой будкой и шлагбаумом. С проезжих и прохожих брали грош за въезд в город. За Фонтанкой чернели леса, а в лесах, по-моему, еще не перевелись звери.

На второй странице обложки мой портрет более позднего происхождения. Аничков мост, правда, не виден, но, помнится, он уже был перестроен Монферраном, а Клодт успел к тому времени закончить своих прекрасных бронзовых коней...

Каким людям я обязан появлением на свет! Земцов, Растрелли, Кваренги, Росси. Гордость русской архитектуры!

Должен признаться, я царского происхождения. Жили здесь цари, царские семьи. Но изредка бывали у меня замечательные русские люди. Александр Сергеевич Пушкин, став по воле Николая Палкина камер-юнкером, обязан был присутствовать на блестящих дворцовых балах... Как скучал поэт среди напыщенных царских гостей! Молча бродил он по ярко освещенным гостиным... Я так сочувствовал ему!

Веселый Архивариус. А что вы можете сказать об этих известных строках?

Фонтанка плещется, как встарь,
На ней стоит Дворец,
Но в дом, где жил когда-то царь,
Пришел другой жилец.

Дворец. О, Самуил Яковлевич Маршак написал обо мне не только стихи, но и статью для «Костра». Я хорошо помню слова Маршака в год моего рождения: «Здесь начнется игра, серьезная, как работа. Начнется работа, веселая, как игра».

Сбылось пророчество. 10 000 ребят занимаются в кружках. Самых кружков — 600. Участники Выставки Достижений народного хозяйства, юные техники только за один год привезли из Москвы 15 дипломов, одну золотую медаль, 14 серебряных, 19 бронзовых... Я не утомил вас цифрами?

Костя Теркин. Нет, что вы.

Дворец. Как все изменилось: в бывшей комнате фрейлин — зал игр и затейничества, в царском гардеробе — библиотека, в спальне царя — лекторий...

Костя Теркин. А какие известные люди вышли из ваших стен?

Дворец. Всех не перечислишь. Тамара Манина — олимпийская чемпионка. Борис Спасский, Марк Тайманов, Виктор Корчной — гроссмейстеры, Геннадий Шатков — экс-чемпион страны по боксу, чемпионы мотоспорта — Сергей Кадушкин и Андрей Дежинов. Владимир Матусов — солист оперного театра, Владимир Барабанов — геолог, профессор, руководитель клуба геологов.

Храню пожелтевшую программу концерта юных поэтов. Лева Куклин, Володя Британишский, Юра Яковлев, Олег Шестинский... (Архивариус радостно кивает: «Знаю, знаю, они стали известными поэтами...»)

Веселый Архивариус. Сохранилась вражеская карта военного времени. Кружком обозначен объект обстрела на углу Фонтанки и Невского. Это не вы?

Дворец. Да, я. Фашисты считали меня опасным противником. И не только в первую военную зиму, когда в моих стенах разместился госпиталь. Даже весной сорок второго, когда раны мои подлечили и ко мне опять смогли приходить ребята, разбойники не оставляли меня в покое. К счастью, нанести мне серьезных повреждений они не смогли...

Костя Теркин. А почему поется в песне «Всюду нынче славен удивительный Дворец»?

Дворец. Добрую славу мне приносят сами ребята. Они путешествуют по стране — пешком и на велосипедах, в поездах и на собственном корабле. Мой ансамбль народных инструментов выступает по Всесоюзному радио. Мои юные поэты печатаются в «Костре». Моими художниками гордятся международные выставки детского рисунка. Чуть ли не со всеми странами мира дружит мой Интернациональный Клуб.

Костя Теркин и Веселый Архивариус. Дорогой Дворец пионеров! Читатели журнала и редакция поздравляют тебя с 30-летием и заслуженной высокой наградой.

Ура! Ура! Ура!

Здесь и на первой странице журнала — гравюры, выполненные в студии Дворца пионеров. Их авторы — Боря Берлин, Тагир Загидуллин, Наташа Оскотская, Игорь Дуда, Миша Шварцвальд, Ира Галеркина. Руководит студией замечательный педагог С. Д. Левин. В феврале у него тоже юбилей — 60-летие.

Доброго вам здоровья, Соломон Давыдович!

„Перед зеркалом“

„Вместо зарядки“

„На наголовских холмах“

ПОКЛОН

Василий Хомченко

Рисунок Ю. Шабанова

Мальчик катался на коньках и провалился под лед. Дети, игравшие рядом, закричали, заметались, но никто не решился броситься спасать мальчика.

К счастью, вдоль реки шел солдат, услышал крики и, сняв на ходу шинель и шапку, побежал по льду к тонущему мальчику. Нырнул в ледяную воду и вскоре поднял над головой спасенного. Вода в реке была солдату по шею и к берегу он шел, ломая лед.

Собрались люди, прибежала мать мальчика. Она плакала, благодарила солдата, приглашала домой обсушиться.

Солдат вылил из сапог воду, надел шинель и побежал в свой военный городок. Никто не успел даже спросить, как его зовут. И в лицо солдата никто не запомнил.

На следующий день в наш военный городок пришла женщина, рассказала, как солдат спас ее сына и попросила показать этого солдата. Мы объявили по всем ротам, чтобы солдат явился в штаб. Ждали, ждали да так и не дождались — не пришел.

Тогда подвели женщину к строю и сказали: «Ищите сами солдата, вы же его видели». Женщина прошла вдоль строя раз, второй и не узнала никого. Она даже расстроилась, что не может отблагодарить солдата.

— Молодой такой, — сказала она.

Опять оглядела строй и с досадой махнула рукой — все были молодые.

— На гимнастерке у него комсомольский значок видела.

Но чуть ли не у всех солдат на груди сверкал комсомольский значок.

Женщина пошла к воротам, потом вернулась, стала перед строем и низко-низко поклонилась солдатам.

Перевела с белорусского А. Лисовская

Белые призраки

...Июнь 1941 года. Студенты и преподаватели Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта готовились к параду. Их ждала Москва, нарядная, гремющая оркестрами Красная площадь. Спортивный лагерь в Кавголове жил напряженной жизнью. Одни разучивали гимнастические упражнения, другие тренировались на ренских колесах.

И вдруг — война!

Здесь же в Кавголове собрались на митинг.

— Вы можете многое сделать, — говорил представитель обкома партии, седой человек в полувоенной форме, — и на фронте и в тылу врага.

Вскоре были созданы тринадцать партизанских отрядов. В них вошло около пятисот студентов и более половины преподавателей института...

Отличный кадр

Первым сообщил новость Валя Ермолаев.

— Ребята, — с притворным ужасом воскликнул он, — доставайте неприкосновенный запас! К нам пришел голод!

Кинооператор Наум Голод появился в отряде неспроста. У него было важное задание — запечатлеть на пленке партизанские будни.

К этому времени уже гремела слава отряда Дмитрия Косицына.

Имя этого человека в мирные дни знали многие ленинградцы. Бывало, зрители, столпившиеся вдоль трассы велокросса, с нетерпением ждали, когда появится Косицын. На своем стальном коне он лихо преодолевал канавы, мог проехать по узкой перекладине, перекинутой через ручей, промчаться по косогору там, где другие благоразумно сходят на землю и ведут машину за руль.

Рядом с командиром расположились бывалые лыжники — спокойный, невозмутимый Володя Шапошников и Борис Берман, бывший заведующий кафедрой лыжного спорта. Написанные им учебники помогли многим спортсменам преодо-

леть все тонкости лыжной науки.

Прислушиваясь к разговору, рассеянно строгают веточку Александр Янович Калнен, «Яныч». Он никогда не прячется от пуль и сам стреляет по снайперски...

Вернулись разведчики, донесли: до Варшавской железной дороги осталось часа четыре ходу. Дорога усиленно охраняется. В сторону фронта один за другим идут составы с войсками, танками, орудиями.

Косицын, склонившись над картой, внимательно изучает пути подхода к железной дороге. Он решил произвести взрыв у разъезда Дивенское. Там немцы менее всего ожидают появления партизан и не так бдительны.

Ох, как тяжело ждать, когда предутренний мороз свирепо щиплет лицо, сковывает тело! Но побегать, размяться, похлопать себя рукавицами по спине нельзя. Даже шевельнуться нельзя, чтобы, не дай бог, не хрустнула веточка, не скрипнул снег под ногами. Тогда все пропало — пойдет стрельба, серо-зеленые цепи начнут прочесывать лес.

Сквозь ветки кустарника, запыленного снегом, видно, как

по насыпи прошагали две длинные тощие фигуры, закутанные в башлыки. Время от времени патрульные останавливались, пускали в небо осветительные ракеты и напропалую палили из автоматов в сторону леса.

Но вот патрульные скрылись за поворотом, и партизаны увидели, как Калнен и Луговцев, низко пригибаясь, подтащили к насыпи взрывчатку, быстро выкопали ножами ямки, заложили пакеты под рельсы.

На востоке медленно разгорается желтая полоска зари. Вдали послышался шум приближающегося поезда. Все ближе, ближе!

— Скорее, — торопит Косицын кинооператора, — сейчас начнется.

— Снимать нельзя, — говорит Голод, — света недостаточно.

Косицын отставляет взрывную машинку, с досадой говорит:

— И что за кинооператора к нам прислали... света ему, видите ли, мало!

Поезд, громяхая колесами, скрылся за поворотом.

Снова томительные часы ожидания. Незаметно наступил день. Часов в одиннадцать вда-

ли раздался паровозный гудок. Подхватив аппарат, оператор подбежал к насыпи, засуетился, отыскивая удобную для съемки точку.

Приближается поезд. Гремят на стыках колеса. Партизаны взяли автоматы наизготовку.

Через видоискатель оператор видит, как в кадр входит паровоз, затем два классных вагона. Возле окон толпятся офицеры — мундиры расстегнуты, в зубах сигареты. Офицеры смеются и показывают пальцами на оператора. Вероятно, они приняли его за своего. Некоторые даже поправляют волосы, прихорашиваются. Им приятно попасть в кинохронику, которую вскоре увидит весь рейх. Диктор, вероятно, сообщит: «Герои вермахта на пути к Ленинграду».

В то мгновение, когда в видоискателе появилась платформа с ящиками и орудиями, грохнул взрыв. Из-под колес взметнулся огненный столб. Состав вздыбился, вагоны громятся друг на друга. Скрежет металла, треск пламени, вопли раненых смешались с залпами автоматов. Но оператор ничего этого не видел и не слышал. Стоя во весь рост, он продолжал крутить ручку ап-

парата. В небо взвилась ракета — сигнал к отходу.

Луговцев взвалил на плечи киноаппарат, вещевой мешок Голода, оружие и зашагал к опушке леса.

Оператор очень удивился потом, что Луговцев — легкоатлет. Он готов был поверить тогда, что Луговцев — чемпион мира по поднятию тяжестей.

Засада

Быстро уходит отряд. Надо спешить, разведчики донесли: во время взрыва уничтожено более сотни офицеров и много боевой техники противника. Каратели рыскают по лесам.

Партизаны усилили дозоры, двигаются с величайшей осторожностью. В сумерках вышли на лесную дорогу. Дорога ведет в деревню Чаща. Здесь надо быть особенно осторожным, неровен час, наткнешься на карателей.

Вдруг дозорный замер, поднял руку. Сигнал: «Внимание!» В следующую секунду просигналил: «Опасность! Очистить путь!»

Партизан будто ветром сдуло. Залегли в кустах, закопались в снег. Только автоматы торчат.

Послышался скрип полозьев,

фыркание лошадей. По лесной дороге медленно движется обоз. В санях солдаты. Фашисты возвращались с операции и, видимо, не успели засветло добраться до деревни. Калнен резко нажимает на гашетку. Длинная очередь раскатилась по лесу. Передняя лошадь заржала, взвилась на дыбы и рухнула на дорогу, загородив путь обозу. Со всех сторон застрочили партизанские автоматы. Гитлеровцы вскакивали с саней и тут же падали, подкошенные пулями.

Просматривая документы убитых, Косицын узнал, что карательный отряд был послан из соседней деревни, где комендантом обер-лейтенант. Подошел Ермолаев, лихо козырнул:

— Товарищ командир, уцелела одна-единственная лошадь. Куда ее?

Дмитрич задумался.

— Отпустить, — пряча в усах улыбку, бросил он.

— Как так отпустить?

— Пошлем ее в деревню. Пусть доставит этому обер-лейтенанту партизанскую весточку.

Кто-то расстелил на снегу плащпалатку, кто-то, осторожно прикрыв шапкой, засветил фонарик, кто-то приготовил планшетку и лист бумаги, вырванный из ученической тетради.

— Пиши, — приказал одному из партизан Шапошников и начал диктовать: «Герр обер-лейтенант, душа из тебя вон!..»

— «Да будет тебе известно, — подхватил Евстафьев, — что партизаны карали, карают и будут карать фашистских карателей...»

— «Не видать тебе, фашистский вояка, русской земли, как своих ушей, — продолжал Васковский, — твои дружки уже отвоевались и коченеют на морозе. Следующая твоя очередь, гад ползучий. Жди встречи!»

«Письмо турецкому султану» сунули в немецкую пилотку и привязали к лошадиному хвосту. Кто-то стегнул лошадь веткой, и она, заржав, припустила по дороге в деревню.

Чемпион против чемпиона

В стороне от больших дорог расположилась лесная деревенька Остров. Немцы сюда редко заглядывали. Разве что нагрянут вооруженные до зубов полицейские, обшарят избы, заберут масло, яйца, хлеб, все, что подвернется под руки, и, опасаясь партизанской местности, поспешат убраться поскорее...

Вот в эту деревеньку после боев и походов Косицын привел свой отряд на отдых. Колхозники радушно встретили дорогих гостей. В избах затопили печи, на столах появилось немудреное угощение.

Вдруг тревога! С опушки леса цепью идут в атаку на лыжах гитлеровцы. Куртки нараспашку, к животам прижаты автоматы.

Партизанский пулемет резанул по цепи. Десяток лыжников все же успел домчаться до окраины деревни.

Володя Шапошников схватился врукопашную с рослым немцем в форме летчика. Мгновение — и автомат выбит из рук карателя. И вот он стоит, жалкий, ссутулившийся, что-то быстро говорит, показывая какой-то значок с изображением пловца на отвороте мундира.

После боя, рассматривая отобранные у пленных документы, Шапошников обратил внимание на диплом, выданный пловцу, известному чемпиону. Владимир приказал привести пленного. Каково же было его удивление, когда

перед ним предстал тот самый немец, которого он обезоружил в бою!

— Так вы и есть чемпион? —

— О, я есть чемпион! — ответил пленный, — мы есть спортсмены.

— Спортсмены? А так легко сдались в плен!

— Это есть несчастный случай.

— Нет, не случай, — рассмеялся Шапошников, — ты спортсмен, и я спортсмен. Ты чемпион, и я чемпион. Мускулы у нас, может быть, и одинаковые, а вот воля к победе у нас, советских, покрепче вашей.

Погоня

Однажды на привале Шапошников напомнил:

— А ведь слово надо держать. Особенно партизанское, — и пояснил: — Помните «письмо турецкому султану»? Обещали с ним скоро увидеться. Так вот, разведка донесла: этот самый «турецкий султан» обер-лейтенант назначен комендантом на железнодорожную станцию...

Вечером к дому, где жил комендант, подошли трое в форме гестаповцев. Часовой у подъезда был снят бесшумно. Его тело оттащили в развалины.

Короткий стук в дверь.

— Вер ист да? — раздалось из-за двери.

— Господин комендант, откройте. Это Сидорчук из полиции. Срочный пакет.

Дверь приоткрылась.

Через несколько минут из дома вышли четверо. Впереди пленный и один из партизан в форме гестаповца, позади двое других. Коменданта предупредили:

— Одно лишь слово — и вы будете убиты.

Пленный неумело закрепил предложенные ему лыжи и, перебирая ногами, стал дви-

гаться посредине партизанской цепочки.

— Передайте командиру, — внезапно крикнул замыкающий Сергей Недосекин, — за нами погоня.

— Прибавить шагу! — последовал приказ.

Изредка оборачиваясь на ходу, партизаны все отчетливее различали фигуры немецких лыжников. Преследователи хорошим размашистым шагом шли за ними. Надо было что-то предпринять, нельзя же в самом деле привести за собой такой хвост!

Десять километров продолжалось преследование. Движение отряда тормозил пленный. Наступил, наконец, момент, когда партизаны достигли места, удобного для засады. Они как сквозь землю провалились! Виднелись лишь заиндевелые кусты.

Решив, видимо, что партизаны повернули за опушку леса, немцы, громко переговариваясь, приближались к кустам. И тогда в морозной тишине заговорили автоматы и ручной пулемет. Не многим преследователям удалось уйти.

Гитлеровец лежал в снегу рядом с партизаном.

— Вставай, пошли, — коротко бросил ему Евстафьев, как будто ничего не произошло.

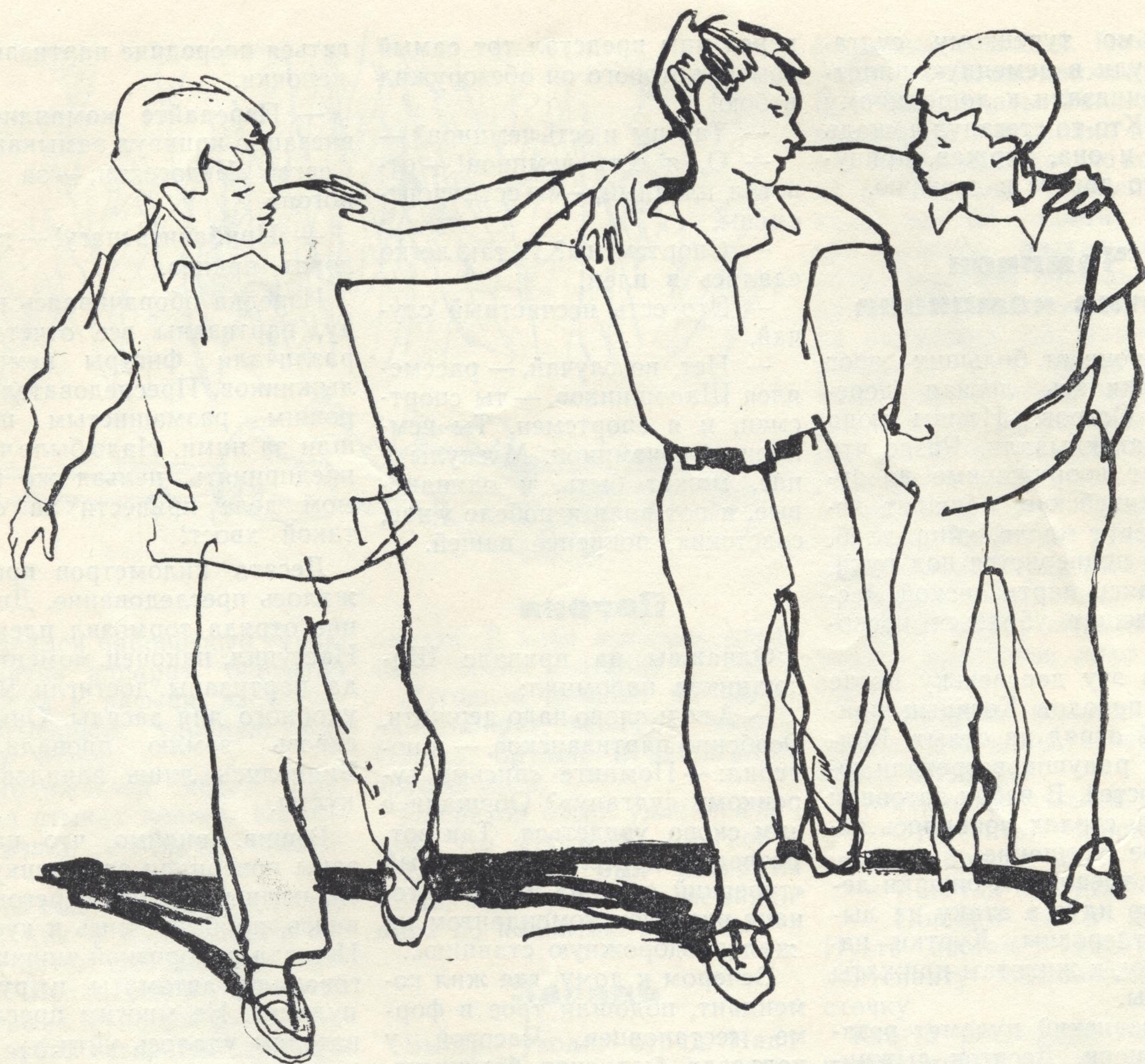
Пленный снова двинулся в путь. Ноги его заплетались, он часто падал. Немец казался тщедушным среди плечистых парней.

На привале Евстафьев сказал:

— Ну вот мы и встретились, обер-лейтенант. Надеюсь, вы получили наше письмо?

— Какой письмо? Я, я... партизанен бриф! — вспомнил комендант. — О, майн гот!..

Полное бритое лицо его испуганно вытянулось.

ТРАВА ПАХНЕТ СОЛНЦЕМ

ПОВЕСТЬ

Илья Дворкин

Рисунки А. Сколзубова

ПРО КАМЕННЫЙ ОСТРОВ

Летом Каменный остров удивительное место.

Только что вокруг тебя трезвонили трамваи, сновали автобусы, грузовики, подмигивали разноглазые светофоры — в общем, все было нормально — город как город.

А потом сворачиваешь с Кировского проспекта, проходишь сотню шагов и вдруг оказываешься в лесу. В таком странном заколдованном лесу с резными теремками в зеленой тишине.

И будто нет рядом громадного города, а есть только непролазная зелень кустов и де-

ревья с черными коваными стволами да тихие, подернутые ряской протоки и легкие мостики со сквозными перилами.

В протоках застыли привязанные к оранжевым буйкам лодки.

А потом выходишь на прямую, как стрела, аллею, и там впереди покалывает глаза острыми солнечными бликами широкая гладь Большой Невки.

И несутся по ней стремительные, как торпеды, академические лодки, суетятся байдарки, балансируют, стоя на колене, загорелые парни в хлипких каноэ.

А вокруг тишина, только плещет вода да шелестят листья.

Вот он какой, Каменный остров.

Каменный остров летом — это то что надо. Это любимое место Жорки и Владика.

Ездят они сюда почти каждый день. Далековато, правда. С Конюшенной площади.

Но это только кажется, что далеко. Через Марсово поле — раз — и на площадь Суворова, а там садись на автобус и через пятнадцать минут на Каменном.

В хорошем месте живут Жорка и Владик. Их район самый лучший. Тут тебе и Летний сад, и Михайловский, и Нева рядом и вообще — везде достопримечательности, прямо как на открытке.

А уж киносьемок разных они насмотрелись — во! до отвала. Просто удивительно — как только снимают фильм о Ленинграде, так обязательно в нем есть Жоркин и Владькин дом и мостик через Мойку. Они и сами не раз

снимались. В массовках, конечно. У них есть один приятель-киношник дядя Арон — оператор. Он длинный такой, в кожаной куртке и квадратных очках. Совсем уже взрослый, даже виски седые, а все равно — приятель. Потому что не задается и веселый. Только он не над другими людьми смеется, а над собой. Подшучивает все время: какой он длинный, да какой неловкий, да будто бы у него под два колена на каждой ноге. Замечательный человек. Он обещал Владика с Жоркой в кино-экспедицию взять, когда подрастут немного. Куда-нибудь на Памир или на Курильские острова. Только он что-то пропал, давно его не видно. Где-нибудь снимает. Хроники везде полно. Только успевай снимать. Но он все равно появится. Куда ему деваться? В таком уж месте живут Жорка с Владиком, ни один киношник не пройдет равнодушно.

А Каменный остров, что ж — пятнадцать минут и там.

ВСЕ ЛЮДИ РАЗНЫЕ

Жорка и Владик не только живут в одном доме, но и учатся в одном классе и даже сидят рядом — за одной партой. Они друзья.

Владик вообще-то засоня — Жорка его всегда будит. Забегает за ним по утрам. Владькина мама смеется:

— Владик, — кричит, — твой будильник притикал, пора вставать.

Жорка тычет кулаком в теплый Владькин бок и стаскивает с него одеяло. А потом они бегут в школу.

У них хорошая школа — старинная. Там еще гимназия раньше была. В далекие времена — до революции. Ее всякие известные люди кончали, портреты в зале висят. Бородатые все такие, важные. Даже не верится, что они тоже ездили на животе по перилам.

В такой школе и учиться интересно.

Только каникулы все равно лучше. Это вы можете спросить у кого угодно. Каждый скажет: лучше.

Дружат Жорка и Владик давно и бурно. С драками, ссорами, примирениями и снова с драками.

Потому что они немножко разные. Вообще-то все люди разные. Ходят по улицам толпами, и каждый, наверное, считает, что он самый главный человек на земле, а все другие вокруг него вертятся. И у каждого своя жизнь и свои привычки, и каждый что-то любит, а чего-то терпеть не может. И для этих людей Жорки с Владькой просто нет, потому что они

про них не знают. Это те, которые в одном городе живут, на улицах встречаются, а сколько таких, которых и не увидишь никогда. Японцы или там австралийцы. А ведь они есть. И каждый что-то делает, о чем-то мечтает. Жуть!

А если подумать, то это здорово! Вон нас сколько. И для какого-нибудь марсианина все — одно племя, вроде родственников. А уж те, что знакомы или даже дружат, так и совсем не придумать кто — будто одно существо. Это, конечно, со стороны, с Марса или там с Веги какой-нибудь.

У Жорки дух захватывало от таких мыслей. И что интересно — мысли эти приходили всегда одинаково, он даже специально мог их вызвать — для этого надо было лечь на траву и долго-долго глядеть в небо. Сначала немного кружилась голова, потом непостижимая мысль о том, что этой высоте, этому пространству нет конца, наваливалась на него, и тогда Жорка просто растворялся, исчезал — как дымок, как пар. И становилось хорошо и покойно. И приходили огромные мысли, которые в обычном состоянии он бы не мог уместить в себе.

А так, не со стороны, Жорка черный, как жук, а Владька белобрысый. Жорка будет моряком, а Владька знаменитым музыкантом.

Владька может схитрить: начнут марками или спичечными этикетками меняться, он возьмет и надует, а потом еще и расскажет кому-нибудь, — Сашке из двенадцатой квар-

тиры, например, — как он ловко Жорку обставил.

Вот вам и пожалуйста — опять ссора. А то и драка.

Папа у Владика музыкант, и сам он учится играть на скрипке. У него абсолютный слух и пальцы гнутся во все стороны.

А у Жорки отца нет, у него отчим Демьяныч, моторист-водитель спасательного катера. И пальцы у Жорки гнутся только в одну сто-

рону. Они у него сожжены кислотой и припоем. Жорка собирает такой маленький радиопередатчик, чтобы можно было на уроках подсказывать.

Только пока не очень получается. То ли схема неверная, то ли Жорка что-то напутал — еще неясно.

Но он разберется. Как учиться начнут, так и разберется. Чего сейчас разбираться — уроков-то отвечать не надо: каникулы.

РЫЦАРИ И ПРИНЦЕССА

Есть на Каменном острове у друзей одно местечко, недалеко от оранжереи. На берегу тихого, даже не просто тихого, а какого-то застенчиво-притихшего канальчика стоит дом, похожий на замок.

Дом этот с острой черепичной крышей и узкими окнами-бойницами.

Сложен из грубого необработанного камня и тоже такой — притаившийся.

А напротив, на другом берегу канала, в непролазных кустах сирени солнечная полянка-лысинка. На полянке скамейка.

Вот это и есть любимое место Жорки и Владика.

В этот раз скамейка была рыцарским конем, даже двумя, — на одном ведь далеко не ускачешь, а дом — мрачной крепостью, откуда сыпались стрелы и дротики.

Но Жорке и Владiku было наплевать на стрелы и дротики — ведь на них блестящие кольчуги и панцири. Стрелы отскакивали от них и дрожа оперением втыкались в землю.

В замке уродливый старый и лысый колдун держал в плену тоненькую принцессу.

Она глядела из маленького окошка на двух рыцарей, прижимала ко рту кулачки и боялась за друзей и восхищалась ими.

А косточки на ее кулачках были совсем белые от страха и напряжения.

Рыцарь Жорка и рыцарь Владик загорелые и сильные ребята. Они похожи на парней из лодки-восьмерки общества «Спартак». Улыбнутся — зубы так и сияют. А плечи — во! Косая сажень. И латы зеркальные, как никелированный чайник.

Вот принцесса показалась на балконе.

— Прыгай, — крикнул ей Владик, — прыгай! Мы тебя поймем и спасем.

Но принцесса мялась и ежилась.

— Эх ты, трусиха, липовая принцесса! Таких принцесс не бывает! — заорал Жорка.

Принцесса показала ему язык и, дернув жидкими косичками, скрылась, а вместо нее на балконе появился в полосатой пижаме ее лысый папочка.

— Вы что ж это тут хулиганничаете? — сдобным голосом спросил он.

Рыцари гордо и презрительно окинули его взглядом и с достоинством удалились.

ГРЕБНАЯ БАЗА „СПАРТАК“

После такой обидной, неудачной попытки спасти принцессу, эту кривляку и папенькину дочку, Жорка и Владик долго не приходили на свое любимое место. Всякая охота пропала.

Последнее время они околачивались на гребной базе «Спартака». Помогали выносить байдарки, вертелись там у всех под ногами.

Они с завистью глядели на рослых парней, несущихся в академических лодках, и захлеб мечтали о том времени, когда сами сядут в такую лодку. Это им твердо обещал сам Олег Баранов, тренер.

Он им даже разрешил грести на тренировочном бону.

Это такой деревянный пирс с веслами и настоящими сиденьями на колесиках. Одно только плохо: гребешь-гребешь, а все на одном месте.

Но если закрыть глаза... если плотно-плотно закрыть глаза... о, тогда запросто можно представить, что летишь стрелой к финишу.

Жорка со свистом выталкивает сквозь сжатые зубы горячий воздух. Глаза у него закрыты, голова низко опущена — подбородок упирается в грудь.

Он равномерно, как машина, работает гибкими ясеновыми веслами.

Длинные гребки рвут воду, мощно толкают вперед легкую лодку.

Упругий ветер облепляет плечи тельняшкой, водит прохладным пальцем по ложбинке на шее.

Гребок, еще гребок!

«Еще немножко... Еще секундочку... Сейчас я вам покажу... Сейчас, — шепчет он, оттягивая сладкий и неизбежный миг победы, — пора!»

Р-раз! Р-раз! Весла пенят, буравят воду с неслыханной силой и частотой. Спурт! Последний финишный рывок. Трещат от напряжения плечи, горячий пот течет по окаменевшей шее.

А-а-ах! Протяжно взрываются, плещутся криком берега.

Позади полосатые буйки — створ финиша. Первый!

Жорка старается не улыбаться, хоть счастье распирает его. Кажется, оттолкнись он сейчас ногой — и полетит в синее небо, к солнцу, как воздушный шарик — легкий и звонкий.

Но он сдерживается. Он — чемпион. Он суровый, мужественный победитель.

Жорка с достоинством поворачивается к Владу.

А Влад сидит, с блаженной улыбкой закрыв глаза.

Вот он медленно поднял руки, потряс сжатыми ладонями и раскланялся направо и налево.

Влад в это мгновение далеко, он идет по белому бесконечному помосту, и на шее у него большая сияющая медаль.

А вокруг народищу! Тьма. И все кричат. И хлопают в ладоши. Он раскланивается и ослепительно улыбается. Как в кино.

Привет! Привет! — поднимает он над головой руки, утомленный славой и всеобщим восхищением.

— Ты чего это? С ума сошел? — говорит Жорка.

— А? — Влад очнулся, увидел удивленное Жоркино лицо и сизую рябь на воде и щелястый неуклюжий бон.

— Ты чего руки поднимаешь?

— Руки? Да так... от весел, понимаешь, затекли.

— А улыбаешься чего?

— Чего, чего? Что уж, мне улыбнуться нельзя?

— Да я так. Пожалуйста, улыбайся сколько хочешь, — сказал Жорка и подозрительно поглядел на друга.

Мальчишки встали. Усталые от счастливого волнения, медленно пошли по пирсу к выходу. И ласково гладили на ходу полированные, пропитанные солнечным теплом бока лодок.

Жорка и Влад и не знали раньше, что обыкновенная олифа, лак и сухое дерево могут пахнуть так тревожно и волнующе — соревнованием, скоростью, победой.

ТАМИКО

В тот день мальчишки не пошли на базу. Их снова потянуло на заветную полянку.

Теперь они были индейцами. Индейцы ходят бесшумно. Индейцы не оставляют следов.

Впереди за сиренью притаился военный лагерь гуронов — кровожадных и коварных врагов.

Жорка и Влад разведчики. Они могикане. Самые последние. Уже после тех. Тут чуть зазеваешься, и острый томогавк сделает свое черное дело. Запросто можно без скальпа остаться.

Поэтому они ползли по ровно подстриженному газону бесшумно и осторожно. Лица их были суровы.

Ветки сирени цепко хватили за штаны и рубашки, но могикане терпели.

Скамейка появилась неожиданно. Снизу с земли Жорка и Влад увидели две тонень-

кие ноги в бежевых сандалиях и переглянулись. Это еще что? Кто-то нахально сидел на их скамейке.

Жорка приложил палец к губам и медленно поднялся. Встал и Влад.

Над высокой спинкой скамьи виднелась черная маленькая голова с неправдоподобно толстой косо.

Мальчишки бесшумно подошли сбоку и увидели худенькую очень смуглую девочку с альбомом на коленях.

Девочка рисовала.

Жорка и Влад осторожно, по-индейски ступая, подошли сзади, остановились за ее спиной и, вытянув шеи, заглянули в альбом.

За узким белым катером в туче брызг стремительно и смело летел по яростно-синему морю человек. Он летел вперед сквозь крутые

волны, буйный и веселый. Он рвался с бумаги. А море было совсем настоящее.

Жорка услышал раскатистый рокот, жадно раздул ноздри и вдруг всей грудью вдохнул терпко-соленый морской ветер. Ему даже показалось, что на лицо упало несколько брызг. Просто чертовщина какая-то!

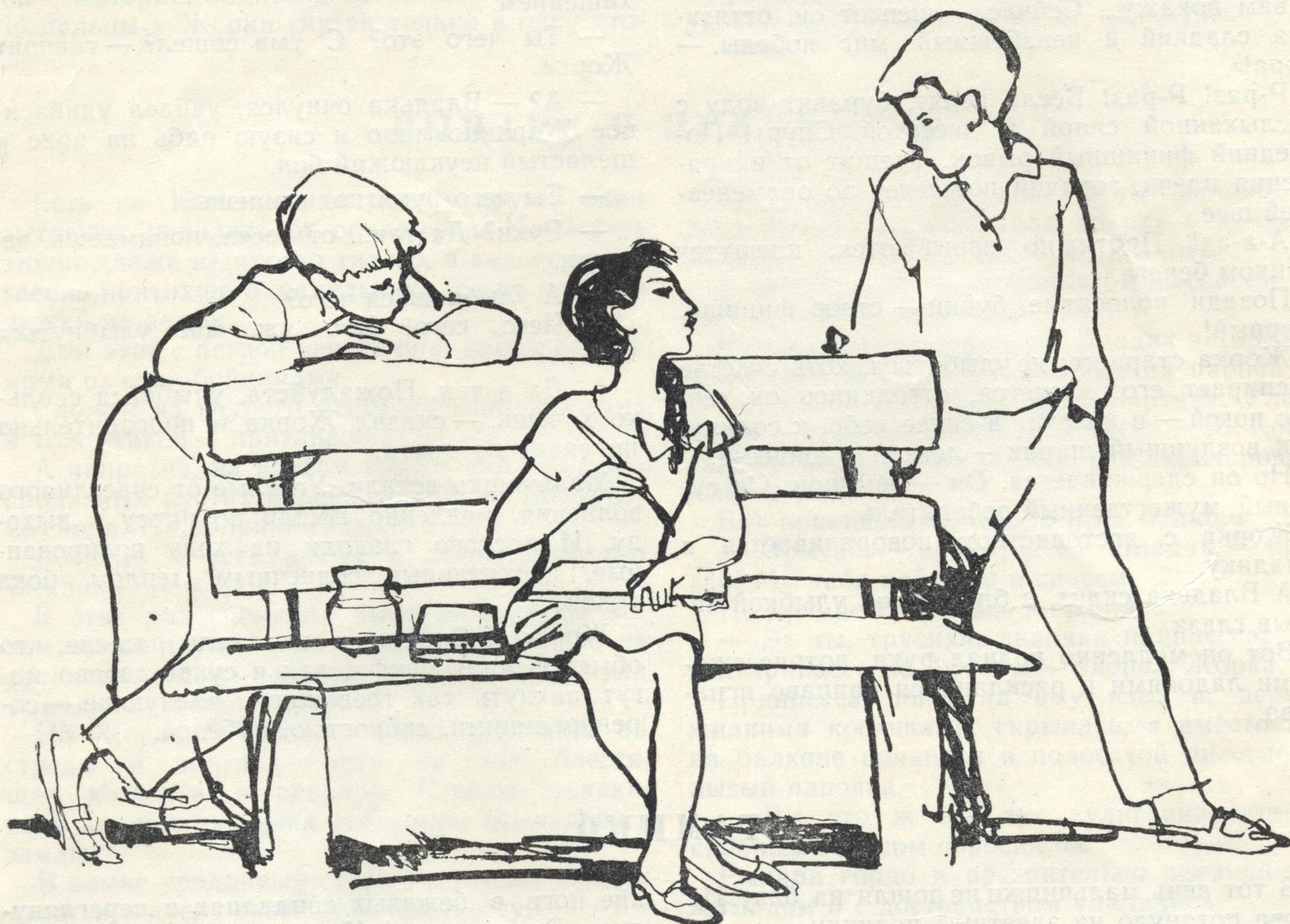
— Вот это да! — прошептал Владик.

— Это ты нарисовала? — задал глупый вопрос Жорка и еще больше смутился — будто сам не видел.

— Я, — сказала девочка.

В глазах ее запрыгали смешинки. И Жорка неожиданно разозлился.

— А ну-ка, дай сюда альбом, — потребовал он.

Девочка медленно повернула голову и спокойно оглядела мальчишек большими темными глазами.

— Здравствуйте, — сказала она каким-то нездешним гортанным голосом, — гамарджоба¹.

— Ты кто? — спросил Жорка и смутился.

Очень уж спокойно и странно глядела на них эта девочка. Она разглядывала их, и Жорке показалось, что она все про них знает.

— Я Тамикó. — сказала девочка.

— Тамико! — восхитился Владик. Необычное имя очень подходило девочке. Как же иначе? Тамико!

— На. Только не размажь. Краски еще сырые.

Жорка взял альбом, помахал им, подождал, пока краски просохнут, и стал листать. И злость его сразу прошла.

Что это был за альбом! На всех страницах плескалось море и жили корабли — фантастические морские скороходы.

Особенно один был хорош. У Жорки дыхание перехватило, когда он его увидел.

Длинный, с низкими бортами и откинутой назад широкой трубой, он стлался по гладкой зеленой воде. На двух косо поставленных мачтах трепетали узкие флаги — гюйсы. И эти рвущиеся по ветру флаги, и крутой бурун за кормой, и весь корабль — подбористый, лад-

¹ Гамарджоба (груз.) — грузинское приветствие.

ный, все говорило о мощи и неслыханной скорости.

— Ух ты! — выдохнул Жорка.

Он снова взглянул на девочку. Ничего особенного: девчонка как девчонка, еще и поплоче многих — худущая, как спичка. Только смуглая, да косища у нее, да глаза вот... Глаза удивительные. Какие-то очень серьезные и грустные. И огромные — в пол-лица. А может быть, так только кажется, потому что лицо очень маленькое.

— Ты это сама... все сама видела? — спросил Жорка.

— Что это?

Тамико улыбнулась. Она явно забавлялась Жоркиным растерянным видом.

Жорка упрямо, как бычок, наклонил голову.

— Ну, в альбоме... Море. Корабли все эти. Ты на них плавала?

Сказал и сам испугался: так вдруг изменилось лицо девочки.

Она нахмурилась, губы у нее задрожали.

— Ты чего?

— Ничего, — ответила девочка и опустила голову. — Не видела я их. Море видела. А корабли нет. Я их сама придумала.

— А-а-а, — разочарованно протянул Жорка, — придумала. Вот бы такие на самом деле где-нибудь плавали! Уж я бы обязательно их разыскал. Я моряком буду, — доверительно сообщил он.

— А я музыкантом, — сказал Владик. — Слушай, а ты...

И вдруг Тамико заплакала.

Жорка и Владик ошеломленно переглянулись. Это было очень странно. Вдруг ни с того ни с сего человек плачет. Да еще так горько.

Просто ревмя ревет. Жорка осторожно положил альбом на скамейку, хотел что-то сказать, но тут произошло нечто совсем уж неожиданное.

Откуда-то сбоку появилась молодая женщина в ярко-желтой кофте. Она метнулась мимо мальчишек к Тамико, обняла ее и что-то быстро-быстро заговорила на непонятном языке.

Тамико молча затрясла головой, а женщина взглянула на мальчишек и тихо сказала:

— Уходите, уходите. За что вы ее обидели? Ну за что?

— Мы?! — изумился Жорка. — Мы ее не обижали!

Мальчишки попятились в кусты, напуганные и удивленные.

Тамико подняла заплаканное лицо, что-то сказала женщине, потом повернулась к ребятам.

— Я просто так. Просто так. Не обижайтесь на маму. Приходите завтра. Приходите.

Жорка и Владик выбрались из сирени, молча пробежали по Березовой аллее и остановились только у дуба Петра I.

Потом Владик перевел дух, покрутил пальцем у виска и сказал:

— Сумасшедшие какие-то. Обе они сумасшедшие.

— Нет, — задумчиво отозвался Жорка, — тут что-то не так. Что-то тут есть такое, — он прищелкнул пальцами.

— Какое такое?! — разозлился Владик. — Никакого такого, просто все девчонки ревы, а эта особенно.

— Нет, тут есть какая-то тайна, — упрямо сказал Жорка.

НА КАТЕРЕ

Демьяныч уже отвязывал цепь, когда на набережной появились мальчишки.

Катер стоял на Мойке оксоло их дома, видно, Демьяныч приезжал обедать.

— погоди, Демьяныч, постой! — заорал Жорка, — ты куда?

— А-а, это вы, обормоты! Все носите, обувь рвете, бездельники. Ты, Жорка, опять сегодня зубы не почистил? Мамка жаловалась. Ох, возьмусь я за тебя, ох, возьмусь, — проворчал Демьяныч.

— Я почищу. Чего им сделается, — торопливо сказал Жорка, — ты куда сейчас пойдешь?

— К Невской Лавре сгонять надо, краску строителям отвезти.

— Возьми нас с собой, а? Возьми, Демьяныч.

— Возьми, возьми... Сечь вас надо, а не на катере катать, — Демьяныч отвернулся, тщательно отер ветошью руки, — ладно, садитесь. Только ноги как следует вытрите, — сказал он.

Мальчишки радостно завизжали, прыгнули в катер и уселись на кожаном сиденье.

Сиденье было горячее, накаленное июльским жарким солнцем.

Солнце было всюду. Оно плавилось в мутной желтоватой воде, сияло на ярко надраенной медяшке, обливало голову и плечи золотой горячей волной.

Хорошо, когда солнце!

Катер летел, разводя пенные усы, мимо Летнего сада. Потом он скользнул в Фонтанку, разогнался, нырнул на мгновение под прохладный гулкий мост и выскочил в Неву.

Ну до чего же это здорово — нестись по летней Неве на быстроходном катере, обгонять неуклюжие прогулочные лодки, срезать носы у пытящих работяг-буксиров, волочащих за собой бесконечные пахнущие горячей смолой плоты; нырять под выгнутые спины мостов, басовито грохочущие под колесами трамваев, и орать во все горло песню. Или просто так орать. Потому что солнце, потому что скорость, потому что ветер.

А он, ветер, забирается под рубашку, упруго надувает ее сзади, как парус, холодит спину и выдавливает из глаз веселые слезы.

— Ну, чего орете, обормоты, — ворчал Демьяныч, а сам улыбался, и Жорке с Владиком казалось, что он и сам не прочь поорать вместе с ними.

Катер высоко задрал нос, о днище дробно забухали волны.

Казалось, что ты и катер — одно существо, сильное и стремительное.

Мышцы напряглись сами собой — дрожь катера передавалась мальчишкам.

— Демьяныч, дай порулить, а? Дай, Демьяныч! Немножечко, — попросил Жорка.

— Еще чего, — сказал Демьяныч, а сам сбросил скорость.

Катер опустил нос, принял нормальное положение, и встречное течение быстро погасило его бег.

— Ну-ка, — сказал Демьяныч и пересел, — только полегонечку.

Педаль торчит из днища вниз. А справа — ручка. Реверс. Реверс от себя, ногой на педаль — катер идет вперед. Реверс на себя, ногой на педаль — катер идет назад. И еще баранка, обыкновенная, как в автомобиле.

Ты ее крутишь, а за кормой поворачивается перо руля. Вот и все управление. Просто и удобно.

Жорка сел на место Демьяныча, нажал педаль. Катер резко прыгнул вперед — дал козла.

Жорка виновато взглянул на Демьяныча и Владьку, даже руль отпустил. Но Демьяныч добродушно ухмыльнулся, и Жорка снова вцепился в баранку. Сегодня он был добрый, Демьяныч. После обеда, наверное.

Жорка вел в атаку торпедный катер. Впереди враг. Вражеский линкор. Или авианосец.

Вперед! Жорка пригнул голову, спрятался за ветровое стекло. Враг все ближе и ближе. Рвутся снаряды, секут воду пулеметные очереди. Врага надо обмануть: резкий поворот вправо, влево. Катер летит зигзагами. Ага! Мимо! Попробуй попасть!

Аппараты к бою! Торпеды... товсь! Залп!

— Ты чего хулиганишь? — рявкнул Демьяныч, — в баржу врезаться хочешь? А ну-ка, лезь назад.

Жорка опомнился. Линкор — старая баржа, стоящая на якоре — остался позади. Жорка оглянулся, увидел разгневанного Демьяныча, обиженное лицо Владьки и покраснел.

«Ну вот, теперь Владьке не даст порулить. Ни за что не даст», — покаянно подумал он, но на всякий случай заканючил жалобным хитрым голосом:

— Демьяныч, а Владьку? Дай ему тоже. Он осторожно будет. Остороженько. Он не то что я. Он не такой.

Но Демьяныч был непреклонен.

— Знаю я вас, — сказал он, — и тебя, и твоего Владьку. Вам бы только хулиганить. Катер — это не игрушка, не для того он мне даден, чтоб сопляки им баловались.

И Демьяныч сам сел за руль.

ДИМКА

На левом берегу у Лавры и на правом у Заневского проспекта гудят подъемные краны, полыхают голубые вспышки электросварки, режут самосвалы.

Посреди Невы с тяжким грохотом забивают сваи, ухают стальные многотонные бабы, пронзительно визжат лебедки.

Через Неву строят новый мост.

Город растет. Появляются, как грибы после дождя, новые улицы, новые районы.

И тесно самосвалам — могучим МАЗам, ЯЗам, и тесно автобусам, тесно троллейбусам.

Даже каким-нибудь «Запорожцам», похожим на пластмассовые мыльницы, и то тесно на старых мостах.

Потому и строят новый — прямо из центра города к Охтинскому химкомбинату, в район фабрик и заводов, на Выборгскую сторону.

Димкин папа работает механиком в мостоотряде. И сколько помнит себя Димка — они строят мосты.

Правда, строит не сам Димка, а мостоотряд, но в мостоотряде все знают Димку и он всех знает. Он здесь свой человек. И уж в

том, как строить мосты, разбирается не меньше любого другого.

Он и родился-то на стройке, на Днепре. А потом сколько он их повидал, мостов! И на Северном Донце, и в Карпатах через Буг, и в Белоруссии через реку Птичь, и самый последний в Архангельске через Северную Двину. А теперь вот в Ленинграде, через Неву.

Димка — кочевник. Он кочует с мостоотрядом. Как древний скиф. Или как недревний цыган. Это отец так говорит. Мы, говорит, с тобой, Димка, цыгане. Только вместо коня у нас ГАЗик.

А Димке что, ему ГАЗик милее любой лошади.

Здесь, в Ленинграде, Димка с самого начала. Когда ничего и в помине не было. Только Нева да два берега. Ну и еще почти полтысячи мостов. Только это какие мосты? Это уже построенные мосты. Зато новый, Димкин, будет самый большой в Ленинграде.

Сейчас-то что! Уже и пандусы готовы, и сваи для быков, и два пролета сваренных лежат на обоих берегах. Скоро их устанавливать начнут. Вот будет горячка!

Димка шел по территории стройки, шел у самой кромки воды, перепрыгивал через толстенные двутавровые балки, балансировал на подкрановых путях, здоровался со знакомыми.

Где-то наверху, в своей стеклянной будочке, сидел старый его приятель дядя Федя — машинист башенного крана.

Димка задрал голову, понаблюдал, как он ловко орудует решетчатой костлявой ручищей своего крана: подает монтажникам сварные конструкции.

Дядя Федя заметил его, помахал кепкой.

— Привет, Димка! Лезь ко мне, к солнышку поближе! — крикнул он.

— Его и тут хватает! — прокричал в ответ Димка, — мне некогда! Купаться иду.

— Гляди в мазут не нырни. Сразу негром станешь, — засмеялся дядя Федя.

Димка нахмурился. Ишь, смеется. Все забыть не может, как оттирал его бензином.

Весь мостоотряд тогда над Димкой потешался. Он в бак с мазутом упал. Поскользнулся и бултых!

Подумаешь! С каждым может случиться.

У него потом целый месяц кожа шелушилась.

«Шелудивый ты мой», — дразнил его отец.

Шелудивый! Технику безопасности надо было соблюдать — не оставлять бак открытым, чтоб туда люди не падали. Ничего бы и не случилось.

Правда, ходить по жиденькой дощечке над баком, врытым в землю, никто его не просил, но все равно — был бы мазут закрыт, Димка бы в него не свалился — факт. А тут еще дощечку положили. Будто нарочно, чтоб людей дразнить.

Уж Димка-то знает эту технику безопасности. Что к чему. Что можно, что нельзя.

Как-никак, двенадцать лет на стройке — не шуточки.

Димка залюбовался строгими четкими контурами готового пролета.

Пока он громоздится вдоль берега на суше, и на взгляд постороннего ничего красивого в нем нет — просто груда рыжего от ржавчины железа. Но скоро придет время, и он тяжело ляжет на бетонные опоры быков, а издали будет казаться стремительным и легким.

ПАЧКА ЭЛЕКТРОДОВ

Димка вышел на пирс и увидел легкий спасательный катер, лихо разворачивающийся невдалеке.

За рулем сидел тощий дядька с унылыми усами, а на заднем сиденье развалились двое мальчишек.

Катер резко погасил скорость и четко, щеголевато пришвартовался недалеко от Димки.

Усатый дядька с грохотом бросил на пирс две круглые банки с яркими оранжевыми этикетками.

Потом выпрыгнул сам, зачем-то погрозил кулаком мальчишкам и ушел с банками под мышками. Издали казалось, что он тащит две дыни.

Мальчишки сразу вцепились в руль, завер-

тели его, но это им быстро надоело, и они тоже вылезли на пирс.

Димка видел все это вполглаза. Он делал вид, будто всматривается в противоположный берег, а сам украдкой поглядывал на гостей.

Мальчишки тоже притворялись, будто они его не замечают. Ловко у них это получалось. Будто Димка пустое место. Будто на пирсе — хоть шаром покати — никого.

Только раз Димка поймал быстрый взгляд одного — чернушного такого: зыркнул своими шустрыми глазами и сразу отвернулся.

Мальчишки потолкались на пирсе и пошли на территорию стройки.

Димке это не понравилось, и он решил пойти за ними, поглядеть, что за типы. Доверия они не внушали.

Две подозрительные личности сразу начали вытворять безобразия. Они нырнули под стальные переплетения мостового пролета, юрко пошарили там и увидели пачку электродов.

— Гляди, Владька, — сказал черный, — написано: «Электроды. УОНИ-55/59». Видал? Чего это за УОНИ?

— Ими железо заваривают, — ответил второй тоном знатока,

«Заваривают! — презрительно подумал Димка. — Это твоя мамка чай заваривает. А сталь сваривают. Серые!»

Тот, который Владька, схватил электрод, хлестнул им по бетонному столбу.

Электрод брызнул осколками обмазки и в руках у Владьки остался голенький тонкий стержень.

— Ух ты! Видал, Жорка? Ай да УОНЯ! — закричал он.

Жорка тоже попробовал, и ему понравилось.

Мальчишки стояли друг против друга и по очереди лупили электродами по столбу. Только искры летели.

Ну, уж такого Димка стерпеть не мог. Ишь, явились! Размахались. Вся Димкина душа возмутилась. Этой пачкой можно было десяток раскосов сварить, а они еще ржут, как кони.

— Эй, вы! А ну, положите электроды, — сказал он и вплотную подошел к мальчишкам.

— Это еще кто такой? Ты его знаешь? — с притворной озабоченностью спросил Владька.

Жорка с таким же притворным сожалением покачал головой.

— Не знаешь? Ну, тогда катись, пацан, колбаской по Малой Спасской.

— А я говорю, положите электроды, — тихо повторил Димка и встал поудобнее. На всякий случай.

— Ты чего за нами шпионишь? Я тебя давно заметил, — сквозь зубы спросил Жорка. — Ты кто здесь? Хозяин? Это твое?

— Мое, — твердо ответил Димка.

— Чего, чего? Может, и это все твое? — Жорка неопределенно прочертил в воздухе рукой.

— Мое.

Мальчишки переглянулись: ну уж от такого нахальства просто кулаки зачесались.

— Дай ты ему, Жорка, в лоб, чтоб не завирался, — лениво посоветовал Владька.

— Сначала электроды положи, — сказал Димка.

— Ну, положил.

— А теперь дай. Попробуй.

— Просишь? — сказал Жорка.

— А ты попробуй.

— Двинь ему, Жорка, двинь! А я судить буду, — обрадовался Владька. Он любил глядеть, как дерутся. Это было гораздо интереснее, чем драться самому.

Жорка размахнулся и заехал Димке по уху. И тут же получил сдачи.

Через мгновение они, сцепившись, возились в пыли и сопели — красные и разъяренные. Сквозь стиснутые зубы они выталкивали всякие обидные слова. Норовили оседлать друг друга.

Но ни одному это не удавалось, а Владька бегал вокруг и подзадоривал Жорку. Владька уже примеривался, как бы поудобнее двинуть врага, но вдруг он оторвался от земли и нелепо заболтал в воздухе ногами.

Две здоровенные руки схватили разъяренных бойцов за воротники, приподняли, встряхнули и поставили на ноги.

— Это еще что такое? Солнце затылок напекло? Как тебе, Димка, не стыдно? Так-то ты гостей принимаешь?

Димка взглянул на дядю Федю — вечно он появляется в неподходящее время. Видно, пообедать спустился — из кармана спецовки торчит промасленный сверток. Обедал бы у себя на верхотуре. Там воздух чище. Теперь опять смеяться будет, подковыривать.

Димка мрачно молчал. Не ябедничать же.

— Чего помалкиваешь? А ну-ка, миритесь! Быстро. Дай ему руку.

— Еще чего, — буркнул Димка.

— Фу, какой стыд! — сказал дядя Федя. — Ты здесь хозяин или нет?

— Угу.

— Тогда мирись.

— Не буду.

— Знаешь, Дмитрий, это просто некрасиво, — рассердился дядя Федя, — придется с тобой иначе потолковать, посерьезней.

И он отошел.

Мальчишки помолчали.

— Ну, ты, хозяин, — тихо сказал Жорка, — тут у тебя, я гляжу, всюду защитнички. Так, может, в другом месте встретимся? Если не боишься.

— Тебя-то? Хихикс! В каком месте?

— А приезжай на Каменный остров. К дубу Петра I. Знаешь?

— Узнаю. Когда?

— Завтра. В десять часов.

— Ждите, — сказал Димка, повернулся и непримиримо зашагал прочь.

ЧТО КОМУ ИНТЕРЕСНО

На круглых электрических часах большая стрелка судорожно дернулась и перескочила на цифру 2.

— Пошли, — сказал Владька, — не придет он. Сдрейфил, наверное.

— Что-то не похоже. Не такой он, по-моему, парень, — ответил Жорка.

— Чего ж его нет? Может, его целый день ждать?

— Ну ладно, пошли.

— На бон?

— Нет, Владька, пойдем к той девчонке. К Тамико. Ладно? Она же нас звала.

— А-а, ну ее! Опять реветь начнет. Терпеть не могу, когда режут.

— Терпеть не могу! Будто сам никогда не ревел. Откуда ты знаешь, отчего она плакала. Может, у нее горе какое?

— Скажешь тоже — горе! Какое, интересно знать, у нее горе может быть? Смех один. Куклу потеряла? Просто плакса она. Да и мамаша, видал, какая злющая. Того и гляди уши надерет...

— Привет, — раздался сзади голос.

Жорка и Владик враз обернулись и увидели мальчишку со стройки.

Он был красный, потный и дышал, как загнанная лошадь. Видно, бежал со всех ног. Торопился.

— Привет, — отозвался Жорка.

Ишь ты! Не испугался. Один пришел. В такую даль приперся и не побоялся засады. Умеет слово держать.

Драться Жорке ни капельки не хотелось. Он попытался сам себя разозлить, представил, будто этот мальчишка здорово его обидел, да не как-нибудь, а подло: Жорка увидел себя привязанным к дереву, как Пятнадцатилетний капитан, а рядом этого мальчишку с плеткой. Он всегда так себя распалял.

Но на этот раз ничего не вышло. Никак он не мог представить этого мальчишку с плеткой.

Драться решительно не хотелось.

Мальчишка молчал. Молчали и Жорка с Владиком.

На чугунный заборчик, огораживающий дуб Петра I, села маленькая желтая птичка, с любопытством оглядела мальчишек черными юркими бусинками глаз и вдруг, запрокинув голову, разразилась переливчатой, звонкой трелью. И снова поглядела на мальчишек. Будто спрашивала:

«Ну как? Здорово я пою?»

— Здорово, — сказал Жорка и рассмеялся.

— Это чиж, — сказал незнакомый мальчишка.

— А тебя как зовут? — спросил Жорка.

— Димка.

— А меня Жоркой зовут. Его — Владиком. Он мой друг.

— А чижихи не поют, — сказал Димка, — поют только чижихи. У них на горлышке темное пятнышко. Если с пятнышком — хороший певец.

— А ты откуда знаешь? — спросил Владик.

— Жил у меня чижик. Всю зиму жил. Я его семечками кормил. Надавливаю семечек бутылкой, он и клюет. Совсем ручной стал.

— А где он сейчас?

— Выпустил весной. Он улетать не хотел, все в форточку бился. Потом улетел.

— Слушай, а чего тебя тот дядька хозяином называл? Ты работаешь на стройке?

— Нет. Я еще учусь. В шестой перешел. У меня батя в мостоотряде работает. А дядя Федя шутил. Он меня с пеленок знает. Мы всюду вместе ездим.

— А ты любишь корабли? — спросил Жорка.

— А как же! Ясно.

— Я буду моряком. Вот. Владька музыкантом. А ты?

— Я строителем стану. Мосты буду строить.

— Ну... интерес собачий. Была нужда, — протянул Владька.

— Много ты понимаешь, — обиделся Димка.

— Брось, Владька! Может, ему и вправду интересно. Тебе интересно на скрипке пиликать, ему мосты строить. Чего пристал к человеку, — решительно сказал Жорка.

Владька удивленно на него поглядел и смутился.

— Да я ничего. Пусть себе строит. Пожалуйста, — сказал он.

Мальчишки неторопливо зашагали по аллее.

— Сейчас мы на гребную базу зайдем, — сообщил Владька, — у нас там тренер знакомый. Ты, Димка, академические лодки видел?

— Видел. Издали.

— Издали — ерунда. Сейчас вблизи посмотришь. Даже потрогать можешь. У нас там тренер — приятель. Олег Баранов.

Владька говорил гордым таким, солидным голосом — пыль в глаза пускал.

— Может, сперва к Тамико сходим? — сказал Жорка.

— А кто такой Тамико? — спросил Димка.

— Девочка такая.

И Жорка рассказал о вчерашней встрече.

Димка слушал, и видно было, что не просто так слушает, а с пониманием. Это сразу видно, когда человек с пониманием слушает, а не так — лишь бы номер отбить.

— Да, странно, — задумчиво сказал Димка, — не может человек просто так, ни с того ни с сего плакать. Даже если этот человек девчонка. Причина значит есть.

ГИЧКА „АКУЛА“

— А-а, друзья-приятели явились, — сказал Олег, — молодцы, что пришли. Хотите лодку?

— Чего спрашивать-то! Конечно, хотим, — ответил Жорка.

— Тогда вот что: видите эту длинную лодку? Называется она гичка. Сейчас пойдем в кладовую, я вам дам скребки. Гичку надо очистить от старой краски — ободрать ее, потом прошпаклевать, наложить грунтовку и покрасить. Сумеете?

Мальчишки молчали.

— Кто из вас красил когда-нибудь? — спросил Олег.

— Я, — сказал Димка.

— Ты? Что-то я тебя не видел раньше. Ты кто такой?

— Это наш приятель, — сказал Жорка, — его отец в мостоотряде работает. Новый мост строит.

— Очень хорошо, — Олег кивнул, — а что ты красил?

— Лодки красил. И балки стальные суриком грунтовал. Малярам помогал, — сказал Димка.

— Ну? Да ты, оказывается, классный специалист. Решено: будешь инструктором — научишь своих дружков. Пошли за инструментом.

Через несколько минут, вооруженные скребками и жесткими стальными щетками, мальчишки принялись очищать гичку от старой потрескавшейся краски.

— Лодку до ума доведете — будет у вас корабль. Любишь кататься — люби и саночки возить, — сказал Олег и ушел.

Мальчишки радостно переглянулись и с остервенением набросились на краску.

Надо же! Иметь свою гичку на гребной базе. И не просто какую-то лодку, а гичку! Одно название чего стоит. Настоящее моряцкое слово — гичка. В классе помрут от зависти, расскажи им такое.

— А как мы ее назовем? — спросил Жорка.

— «Ласточка», — предложил Владька.

— Ну уж нет, дудки. Ласточка! У всех дачников лодки Ласточки. Ты еще Надеждой ее обзови или другим каким-нибудь девчачьим словом.

— Сам-то ни шиша не придумал еще, — обиделся Владька.

— Я придумал, — твердо сказал Жорка, — мы назовем ее «Акула». Акула — гроза морей. Идет?

— Идет, — согласился Димка.

Владик подумал и хмуро кивнул.

Я ПОСИЖУ ОДНА

Когда в половине второго мама пришла звать Тамико обедать, у Тамико были красивые глаза и припухшие веки.

— Ты плакала? — испугалась мама.

— Нет, — Тамико мотнула головой.

— Но я же вижу, — заволновалась мама. — Что-нибудь случилось? Ты плохо себя чувствуешь?

Тамико наклонила низко голову и молчала.

— Тамико, гогона, шен кнев гацкенинес, им сазизгарма бичебма? Ну стери, сакварело!¹

— Нет, просто они не пришли. Им со мной неинтересно, — ответила Тамико.

Мама, когда волнуется, всегда говорит по-грузински. Это ее родной язык.

А у Тамико два родных языка. У нее папа русский.

Тамико приехала в Ленинград из Грузии, из города Кутаиси.

Ее папа работает там на автомобильном за-

воде. Он инженер-конструктор. Придумывает новые автомобили.

Раньше, еще когда Тамико не было на свете, он жил и работал в Москве. А потом его послали в Кутаиси. На новый завод. Помогать грузинским товарищам. Там он и остался.

Ему понравилось в Грузии. Он там и маму Тамико встретил.

Тамико тоже нравится Грузия. Вообще нравится, потому что Грузия очень красивая страна, и еще потому, что это ее родина. Очень хорошая родина. Самая лучшая. Вообще-то всегда самое лучшее место для человека — его родина. Но не у всякого на родине есть горы со снеговыми сияющими вершинами, и синие грабовые леса, и Черное море. Правда, в самом Кутаиси моря нет, но все равно оно близко. Красивая родина Грузия.

Тамико первый раз уехала из дому.

С самого рождения Тамико привыкла, что вокруг горы. Куда ни глянь — всюду горы, будто поросшие кудрявой зеленой шерстью.

А тут вдруг поезд вырвался из кольца гор,

¹ Тамико, девочка, опять тебя обидели эти противные мальчишки? Не плачь, родная! (груз.).

проскочил сквозь дымные тоннели и вылетел на такой простор, что дух захватило.

Сначала было море. Оно выплеснулось беспредельным синим пространством. Таким огромным и ярким, что заломило глаза.

Тамико жадно глядела на него, и ей просто жутко хотелось пронестись по этому синему живому простору на могучем стремительном корабле. Хоть немножечко. Хоть самую малость! Так, чтобы упругая струя воздуха откидывала назад волосы, обливала тело прохладой и силой.

Потом поезд вынес ее на спокойные бескрайние поля.

Земля была расчерчена лесными полосами на ровные квадраты; она лежала задумчивая и тихая.

Поезд пролетал мгновенными грохочущими мостами, и Тамико успевала разглядеть чужую таинственную жизнь внизу: просмоленные рыбацьи лодки, сохнувшие невесомые сети и загорелых веселых людей, приветливо махавших руками вслед поезду.

И она махала им — этой незнакомой и доброй жизни.

А жизнь была всюду. И всюду она была разная: пирамидальные закопченные терриконы Донбасса никак не перепутаешь с белыми мазанками казачьих станиц, охраняемых головастыми рыжими подсолнухами.

Москву проехали ночью. А потом потянулись леса. Север был весь в валунах и белоногих березах — прозрачный и светлый.

К концу пути Тамико устала от ярких летящих впечатлений. Стоило ей закрыть глаза — и дорога разворачивалась разноцветной лентой. Как в кино. Многое слилось в ее памяти, перепуталось.

Только море она помнила очень хорошо. Может быть, потому, что увидела его первым.

А потом был Ленинград. Он промелькнул в окне такси — шумный, бурлящий, многолюдный.

У сонной Тамико закружилась от него голова. Она задремала, а когда открыла глаза, машина скользнула в прохладную зеленую аллею, и шумный город исчез за деревьями. Тамико очутилась в деревянном доме с резными наличниками — тихом и скрипучем.

Здесь жила ее тетка, родная сестра отца. Здесь кончалась дорога.

— Ну стирь, сакварело! Ну стирь! — повторяла мама.

— Я не буду, мамочка. Не беспокойся. Я вспоминала, — сказала Тамико и улыбнулась.

И мама вся засветилась от радости. Она любит, когда Тамико улыбается.

— Пойдем обедать, доченька.

— Ты иди, мама. Мне пока не хочется. Я еще часок посижу и приду сама.

Мама поколебалась мгновение, но настаивать не стала.

— Хорошо, родная, посиди. Я пойду помогу тете Тане.

НАДЕЖДА

Тамико задумчиво глядела на подернутую зеленой ряской воду.

Да, славная штука — путешествия. Что может быть лучше! У каждого человека впереди должна быть дорога. Тогда человеку веселее жить. После дороги человек становится умнее. И лучше.

Только эта первая дорога Тамико была не очень-то веселой, если разобраться. Потому что сколько бы перемен ни было там, за вагонным окном, внутри человека остаются все его мысли, и печали, и горе. От них не убежишь ни на какой скорости.

А Тамико все время помнила, зачем они с мамой едут в Ленинград.

Они ехали за надеждой. Они ехали в тревоге. Они, наконец, решились — и Тамико, и мама, и папа.

Тамико везли в больницу. К самому лучшему доктору.

Здесь ей сделают операцию. Потому что у Тамико больное сердце. Есть такая болезнь — врожденный порок сердца.

И оттого Тамико не такая, как другие девочки и мальчишки. А ей хочется быть как все. Бегать по траве, плавать, прыгать, лазать по деревьям. Очень ей этого хочется.

Сейчас она может только ходить. А если побежит, ей сразу не хватает воздуха. У нее одышка.

Это очень обидно — хотеть такой малости, доступной всем — побегать и...

Тамико часто думает, глядя на других девочек и мальчишек, что они не понимают, как им повезло. Не ценят. Им кажется, что так и должно быть.

И, наверное, это правильно. Конечно, только так и должно быть. Как же иначе? А так, как у Тамико, быть не должно. Ни с кем. Никогда.

Здесь, в Ленинграде, Тамико все время помнит про свою болезнь. Там, дома — в Кутаиси, все привыкли, что Тамико такая. Да и Тамико привыкла. У нее были друзья, много друзей.

Девчонки и мальчишки, с которыми она дружила в Кутаиси, считали, что так и должно быть. Им казалось это естественным. Все ведь люди разные, все отличаются друг от друга. А Тамико отличается чуточку больше. Так считали ее друзья. Тем более, что она никогда не жаловалась.

Они бы несказанно удивились, если бы увидели, что Тамико забирается на дерево или, например, кувыркается. И еще больше удивились бы они, если бы узнали, что Тамико заводит им.

Тамико не могла бегать, как все, зато она могла делать многое такое, что все не могли.

Она умела рисовать. И книжек прочитала больше всех. Что еще остается человеку, если он побегать и то не может всласть.

Умная, спокойная Тамико! Красивая Тамико!

В Ленинграде все изменилось. Тамико впервые в жизни пообещали, что она может быть другой, совсем здоровой.

Это пообещал ей доктор, большущий неторопливый человек с рыжей бородой.

Он познакомил ее с двумя девчонками. Они весело прыгали через скакалку в пустынном тихом саду — раскрасневшиеся и счастливые.

Доктор рассказал, что совсем недавно, до операции, они чувствовали себя еще хуже, чем Тамико сейчас.

Тамико недоверчиво и чуточку враждебно смотрела на них. Доктор улыбнулся, и она поняла, что этот человек не может обманывать: такие уж у него были глаза — неврущие.

Этот разговор и скачущие девчонки так взбудоражили Тамико, что ей теперь казалось, будто это и не она вовсе, а другой человек. Вот взяла вдруг и заревела при незнакомых мальчишках. Никогда с ней такого не бывало. Стыдно вспомнить. И, конечно, эти дураки решили, что она плакса и нюня, поэтому и не пришли больше. Ну и пожалуйста. Ну и наплевать. Хотя и обидно.

Что и говорить, операция — это очень страшно. Но если бы сейчас вдруг сказали: не будем тебе ничего делать, — это было бы страшнее, это было бы ужасно. Потому что без надежды нельзя жить человеку. Так думала и чувствовала Тамико. И было ей очень тревожно.

И еще у нее не было здесь друзей. А это уж совсем скверно.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Ух, и уработались же они! Ох, и уходились!

Это только сперва казалось, что обдирать эту чертову гичку легко. Но очень скоро пальцы, сжимавшие скребок, занемели, заныли плечи.

Скребки пришлось откладывать и махать руками, трясти пальцами.

Потом они проделывали это чаще и чаще и, наконец, Владька не выдержал. Он, кряхтя, разогнулся и сказал:

— Ну ее к чертям, эту гичку. Пусть она, братцы, отдохнет. А то мы скоро протрем ей бока до дырок. Айда купаться.

— Чего ж, это можно, — согласился Жорка. Как-то уж очень поспешно согласился.

Димка скребанул еще разок, аккуратно обтер пальцами скребок и положил его на пирс.

— Угу, — сказал он.

Мальчишки побежали на самый конец бона, там была сколочена небольшая самодельная вышка с длинной гибкой доской — трамплином.

На ходу сбросили рубашки и штаны — остались в плавках.

Димка был чернуший, выдубленный, прямо-таки прокаленный солнцем. Жорка с Владиком только ахнули.

— Когда это ты успел, Димка? — спросил Владик.

— А я еще в марте начал. Заберусь в какой-нибудь закуток между штабелями досок, разденусь и загораю. Люди еще в шубах ходят, а в закутке солнышко припекает и пахнет смолой, как в лесу, теплынь — хорошо.

Жорка с уважением поглядел на мускулистого, подбористого Димку и подумал, что, пожалуй, он правильно сделал, когда не стал с ним драться. Наверняка ему, Жорке, перепало бы больше.

Владька раскачивался на трамплине.

Он раскачивался все сильнее и сильнее. Гибкая ясеневая доска почти касалась воды.

Потом Владька оттолкнулся, нелепо растопырив руки и ноги, медленно перевернулся в воздухе и гулко плюхнулся в маслянистую тугую воду.

Он тут же вынырнул, отфыркиваясь, как морж, потряхнул головой и заорал:

— Ух и здорово, ребята! Давайте сюда, ко мне. Вода теплая — блеск.

Жорка прыгнул с бона, подняв тучу брызг, и захлопал саженками к Владику.

— Макнем? — тихо спросил он и незаметно кивнул головой в сторону Димки.

— Угу, — бормотнул Владька, и они отплыли подальше от вышки.

— Давай, Дима, прыгай. В пятнашки сы-

граем, — сладеньким голосом позвал Владька, — или ты, может, плавать не умеешь?

— Умею, — усмехнулся Димка. Он неторопливо прошел на трамплин. Постоял немного, глядя на ребят. Глаза его стали как две щелочки.

Потом тремя короткими сильными движениями раскачал трамплин, резко взметнулся вверх, бесшумно вошел в воду и исчез.

— Видал? — уважительно прошептал Владик. — Не плеснул даже.

— Да, парень что надо, — сказал Жорка, — лихой. Только все равно макнем. Чтоб не задался.

Но Димка пропал. Сгинул куда-то. Прошло уже довольно много времени, а его все не было.

— Чего это он? — забеспокоился Жорка. — Может, ушибся, а?

Мальчишки переглянулись.

— Как бы беды не...

И Владька исчез под водой. Будто его акула утащила. Или осьминог.

Жорка только успел заметить его вытаращенные глаза и тут же почувствовал, как кто-то скользкий и холодный вцепился ему в ноги и дернул вниз.

Жорка заорал и хлебнул добрый глоток воды. Он дрыгал ногами, молотил кулаками.

Ужас объял Жорку.

Он рванулся изо всех сил, пробкой вылетел на поверхность и сразу же увидел такого же перепуганного Владьку.

А чуть в стороне хохотал-заливался Димка. Он просто обессилел от смеха. Прямо-таки скис.

— Ну что, макнули? Ха-ха-ха! Макнули? Думаете, я не заметил, как вы договаривались?

Жорка с Владькой метнулись за ним, схватили, навалились, но Димка выскользнул, как угорь, и с места рванул таким стремительным кролем, что и догонять его не стали.

И пошла потеха! Мальчишки налетали друг на друга, брызгались, визжали.

Весь этот гвалт гулко разносился по воде, бился в берега, возвращался эхом.

Из окошка выглянул Олег, погрозил кулаком. Потом он все-таки не выдержал и в трусиках прибежал на бон. Очень уж заразительно хохотали и возились мальчишки.

Олег с разбега сиганул в воду, и тут уж началось такое, что даже уборщицы испуганно выскочили из дома.

Мальчишки облепили Олега, щекотали, тискали его, а он, как медведь, ворочал тяжелыми плечами, хохотал и визжал.

— Ой, не могу! Ой, братцы, не губите! Утопну я! Ой! — причитал он, а сам ловко окунал с головой то одного, то другого.

На пирс вылезли обессиленные, задыхающиеся.

Плюхнулись на раскаленные, пропитанные солнцем и смолистым духом доски, блаженно вытянулись — усталые и счастливые.

Июльское солнце жадно слизало с тел дрожащие прозрачные капли, стало припекать.

— Ну что ж вы, братцы? Купаться — оно, конечно, здорово, а кто работать будет? Или вы уже утомились?

Голос у Олега был ехидный.

— Это мы-то? — взвился Жорка. — Да мы ее сегодня же всю обдерем. Не уйдем, пока не кончим.

— Ну-ну, — с сомнением сказал Олег и ушел.

— Покажем ему, пацаны? — спросил Жорка.

— Покажем, — решительно сказал Димка.

— А может, лучше завтра? — разморенным голосом отозвался Владик. — У меня руки отваливаются.

— Что ж, слабаки могут идти домой. Это тебе не на скрипочке пикивать, — рассердился Жорка. — А мы работать будем.

— Сам ты слабак, — лениво огрызнулся Владик, но все-таки взял скребок.

Работали до вечера, молча и сосредоточенно.

Жорка ревниво следил за Димкой, изо всех сил старался не отставать от него.

А Владик уже ни за кем не следил. Ему было все равно. Он устал, как собака. Владик опустил голову и скреб, скреб, боясь выронить скребок из ослабевших пальцев. И потихоньку проклинал Жорку, и себя, и чертову гичку.

А солнце пекло, как ошалелое.

Олег принес три бутылки молока, батон и здоровенный кусок любительской колбасы.

Съели все моментально, проглотили с рекордной быстротой.

Вот бы удивились родители Владика, если бы увидели, с какой жадностью глотает их сын большущие куски черствой булки.

— А теперь — марш по домам. Вы сегодня отдых честно заработали, — сказал Олег, — просто молодцы, не ожидал я от вас такой прыти.

Мальчишки расцвели.

— Это нам, знаешь, хоп хны, — нахально сказал Жорка. — Мы еще и не так можем.

— Что ж, ни капельки не удивлюсь, — сказал Олег, — такие железные ребята все могут.

Мальчишки ликующе переглянулись, и такие у них были гордые лица, что Олег не выдержал и украдкой улыбнулся.

Мальчишки ничего не заметили. Слишком они были поглощены собой.

Они спрятали скребки и, обнявшись, походкой хорошо поработавших, бывалых людей пошли к выходу.

— Жаль, к Тамико сходить не успели, — сказал Жорка.

— Ничего, завтра пойдем, — сказал Димка. Великолепный день, рабочий день кончился.

ТРАВА ПАХНЕТ СОЛНЦЕМ

— Ты боишься? — тихо спросил Димка.

Тамико поглядела на него долгим задумчивым взглядом, как бы колеблясь, стоит ли рассказывать этим едва знакомым мальчишкам то, о чем она и сама-то старается не думать. Потом сказала:

— Боюсь. Я сейчас и боюсь и радуюсь. Знаешь, все перепуталось. Я и сама не очень-то понимаю, хорошо мне или плохо. Я жду.

Мальчишки молчали, серьезные и хмурые, ошеломленные впервые встретившейся им в жизни огромной несправедливостью. И бедой. Такой бедой, где никто не виноват, где ничем нельзя помочь и слова утешения ничего не значат.

Все трое чувствовали себя немножко виноватыми оттого, что они такие здоровые и счастливые.

Первым пришел в себя Димка. Он всей кожей чувствовал наступившую тишину — тугую и неловкую. И Димка сказал, может быть, чуточку оживленнее, чем было надо:

— Пошли, ребята, на базу. Гичку красить будем. А Тамико нам поможет. Она художница, в красках лучше нашего понимает. Пошли?

— Точно! — подхватил Жорка. — Пойдем, Тамико? Там очень здорово. У нас там приятель есть — тренер. Олег Баранов. Он бывший чемпион. Олег нам лодку дал. Покрасим ее и можно кататься.

Тамико вскочила.

— На лодке?! Ой, мальчишки, я так хочу на лодке! Чтобы лететь по воде, и брызги чтоб, и ветер! Я ведь никогда в жизни еще не пробовала!.. А вдруг и не попробую? — глаза у Тамико стали такие испуганные, что нестерпимо было глядеть. — Быстро чтобы, как вихрь, — тихо добавила она.

Мальчишки переглянулись. Они одновременно подумали об одном и том же. И поняли это. Владик и Димка посмотрели на Жорку.

— Когда тебя в больницу кладут? — спросил он.

— Дня через три, — ответила Тамико.

— С Демьянычем потолковать надо, вот что. Это мой отчим, — пояснил Жорка Тамико, — он на спасательном катере работает, на глассере. Вот там скорость так скорость. Ветер слезы из глаз выжимает. Сегодня же вечером с ним поговорю. Он вообще-то дядька добрый. Только бы настроение у него было хорошее.

— Да, на катере это... конечно! Что говорить. Только на лодке тоже хорошо. Пойдем, Тамико, с нами, — сказал Димка.

— Мальчишки, я-то очень хочу, только как же мама? Она беспокоиться станет. А сейчас ее дома нет. И тетя Таня на работе.

— Это же здесь рядом. Ты ей записку оставь. Положи на скамейку и все тут, — предложил Владик.

— Эх, ладно! Была не была! — махнула рукой Тамико. — Уговорили.

Окончание следует

РУЧЕЙ

Элида Дубровина

Между кочками, между пнями,
В хлопьях пены, в мерцанье лучей,
Все бежит и бежит за нами
Узловатый лесной ручей.

Моет глину, полощет корни,
Обтекает стволы и столбы,
То коричневым станет, то черным,
То застенчиво-голубым...

Снег лавиной схоронит заживо —
Вновь пробьется малыш — и в путь!
Все бежит за нами: «Куда же вы?..»
И в глаза норовит заглянуть.

«Я бегу из лесного терема
На простор красоты голубой...
Не спешили бы, поглядели бы,
До чего я хорош собой!»

А у росстани, у канавы
Синь подснежников, грай грачей.
Мы налево, ручей направо.
«До свиданья!» — журчит ручей.

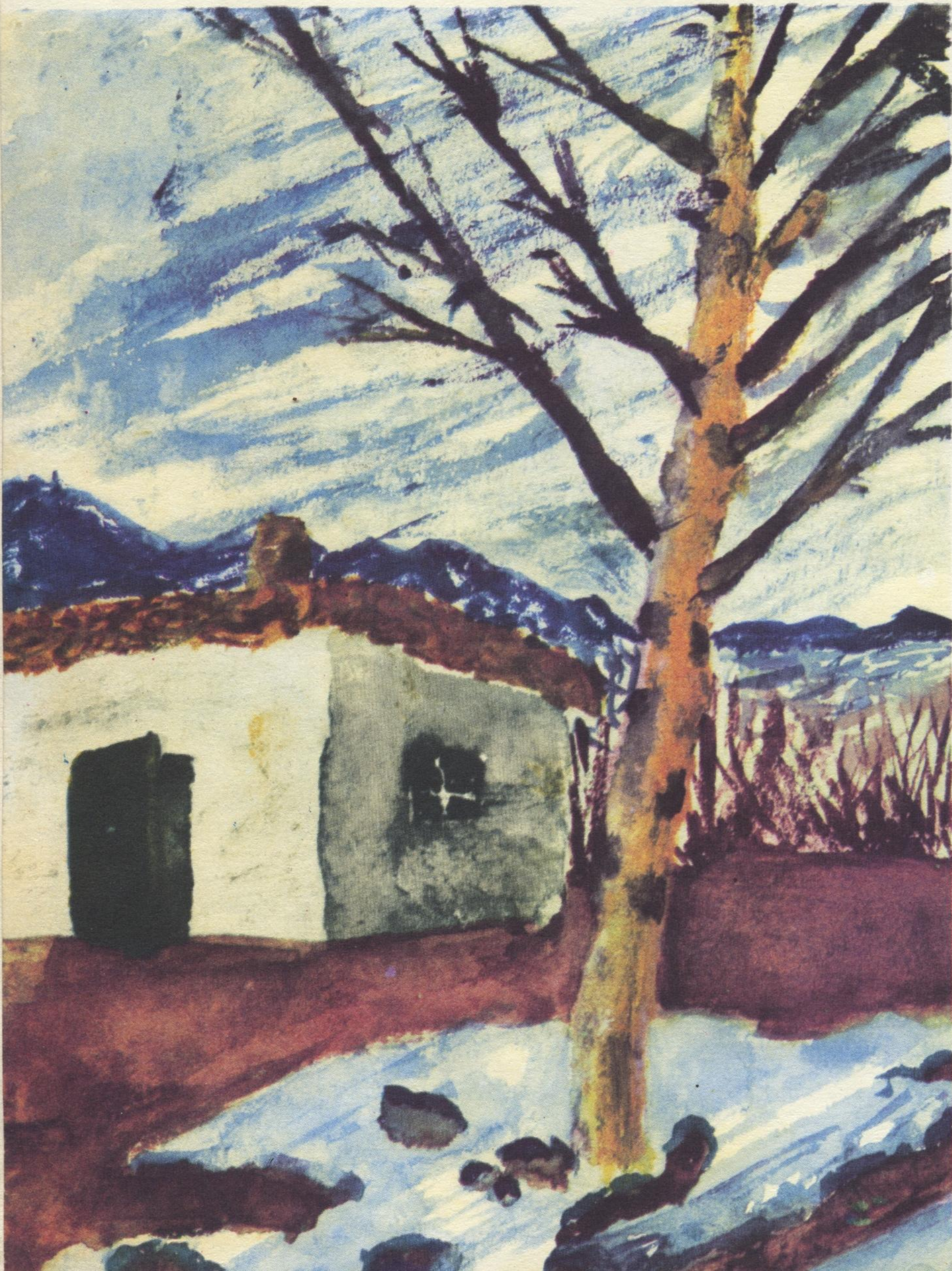
Из бумаги игрушку делаю,
И смеется ручей: «Подари!..»
Ставлю на воду лодочку белую,
И мелькает она вдали.

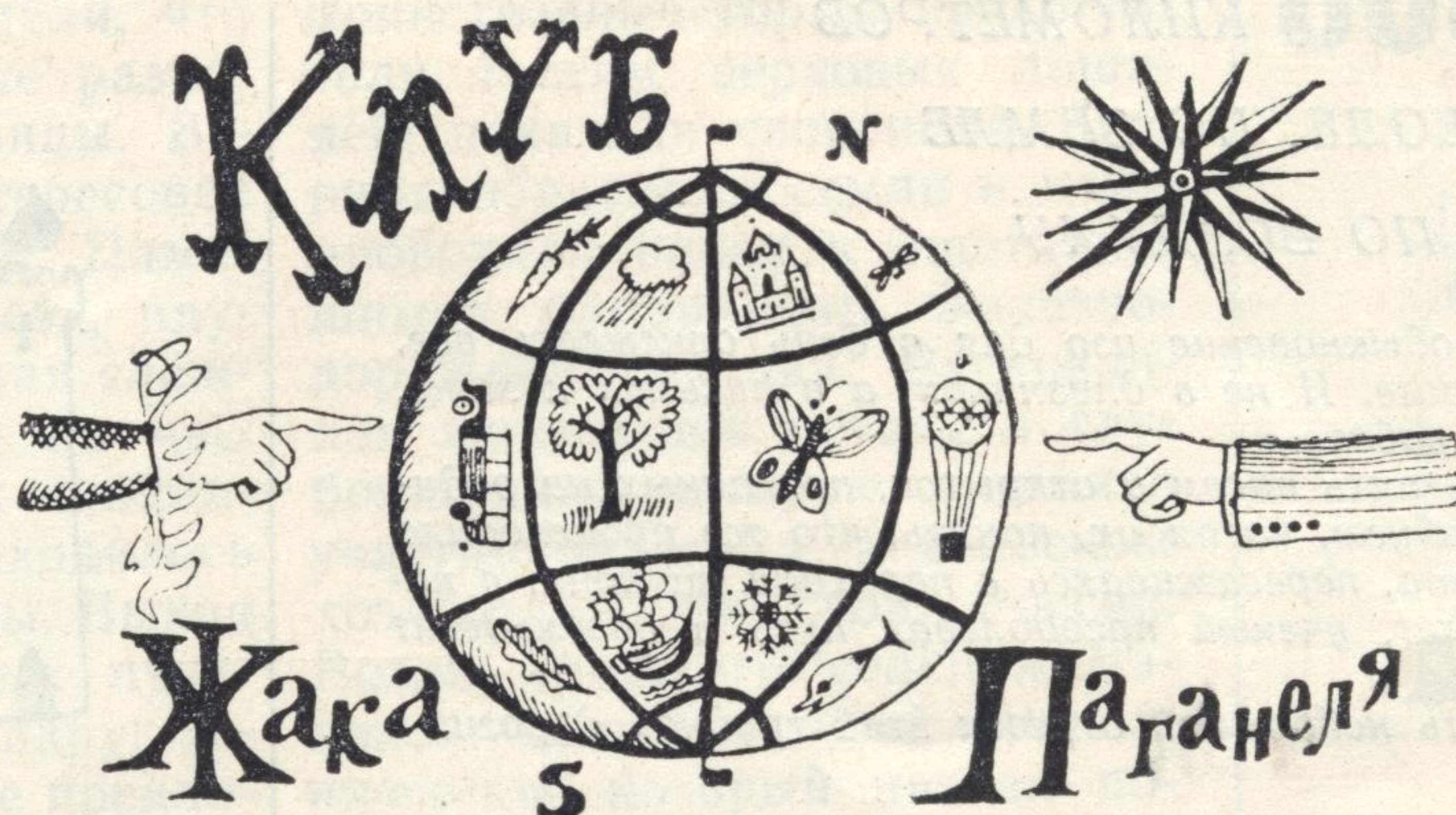
ПОМОЩЬ КОЛХОЗУ

*Шура Миронова, Алма-Атинская обл.,
совхоз „Заря Востока“*

КОНЕЦ ЗИМЫ

*Роза Шеркембаева,
Саратовская обл., ст. Малоузенск*

«Предсказать, предвидеть, предугадать...» — видимо, Лаганаля не на шутку занимала мысль о роли предсказаний в науке, потому что в его записной книжке читаем:

...метеорологи **ПРЕДСКАЗЫВАЮТ** погоду, врачи — как будет развиваться болезнь. Это теперь никого не удивляет. Но есть предсказания прямо-таки чудесные.

Астрономы, например, не видя еще не известного им небесного тела, указали на своих картах, где оно расположено, какая у него орбита, масса, размер. Именно так «за глаза» была открыта более ста лет назад планета Нептун. И притом сразу двумя астрономами — моим соотечественником французом Леверрье и англичанином Адамсом.

И три никому ранее не известных химических элемента, которые «открыл» великий русский ученый Дмитрий Иванович Менделеев! Эти точно описанные им вещества — галлий, скандий и германий были найдены через несколько лет после того, как русский химик **ТОЧНО** указал их места среди других элементов и **ТОЧНО ПРЕДСКАЗАЛ** их свойства и атомный вес.

Поль Морис Адриен Дирак, ученик знаменитого английского физика Резерфорда, в 1928 году высказал предположение, что в природе должны быть позитроны — атомные частицы, подобные электронам, но заряженные положительно. И это **ПРЕДСКАЗАНИЕ** оправдалось: наука познакомилась и с позитроном.

Что же позволяет ученым так блестяще предполагать?..

Спросите любого ученого, и он скажет: прежде всего, важно прекрасное знание законов природы, умение точно проанализировать все, что уже известно по этому вопросу в науке...

Но ведь этого объяснения мало. Вы согласны, что — мало?

Именно поэтому мы и решили пригласить на заседание Клуба Марка Поповского. Писатель много лет изучал творческий путь замечательного советского биолога и агронома Николая Ивановича Вавилова. Вавилов первым пришел к выводу, что каждое культурное растение имеет свою родину. Он **ПРЕДСКАЗАЛ**, что родина ячменя, например, лежит в Эфиопии; место, откуда распространился по свету овес — Пиренейский полуостров.

Как подтверждаются гипотезы, вы сейчас узнаете. Вот отрывок из будущей книги Марка Поповского о Николае Ивановиче Вавиллове.

80 000 КИЛОМЕТРОВ

ПО ВОДЕ, ПО ЗЕМЛЕ

И ПО ВОЗДУХУ

Николай Иванович имел обыкновение изо дня в день описывать все, что с ним происходило в дороге. И не в дневниках, а в письмах к жене, к сыну Олегу, к друзьям по работе.

Передо мной сто двадцать пять писем и открыток, посланных на родину в 1926—1927 годах. Попробуем, читая их, понять, что же происходило в те пятнадцать месяцев, когда, пересаживаясь с парохода на коня, с поезда на автомобиль и самолет, ученый преодолевал путь в восемьдесят тысяч километров.

Проедем вместе с ним хоть небольшой отрезок этой трудной дороги.

...И вот, наконец, заветная земля: семнадцатого сентября 1926 года Николай Иванович Вавилов вступил на пирс сирийского порта Бейрут. Надолго остался у него в памяти этот день. «Впуск сопровождался неприятностями. Таскали в полицию, выделили из всех пассажиров, описали с ног до головы все приметы», — сообщил Николай Иванович жене. От упоминания деталей воздержался. А они были поистине «живописны». Ученого под конвоем, как преступника, вели через весь город в префектуру, его багаж подвергли унизительному обыску. В гостиницу отпустили только после того, как префект получил телеграфное подтверждение из Парижа: французская виза в паспорте советского ботаника действительна. Но преследования не прекратились и после этого. Подмандатная территория Франции Сирия оказалась местом, где научный поиск встретил такой наглый полицейский надзор, что двадцать дней спустя, покидая пределы страны, Вавилов с искренним вздохом облегчения мог констатировать: «После Сирии чувствую себя человеком».

На побережье вокруг Бейрута растениеводу делать нечего. Здесь возделываются в основном привозные культуры — банан, сахарный тростник, цитрусовые. Надо во что бы то ни стало прорываться в

глубь страны. Инициатива ученого раздражает полицию. За стенами Бейрута по всей Южной Сирии — партизанская война. Племена друзов атакуют отряды французских войск, взрывают железнодорожные мосты, держат в страхе всю колониальную администрацию. «Допустим даже, что русский профессор не станет заниматься пропагандой, — рассуждали в префектуре. — Но стоит ли допускать в зону военных действий лишнего свидетеля». На то, чтобы пробить брешь в стене тупой полицейской непреклонности, ушло еще два дня. Наконец бронированный поезд повез ученого в Дамаск.

«Вот и в самом старом городе мира. Хотя и с бронированными вагонами, со стражей, удалось проникнуть. Город замечательный. На краю пустыни, но сам весь в воде. Сады, ручьи. Древний Дамаск (впрочем, как теперь известно, среди городов мира далеко не самый древний) пленял глаз. Его незыблемую прочность путешественник ощущал на каждом шагу. Узкие улицы, как щели в безжизненных горах, кругом пустыня, а ручьи, сбегające с окрестных вершин, вдосталь поят его тучные поля и сады. Вода плещется в фонтанах, журчит в узеньких арыках под ногами посетителей арабских ресторанчиков. «По корану здесь все для рая», — записал Вавилов. Но именно в

этом райском месте ему суждено было пережить страдания поистине адские. Где-то на Кипре или Крите заразился он москитной лихорадкой. По-итальянски имя москита, передающего людям болезнь — папатачи, что в переводе означает «тихо обжираться». Москит папатачи, в отличие от комара, действительно не поднимает большого шума. Зато жертвы «тихого обжоры» стеноют потом весьма и весьма громко. Приступ продолжается три дня, в течение которых больной с высокой температурой мечется в поту, в бреду, а подчас переживает тяжелейшие галлюцинации. Несколько недель перерыва — и опять то же самое.

Первый приступ обрушился на Вавилова в Хоране, в горном районе южнее Дамаска.

Бывавшие прежде в этом районе ботаники утверждали, что видели там интересные разновидности дикой пшеницы. Вопрос о дикарке заинтересовал Николая Ивановича. В Дамаске он пересел на поезд, идущий к югу. Полицейская слежка не ослабевала ни на час. На железнодорожных станциях снова и снова приходилось предъявлять документы. Выход за пределы населенных пунктов был запрещен. И вдруг совершенно неожиданное предложение французского офицера: если профессору так уж необходимо побывать в окрестных горах — пожалуйста. Друзы не трогают иностранцев. Нужно только в знак миролюбия поднять на палке белый платок.

В обстановке, когда кругом кипела партизанская война, а окруженная баррикадами железнодорожная станция более походила на осажденный лагерь, предложение офицера выглядело странным, если не сказать провокационным. С чего бы вдруг такое отношение? Не подсказано ли оно бейрутской префектурой, которая, очевидно, не очень-то опечалилась бы, если бы «дикие» убили русского «большевика». Едва ли метрополия спросила бы строго за это сугубо колониальное убийство. Тем более, что подозрительный профессор сам стремился в район боев.

Николай Иванович не стал вдаваться в глубины полицейской психологии. Он наскоро соорудил «белое знамя», захватил максимальное количество мешочков для сбора образцов семян и вместе со случайным спутником — американцем, преподающим ботанику в бейрутском колледже, зашагал в сторону ближних гор. Впрочем, все обошлось спокойно. То ли помог белый флаг, то ли два невооруженных ботаника вызвали доверие у местных жителей, но в селениях друзов американцу и русскому был

оказан самый радушный прием. Воинственные горцы предоставили гостям верховых лошадей, показали свои поля, одали образцами семян и даже проводили назад к ошетинившимся баррикадам железнодорожной станции. Рискованная экспедиция оставила глубокий след не только в памяти участников, но и в сельском хозяйстве Советской России. Возле друзского селения Вавилов нашел особый подвид пшеницы, который назвал потом хоранкой. Крупнозерная, с неполегающей соломой и тяжелым плотным колосом хоранка прижилась в СССР. Перед войной в горных районах Азербайджана ею засеивали десятки тысяч гектаров.

Похоже на то, что таящая свои богатства от чужого глаза природа решила отомстить слишком проникательному искателю. Вечером того же дня у русского профессора поднялась температура. Назад в Дамаск его доставили почти без сознания. Очнувшись в гостинице. У постели ни врача, ни медицинской сестры. Придя в себя, принялся писать жене: «Поймал малярию. Будет очень неприятно, если это изменит мои планы, так как на счету каждый день и я не имею возможности быть больным». В письме к профессору Писареву та же досада: «Болезнь несвоевременна, сделать надо еще так много...» Не правда ли, странная жалоба для человека, который в чужой, недружелюбной стране лежит, лишенный медицинской помощи, в гостиничном номере с температурой сорок? Но ведь этот человек — Вавилов. Он приехал в Сирию не для развлечения, не как праздный турист или один из тех богатых иностранцев, чьи великолепные дачи громоздятся на средиземноморском берегу среди рощи ливанских кедров. Все его интересы — на полях арабских крестьян. А там

уже шесть недель как завершилась уборка урожая. Даже зерна дикой пшеницы в горах Хорана пришлось разыскивать по одному, копаясь среди пыльных и горячих камней. Еще день-другой, с полей Сирии увезут последние ометы пшеницы, и тогда долгожданная встреча с этим важным углом Средиземноморья потеряет всякий смысл.

Лечить лихорадку папатачи в Дамаске никто не взялся. Хина — недействительна. Нужны специальные впрыскивания. Их делают только европейские врачи в Бейруте. Вавилов возвращается в Бейрут. Он торопит медиков — ему некогда. Опытные специалисты пробуют разъяснить, что лихорадка сильно истощает свою жертву: даже солдатам после приступов папатачи полагается

шестидневный отпуск из армии. Вавилов улыбается: то, что доступно нижним чинам французской армии, увы, слишком большая роскошь для рядового солдата науки. Уже через шесть дней после первого приступа он устремляется на автомобиле в рейс по Северной Сирии. Скорее, скорее, опаздывать нельзя, возле Алеппо, на берегах Евфрата — в древнейшем очаге мирового земледелия — начинается уборка хлебов!

«Вот и великая долина Евфрата, где когда-то процветала ассиро-вавилонская культура, где решались судьбы передней Азии, где Кодекс Хаммураби определял нормы экономики, права и обязанности граждан. Машина бежит по сельским дорогам, среди бескрайних пшеничных посевов. Ученый оглядывает поля, инвентарь, склоненные фигуры хлеборобов в белых чалмах и подводит нелицеприятный итог многотысячелетней истории хлебопашества в этом благодатном крае. Вот у дороги лежит грубосработанный, не оборачивающий земляного пласта плуг. Не многим отличается от орудий шумерской эпохи и молотильная доска с вбитыми в нее кремнями. Орошение убогое — где есть вода, установлены чигирные колеса с жалкими кожаными «ведрами». Сеют то же, что и в древности — твердую пшеницу и двурядный ячмень, из года в год возвращая на полях одни и те же культуры.

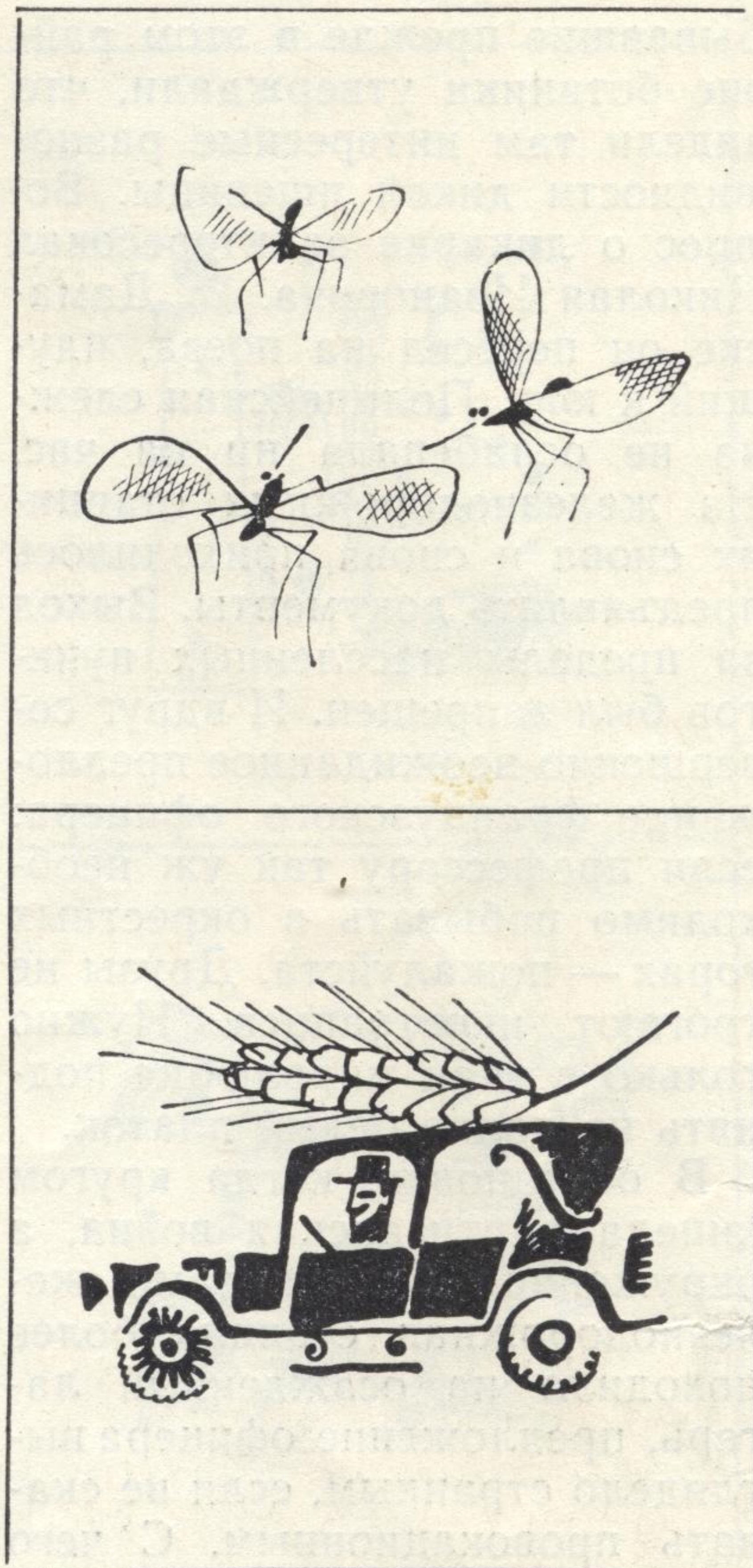
Рюкзак ботаника полон интересными и разнообразными находками, но раздумья его на засушливых берегах Евфрата, при виде реки, которая без удержу несет свои воды в Индийский океан, скорее печальны, нежели веселы. «Прошное, несомненно, было богаче, полнее, интереснее современности.

Нет никаких сомнений в том, что можно вернуть прошлое в смысле рационального использования водных богатств и превосходных земель». Но кому этим заниматься? В стране, превышающей по площади Францию, в 1926 году — один агроном. «Страна древней великой культуры... по существу переживает период глубочайшего упадка, безлюдия, неиспользования огромных естественных ресурсов, которые могли бы дать возможность существования многим миллионам населения. Единственное, в чем сказалось влияние французов, это стратегические военные дороги, построенные в последние годы».

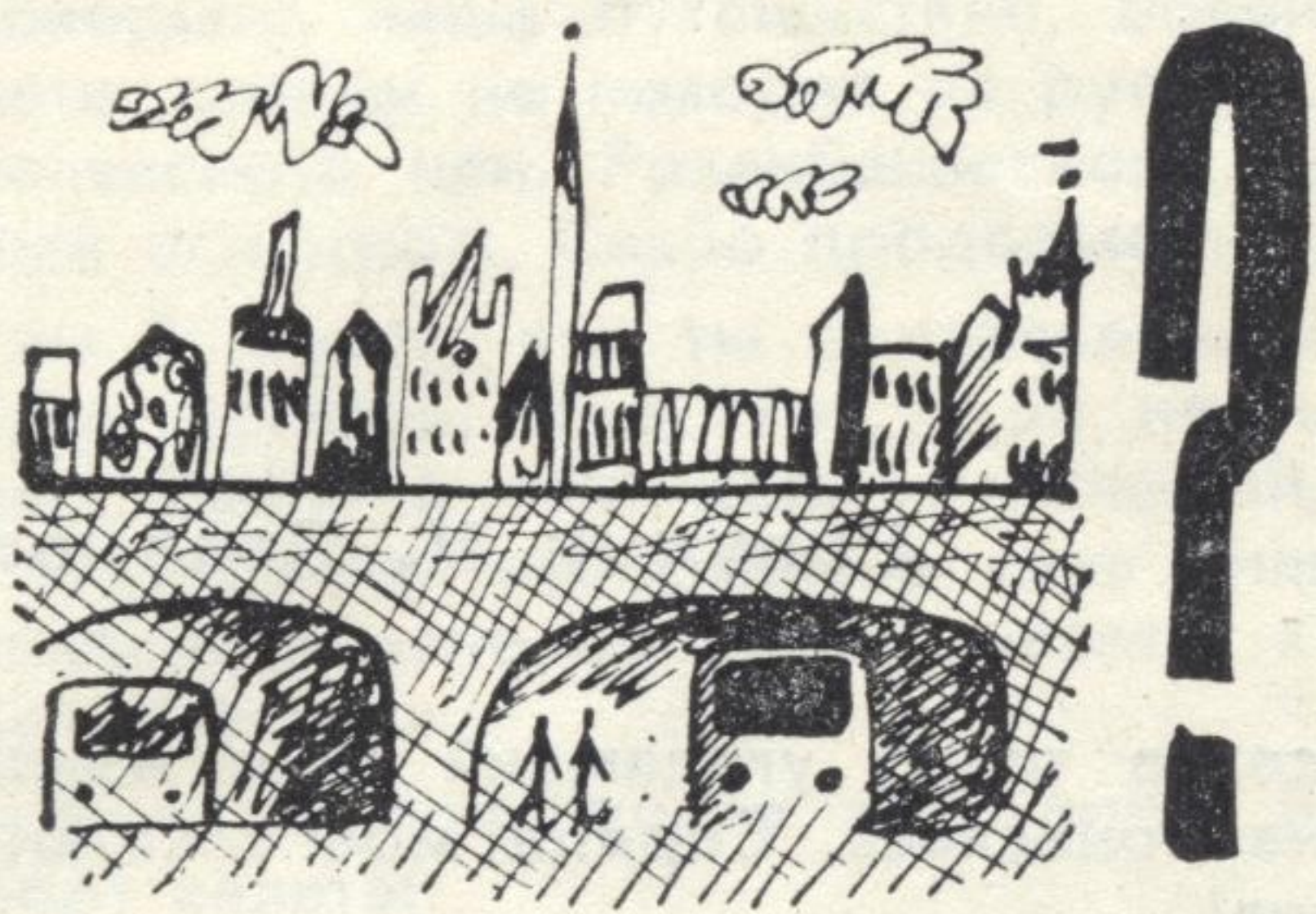
Срок сирийской визы истек восьмого октября. Вечером третьего Николай Иванович кое-как дотащился до Бейрута на сломанном автомобиле. Позади лежал детально обследованный путь длиной в тысячу пятьсот верст. Еще один рейс — по ливанскому побережью в рощу вымирающего ливанского кедра, упаковка тридцати ящиков с образцами и — прощай, Сирия! Впрочем, в стране полицейского произвола предсказывать что-либо наперед всегда рискованно. В последний день, зайдя в какое-то официальное учреждение, где ему обещали выдать географические карты Хорана, Николай Иванович еще раз почувствовал себя «объектом

особого наблюдения». Префектура строго-настрого запретила выдавать «чужаку» какие бы то ни было карты. «Мелка душа у француза», — в сердцах записал Вавилов, имея в виду не французскую нацию, а вечного и неистребимого врага своего — чиновника.

В Ленинграде, на Исаакиевской площади, рядом с Синим мостом, высятся строгое стройное здание. До революции в нем находилась канцелярия царского министра земледелия. После революции тут разместился Всесоюзный институт растениеводства. Директором его долгие годы был Н. И. Вавилов. Это отсюда отправлялся в свои поездки по свету неутомимый академик. В лабораториях и кабинетах института в металлических коробках хранятся десятки тысяч образцов семян культурных растений. Эти богатства более сорока лет назад начал собирать по всему свету Николай Иванович Вавилов. Ботаник и географ, академик Вавилов объехал 35 стран на пяти континентах, для того чтобы отыскать предсказанную родину культурных растений. Найденные им растения и семена хорошо послужили на полях колхозов и совхозов. Перед войной каждый шестой гектар в посевах Советского Союза был засеян семенами, которые привезли из своих экспедиций Вавилов и сотрудники института растениеводства.

ПАГАНЕЛЬ ЗАДАЕТ ДВА НОВЫХ ВОПРОСА

В каких городах есть или строится метро?

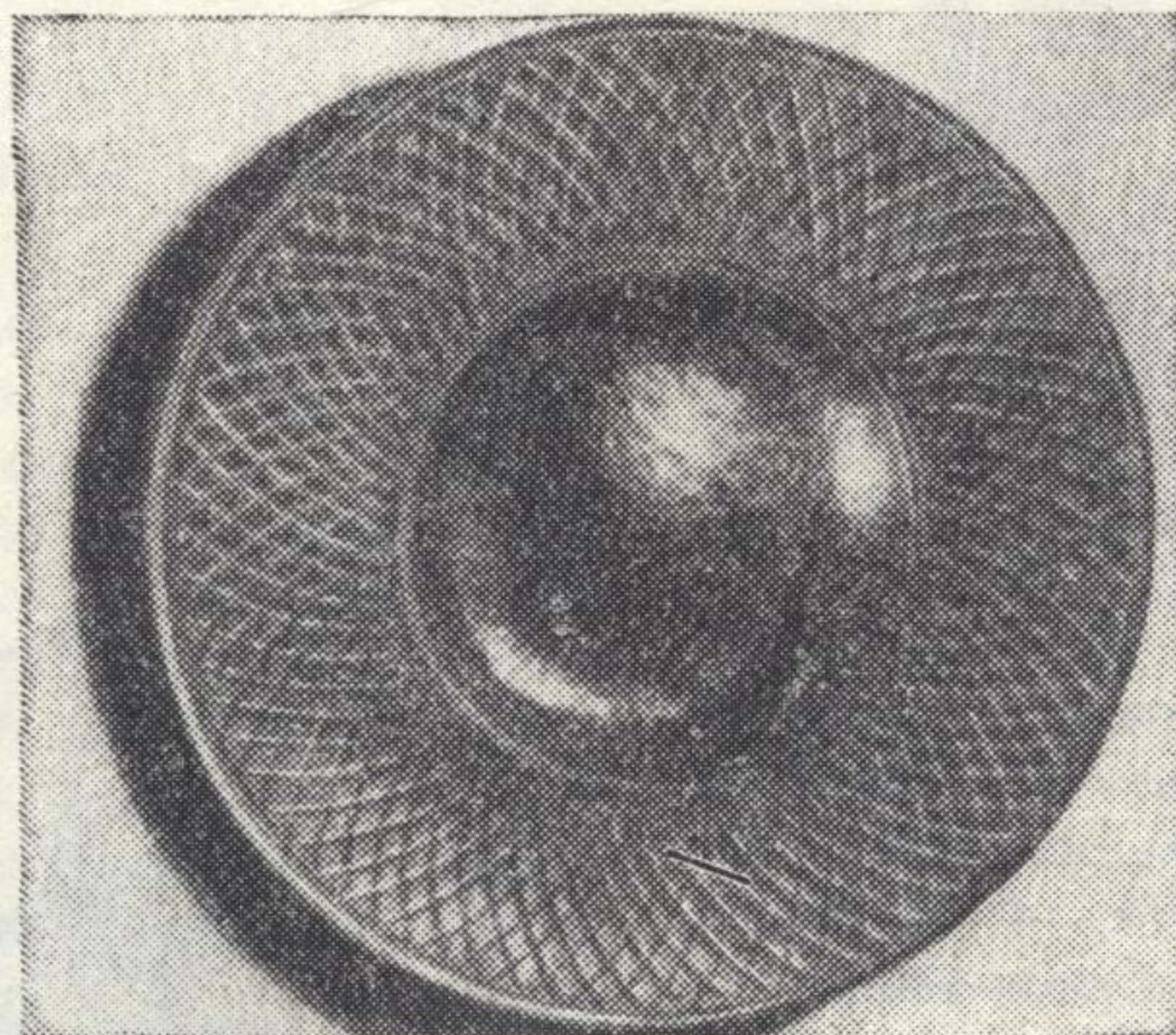
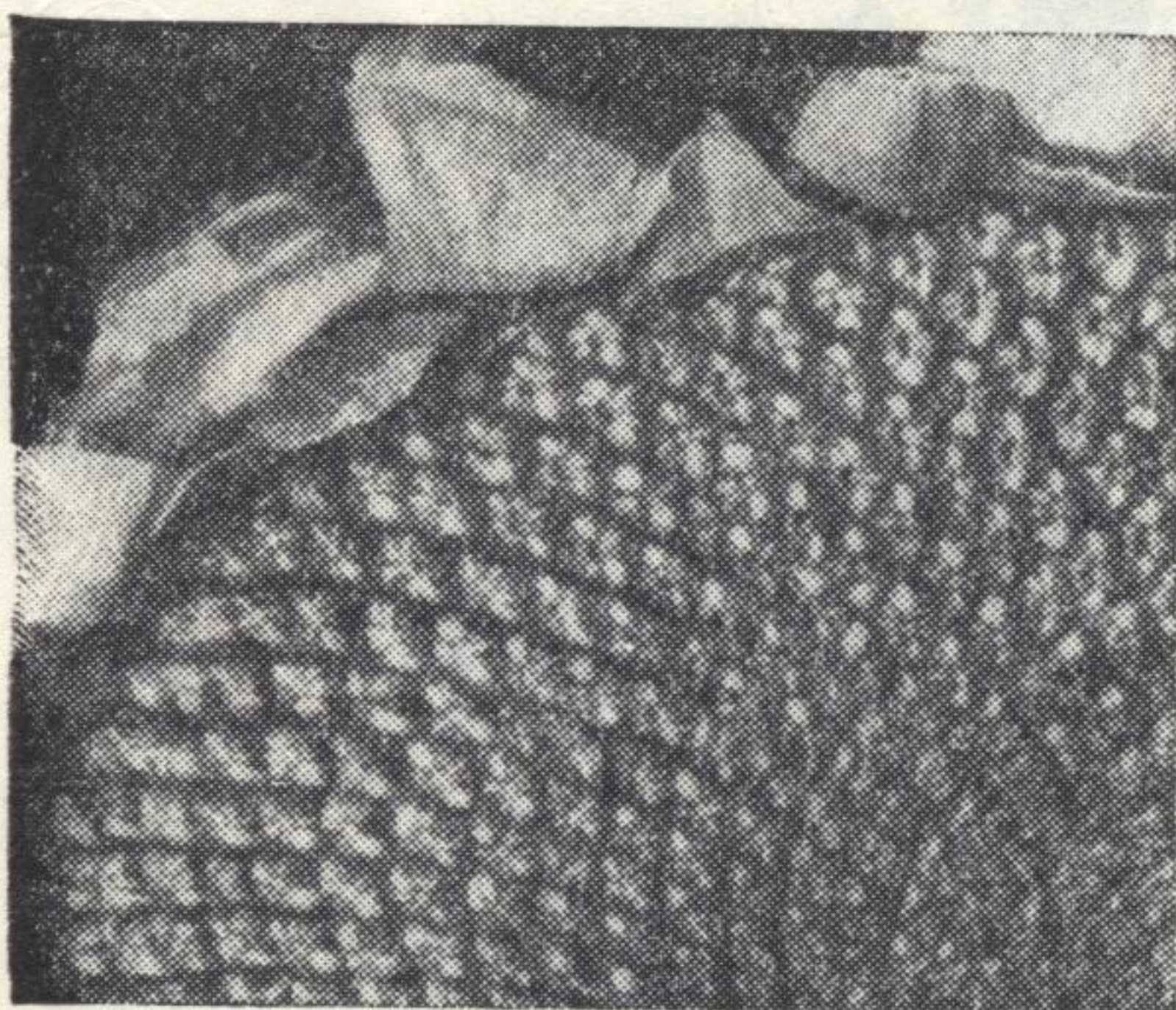

Назовите семь европейских столиц, названия которых начинаются с буквы «Б».

О ПОДСКАЗКЕ

Те, кто читал январский номер журнала, знают, о какой подсказке идет речь, и поэтому подсказка опять находит место на заседании Клуба.

Внимательно посмотрите на обе фотографии. Что общего в них? И что, по-вашему, изображено слева, а что — справа?

Догадались? Правильно: подсолнух и декоративное металлическое блюдо как будто бы «расписаны» одним художником.

В чем же тут дело? Паганель готов с каждым, кто пришлет ему ответ на этот вопрос, поговорить вполне обстоятельно.

К ВОПРОСУ О ПАГАНЕЛЬКАХ

Если вы помните, когда-то паганельками стали называть истории, которые почему-либо вспоминаются членам Клуба Жака Паганеля именно во время перерывов между заседаниями. А иногда даже сразу после обсуждения серьезной научной проблемы...

Однажды внимательные читатели прислали в редакцию письмо с утверждением, что слова такого — «паганельки» вовсе нет... Узаконить «паганельки» очень помогла Надя Козьминская из Перми. Она написала самому Жаку Паганелю очень вежливое и убедительное письмо. Паганель передаст его редакции как только изучит достаточно основательно.

Ждите сообщения об этом в следующем номере!

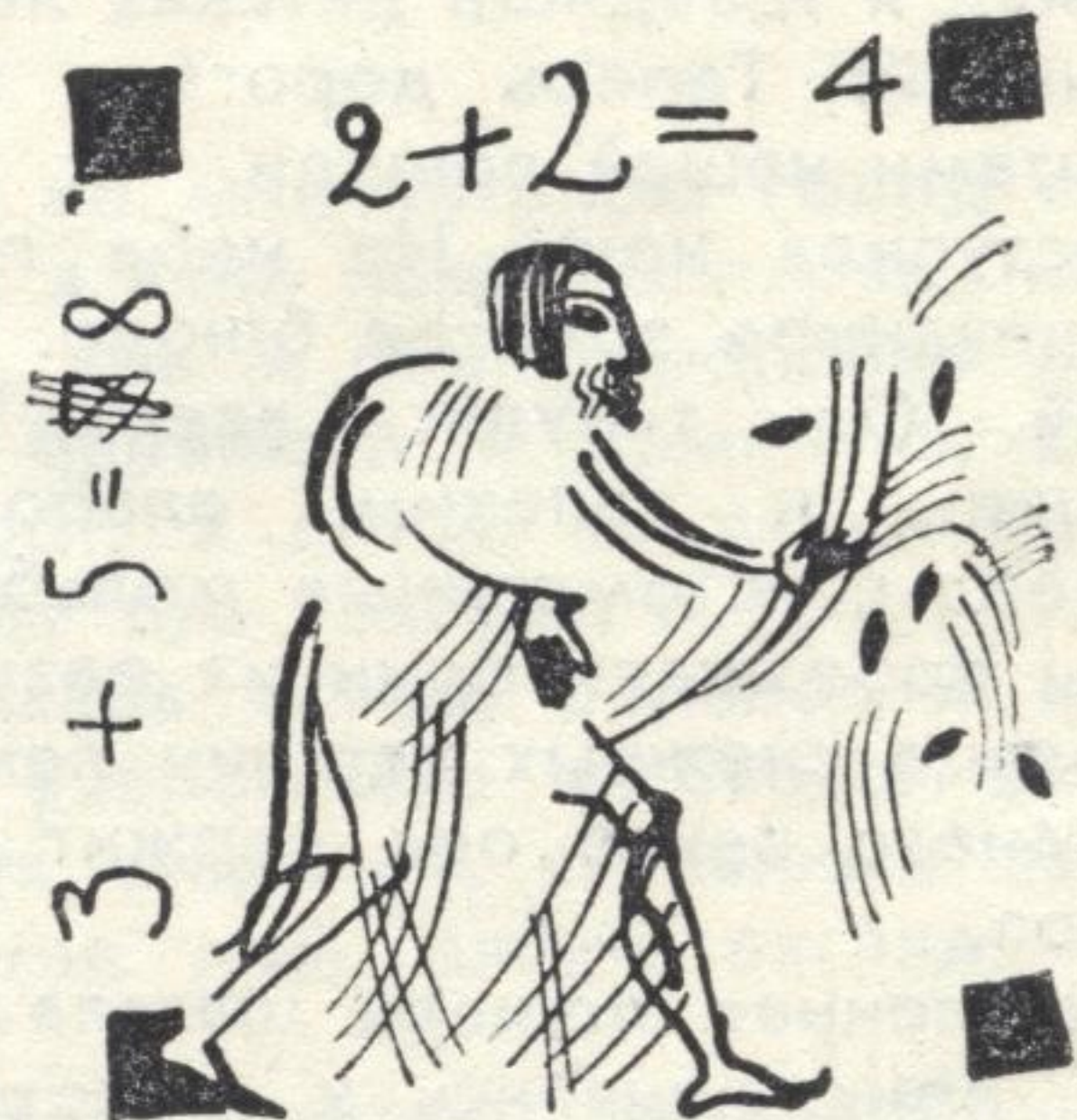
ПАГАНЕЛЬКИ

Диодор Диалектик умер во время ученого спора, так как испытал жгучий стыд перед своими учениками и окружающими, не сумев отразить выставленный против него аргумент.

Жители Крита, желая подвергнуть кого-либо проклятию, молили богов, чтобы те наслали на него какую-нибудь дурную привычку.

В древних Афинах считали, что тому, кто ловко укладывает и связывает вязанки валежника, свойственны математические способности...

САХБО

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Леонид Соловьев

Рисунки М. Таранова

Мы зашагали дальше в молчании. На нашем пути лежал тот самый кишлак, куда обманом завезли отца и где, вместо больного, его ждали свежие лошади и вооруженные басмачи.

Это был небольшой кишлак. По обе стороны единственной улицы лепились дувалы, давно не подновленные глиной. За их стенами угадывались настороженность и страх. Стояла удивительная тишина, даже собаки не лаяли, даже дым не вился из труб. Я не понимал, что здесь могло произойти. Сахбо сказал, точно угадав мои мысли:

— Джигиты побывали здесь по дороге. Они угнали с собой мужчин.

— Зачем?

Сахбо ничего не ответил. Я вспомнил: по улицам Коканда в развевающихся халатах, подгоняемые всадниками, бежали старики и молодые... Неужели это было только сегодня? Казалось, много дней прошло с утра. Я взглянул на небо — темнело.

Сахбо в этом мертвом кишлаке раздобыл лошадь. Я не спрашивал, как это ему удалось. Мы сели вдвоем. Он впереди. Путь наш лежал через пески, но все же лошадь бежала быстро. Несколько раз она чуть не сбросила меня, но мне не хотелось держаться за пояс Сахбо...

В молодые годы каждый мечтает о приключениях. Дома, под опекой отца и нянюшки, по ночам я жадно прислушивался к далекой стрельбе, мечтая самому участвовать в ней. С пылающим сердцем, с неослабевающим нетерпением я ждал опасности, я жаждал, чтобы она пришла поскорей. В моем воображении всегда жила пленительная картина ночного боя: вспышки выстрелов, пулеметные очереди, взрывы гранат...

Сидя на ступеньках ханского дворца, я для себя и Сахбо выдумывал увлекательные картины: битвы с джинами, дивами и победы над ними. Сколько раз увлекал я товарища детских лет в мир заманчивых приключений! Теперь дорога к этому миру лежала под копытами нашей лошади.

Наступила ночь. На небе повисла луна, блестящая, как чеканное золотое блюдо. Мы въехали в аллею тополей. Они тянулись вверх, к небу, простирая свои вершины к далеким, слабо мерцающим звездам. И звезды, истомленные мольбой тополей, падали вниз.

Мы проезжали один из оазисов Ферганской долины. В кольце снежных вершин лежит эта благодатная страна. Много веков она держит в сладком плену сердца поэтов.

Утомленная лошадь шагала медленно. Сахбо и я молчали, прислушиваясь к шорохам, шелесту ночи. Далеко от нас остался беснующийся Коканд, впереди была встреча с отцом. Я не знал, что ожидало меня между этими точками. Какие люди, какие встречи встанут на моем пути? Какие опасности и трудности придется преодолеть? И чем окончится задуманное Сахбо? Скорее бы!..

И Сахбо, как всегда точно угадавший мою мысль, погнал лошадь. Она понеслась. Сердце мое заколотилось. Я был счастлив!

Теперь, оглядываясь назад, я не могу подробно вспомнить наше путешествие. Мы ехали. Потом шли пешком: лошадь пришлось отдать. Какой-то джигит, более рослый и более взрослый, чем мы, попросту отнял ее у нас на дороге.

Мы ночевали в чьей-то халупе на вонючей, полной блох бараньей шкуре, заплатив за ночлег моими ичигами. Далее я, как и Сахбо, шел босиком. Потом мы ночевали под открытым небом, пили воду из арыка и ничего не ели, потому что есть было нечего.

Всю дорогу мы разговаривали с Сахбо о разных разностях. Вернулось прежнее: я говорил — Сахбо слушал. Я пересказывал прочитанные мною книги по истории, географии. Рассказывал, что знал, о родине моих родителей и неожиданно для себя открыл ему трагическую историю гибели моей матери.

Так и дошли мы до нашей цели — до басмаческого отряда курбаши Ибрагима. Тут снова настала очередь говорить Сахбо.

— Я отведу тебя, — сказал он, не спрашивая ни моего мнения, ни согласия, — к джигитам, которые не

Окончание. См. «Костер» № 1, 1967 г.

знают тебя. Они совсем из других мест, родились и росли далеко от Кудука и не бывали в Коканде. Ты выдавай себя за узбека.

Сахбо требовательно оглядел меня, словно видя в первый раз. Я не волновался, так как понимал, что, совершив наше путешествие, босой, в порванном халате, совсем не походил на русских мальчиков со Скобелевского или Розенбаховского проспекта... Довольный осмотром, Сахбо продолжал:

— Я скажу, что ты увязался за мною, так как хочешь воевать. Имя твое, — он немного подумал, — будет Умар, а там дальше сочиняй, что сам знаешь.

И по лицу его прошла тень знакомой мне доброй улыбки, словно он хотел сказать: «Ты это умеешь!» — но не сказал.

Мне не понравился этот план. Я схватил Сахбо за борт халата:

— Веди меня прямо к отцу!

Он одним движением плеча высвободился от меня.

— Этого нельзя. Ты повредишь доктору.

— Хорошо! — сказал я, продолжая чувствовать к Сахбо недоверие. — Я сделаю пока, как ты хочешь, но только не думай, что ты перехитрил. Ты не заманил меня в отряд. Я пошел сам, добровольно. Я уйду, когда сам захочу, и уйду отсюда вместе с отцом.

Мы говорили по-узбекски и очень громко. Я замолчал, поняв по глазам Сахбо, что надо замолчать. Из-за груды нагроможденных камней показался человек с винтовкой. С Сахбо он поздоровался как приятель. Мое появление не заинтересовало его. Ничего не спрашивая, он пропустил нас вперед, и мы стали пробираться через те же каменные преграды в ложбину, окруженную деревьями и кустарниками и потому невидимую с дороги.

Мое появление в отряде никого не удивило и ни у кого не вызвало любопытства. Видно, сюда часто пригоняли подростков-узбечат. Я же смотрел на все с чувством острого любопытства. Джигиты сидели, лежали и ходили группами. Все они были обвешаны оружием: за поясом кривые сабли, ножи, за плечами — новенькие винтовки. Таких я никогда не видел у проходящих по улицам Коканда красноармейцев. Тут же, в ложбине, паслись стреноженные кони под седлами, готовые каждую минуту принять на себя седока. Среди джигитов и коней шмыгали старые узбеки, в халатах до того ветхих, что их можно было бы назвать лохмотьями. Эти люди таскали топливо, поддерживали огонь костров, на которых в больших котлах варился плов. От запаха баранины мне сделалось дурно. Я ткнулся в землю лицом, удерживая голодную судорогу горла. Пересилив себя, я закрыл глаза и сразу точно куда-то провалился.

Меня разбудил Сахбо. Он сидел на корточках и тряс меня за плечо. Перед ним стояла мисочка с чуть дымящимся пловом. Я долго смотрел на него, не понимая, где мы и что со мной. Меня продолжало мутить. В лагере было пусто... Только черные головешки и следы золы говорили о том, что недавно здесь разжигали костры. Где-то совсем близко журчал арык. Было светло. Солнце стояло высоко. Пахло весной...

Наконец сознание вернулось ко мне. Я вспомнил, что я в лагере басмачей, что где-то недалеко мой отец — доктор или пленник.

Я сел, отыскал валяющуюся рядом тюбетейку, надел ее на голову, молчаливо требуя от Сахбо объяснений.

Сахбо пододвинул ко мне плов.

— Сначала поешь, я потом скажу тебе все.

Но видя, что я не притрагиваюсь к еде, начал рассказывать:

— Отряд неожиданно снялся. Джигиты ушли за подкреплением в кишлаки... Да ешь же, Леша!

Он снова пододвинул ко мне котелок. Голод совсем пропал. Почти неохотно я взял немного плова, но стоило мне его проглотить, как я стал торопливо хватать руками жирные куски баранины и комки остывшего риса, запихивая их в рот. Я почти не вслушивался в слова Сахбо, а он между тем говорил о том, что джигиты приведут из кишлаков коней, баранов и людей. В это время я увидел вчерашнего часового. Он подходил к нам, ведя двух стариков, связанных за шею одной веревкой. Заметив мой дикий взгляд, Сахбо объяснил:

— Святой ишан и мулла считают, что добрые мусульмане должны служить делу священной войны всем, что имеют: отдать скот, коней и прислуживать воинам пророка. Даже самые старые и больные нужны в отряде, а во время стычек их можно гнать перед собою, под первые пули. Курбаши бережет своих джигитов... Торопись есть! Скоро приедут наши. Тогда мы выберем тебе коня...

Теперь я понял все, что говорил Сахбо.

— И ты хочешь, чтобы я взял от них коня, ел их плов?!

Я вскочил. Негодование душило так сильно, что меня вырвало пловом тут же на землю, прямо под ноги подошедшему со своими пленниками басмачу. В глазах моих поплыли зеленые круги. Я шатался.

Мое состояние как будто даже обрадовало Сахбо. Он схватил меня за плечи.

— Идем к доктору, Умар! Да идем же скорей. Ты заболел.

Я обернулся и еще раз посмотрел на басмача и дехкан. Вид у них был жалкий. Наверное, по их костлявым спинам погуляла плеть, которой теперь поматывал молодой джигит. Я хотел броситься на него, но Сахбо быстро увел меня прочь.

Я брел за Сахбо. Перейдя арык, мы перелезли, как и вчера, через груды камней, нырнули в колючую заросль и, ободрав себе лицо и руки, вышли, наконец, к гряде невысоких синих скал. Я поднял голову, и то, что я увидел, поразило меня своим величием и красотой.

Над вершинами этих скал высились стены волшебных замков, моих детских выдумок — башни дивов и заколдованных красавиц. Это были красные утесы песчаников. А еще выше подымался третий ряд гор, вершины которых, пронизанные лучами солнца, сверкали, как драгоценные короны. А над всем этим великолепием плавали облака, белые, как хлопок, воздушные, как кружева, курчавые, как молодые барашки.

Мы подошли к небольшой мазанке, прилепившейся к скале. Часовые, прятаясь в расщелинах, не окликнули нас. Как видно, здесь все хорошо знали Сахбо, племянника самого курбаши. Джигиты, сидевшие на полу в сенях, тоже ничего не спросили. Сахбо, не постучавшись, толкнул дверь в комнату.

Я увидел отца. Он стоял спиной ко мне и не заметил нашего прихода. Это дало мне возможность взять себя в руки. Я смотрел на спину отца. Он был в своем докторском халате, как всегда стройный, подтянутый и аккуратный. Вдруг он оглянулся и увидел меня.

Я был так поглощен радостью встречи с отцом, что сначала не заметил в комнате никого другого и не сразу понял смысл сказанных этим другим слов:

— Ну, теперь, любезный доктор, я не стану докучать вам своими разговорами и оставлю вас. Аллах выказал вам свое милосердие! Значит, вы угодили аллаху!

Проходя мимо, этот человек слегка коснулся моего плеча шафрановой рукой. И уже потом я вспомнил, что видел этого человека с узким, шафранового цвета лицом, в халате, перетянутом офицерским ремнем. Это был тот третий, кого я увидел под навесом в торговых рядах кокандского базара рядом с Садыком Хаджиевым и маленьким Мухабботом.

Сахбо не знал ничего об этой давнишней встрече, я не придавал ей значения, а сейчас, обнимая отца, забыл обо всем. Мой проводник, бывший кудукский товарищ, деликатно вышел из комнаты. Мы сели с отцом на кошму и, ничего не говоря, просто смотрели друг на друга.

Я притронулся к докторскому халату.

— Отец, ты их лечишь?

— Да, лечу, Алеша. Сначала я наотрез отказался... Это было еще в кишлаке, куда они обманом заманили меня. Потом уже здесь этот разговор со мной возобновил Курбан Вахидов. Ты видел его, он только что вышел отсюда. Это вполне интеллигентный человек, по-видимому, бывший военный и здесь какое-то большое начальство.

Я слушал отца, страдая за него. Он продолжал:

— Я снова категорически отказался, сказав, что я не терплю насилия.

— Что же было потом?

— Потом Курбан Вахидов попросил посмотреть больного старика. Он сказал мне: «Доктор, это не воин пророка, это мирный кокандец. Вы его знаете. Он ваш больной, вы его недолечили». Слова Вахидова меня заинтересовали, я пошел к больному. Представь себе, Леша, это был наш сосед — старый Хаджиев!

— Садык Хаджиев?! Но ведь у него был проломлен череп!

Отец, верный своей медицинской пунктуальности, поправил меня:

— У него был ушиб затылочной области.

— Значит, ты лечишь этого шайтана?

Отец ласково сжал мне плечо.

— Почему — шайтана? Он больной старик. Знаешь, именно он убедил меня пойти и взглянуть на других раненых.

Я с тревогой слушал отца. Отец продолжал, как будто чего-то смущаясь:

— Старик напомнил мне о моем врачебном долге. Он сказал, что если мусульманин клянется на коране,

он скорее бросится живьем в огонь, чем нарушит клятву. А ведь русский доктор тоже клялся лечить всякого, кто бы ни попросил его об этом, даже врага.

Теперь я отвел глаза в сторону. Вот как использовали наши соседи мою болтливость, мое хвастовство отцом!

Отец снова обнял меня за плечи.

— Хаджиев прав. Я не имею права отказаться в помощи больным и раненым, раз я здесь.

— И раненым... даже если ты знаешь, что этот раненый шел убивать большевиков, красноармейцев и, может быть, даже убил кого-нибудь?!

Отец встал с кошмы.

— Это, Леша, очень все сложно, и тебе не понять. Врачебная этика велит оказывать помощь даже врагам. Старик прав. Больной уже не враг, а только больной.

Я встал ногами на кошму, чтобы быть ближе к отцу, взглянуть в его глаза.

— Ты не веришь им, ты не с ними? — спросил я. — Это ведь басмачи!

Отец кивнул головой.

— Я не хотел говорить тебе, Леша, но ты стал совсем взрослым и можешь узнать. В Коканде я часто бывал у железнодорожников. Среди них много большевиков. Мне как врачу доверяли некоторые секреты...

Я так и замер.

— Ты не выдал их?

— Леша, Леша! — сказал он укоризненно и взлохматил мои волосы. — Не в том дело, но им, — он кивнул головой в сторону дзери, — известно, что я бывал у железнодорожников. Мне деликатно намекнули, что пока я лечу их больных, они закрывают глаза на то, что я лечил их врагов, и ни о чем не спрашивают меня: им нужны мои руки хирурга, мои знания.

Я плохо слушал, что отец говорил дальше. Я стоял перед ним с пылающими щеками. Ведь и о железнодорожниках пытался у меня Юнус.

За мной пришел Сахбо. Он был в сопровождении джигита с винтовкой за плечами.

— Мы за Умаром, — сказал он по-узбекски. — Как его живот, доктор? Можно ли ему давать плов или он будет опять выбрасывать все обратно?

Я и забыл о своем недомогании и о том, что я Умар. С испугом я смотрел на Сахбо: неужели я должен расстаться с отцом?

— Он болен, — сказал отец, оказавшись более сообразительным, чем я. — Распорядись оставить его здесь.

Чужой джигит вышел вслед за Сахбо. Я остался с отцом.

Потянулись томительные дни нашего плена. Теперь я не сомневался, что отец — пленник курбаши Ибрагима. Около дверей стояла стража. С моим появлением она усилилась и положение отца ухудшилось. Раненых привозили в отцовскую халупу, и он делал тут перевязки и несложные операции. Я числился больным и поэтому днем валялся на кошме. Однако скоро эта комедия кончилась.

Вечером нас навесил Курбан Вахидов, человек с длинным шафрановым лицом. Он был одет все в тот же стеганный халат и так же туго затянут офицерским ремнем. Он был очень вежлив с отцом. Справился о его здоровье, не скучает ли он без русской пищи.

— Мы можем прислать вам русского повара, — любезно предложил он. — Человек этот взят в плен. Завтра в числе других большевиков он будет зарезан, но если он сумеет доказать, что знает, как готовят любимые кушанья доктора, мы с удовольствием подарим вам этого пленного.

Отец долго молчал, и я напряженно, с ужасом ждал его ответа. Мне хотелось соскочить со своей кошмы и броситься на желтолицего, но я, как и отец, сдержал себя.

— Вы, конечно, не сомневаетесь в том, что я попрошу вас прислать ко мне этого несчастного, даже если он и не умеет варить щи, — сказал отец.

Человек с шафрановым лицом расхохотался.

— Не сомневаюсь! Вы, доктор, гуманист. Вы лечите наших раненых, вы делите свою кошму с узбекским мальчиком. — Он приложил руки к сердцу. — Поистине аллах вложил в вашу грудь доброе сердце. Мы хотим облегчить ваше положение и дать вам в товарищи русского, а мальчишка пойдет со мной. Его место в отряде воинов пророка, он ведь мусульманин.

Я вскочил на ноги, но отец движением руки остановил меня.

— Это мой сын. Вы оставите его мне.

Ответ отца не удивил Курбана Вахидова. Он снова приложил руки к сердцу.

— Простите меня за беспокойство. Значит, вам не нужен этот русский? Он будет лишним между отцом и сыном: мало ли какие разговоры захотите вы вести, какие планы обсуждать... — Он хитро подмигнул отцу. — А тут всегда третий...

Отец ответил:

— Я не отказываюсь от третьего.

Курбан встал и, обойдя стул, подошел ко мне.

— Ты видел меня раньше? — спросил он.

— Видел.

— Вот как! — Он усмехнулся. — Как же ты в таком случае решил прийти сюда и назваться вымышленным именем? Ведь если один человек знает другого, то и тот, другой, знает его.

Я молчал.

Я так привык к двум языкам — узбекскому и русскому, — что не сразу сообразил, что со мной говорят по-русски.

Вахидов сел на кошму. Мы с отцом стояли.

— Ах, Петербург! — сказал он. — Александринка! Буфф! Цыгане! И вы, Михаил Алексеевич, все променяли это! И на что? Что вам в этой войне чужого вам народа?

Он первый раз назвал отца по имени и отчеству.

Отец спросил:

— Вы бывали в Петербурге?

— Да! Я дрался на германском фронте. Я офицер, хотя и узбек.

— Для узбека вы хорошо говорите по-русски, — сказал мой отец.

— А для русского, доктор, вы слишком хорошо говорите по-узбекски. Кончим любезности!

Он тоже встал с кошмы.

— Надеюсь, вы поняли: разговор о поваре был шуткой. Теперь не время для гастрономий... Этого пленного джигиты, верно, уже прикончили. А теперь к делу. Назначено наступление на Ташкент. На рассвете мы выступаем. Предполагается серьезная операция. С нашей стороны могут быть большие потери. Вы нам нужны, доктор, и поедете с нами. Я гарантирую безопасность вашему сыну. Он должен вернуться в Коканд. Наш джигит едет туда. Сын ваш поедет с ним.

Отец ответил твердо:

— Хорошо, он поедет в Коканд.

Вахидов поклонился отцу:

— Ваше решение, доктор, очень разумно. — И, усмехнувшись в мою сторону, сказал: — Ну, «Умар», через час будь готов.

Он приложил руки к сердцу и, вновь отвесив по-восточному поклон, вышел.

Нам не пришлось пробыть с отцом этот час, который мы считали последним. Все произошло гораздо быстрее. Тот самый джигит, что входил с Сахбо, прибежал за отцом.

— Доктора срочно к тяжело раненному беку Вахидову!

Отец поспешно вышел. В сенях стоял Сахбо. Он поманил меня пальцем, а потом, видя, что я не двигаюсь, взял меня за рукав халата и молча вывел. Нас никто не остановил.

У халупы стояли две оседланные лошади.

— Ах, так это ты тот джигит, с которым мне надо ехать в Коканд?! — спросил я. — С тобой я не поеду! И вообще никуда не поеду без отца.

— Отец поедет с тобой, — тихо по-русски сказал Сахбо. — Вахидов убит. Доктор ему уже не поможет.

Я больше не спорил и вскочил на лошадь. Откуда-то из темноты показался отец. На ходу он стаскивал с себя белый халат. Сахбо помог ему сесть на лошадь.

— И ты, Сахбо, с нами, — сказал отец.

— Нет, не могу! Скачите быстрее, пока не хватились.

Он ударил наших лошадей нагайкой.

Последнее, что я услышал, было:

— Прощай, Леша! Друг!

...Через час бешеной скачки мы наткнулись на разъезд Красной Армии.

Что еще записать мне в тетрадь моего отрочества? Оно началось весенним ранним утром. Арба, покачиваясь, везла меня из селения, где осталось мое детство. Тогда сады Кудука еще долго провожали меня бело-розовой пеной цветения, устилая дорогу нежными лепестками. Вослед звенели арыки. Воздух, насыщенный маслянистым благоуханием, как и движение арбы, убаюкивали меня...

Кончилось отрочество весенней ночью у красноармейского костра среди незнакомых, но близких по сердцу людей в походных шинелях. Ночь была непроглядно черная, с чернопризрачным, бездонным небом, с огромными живыми дрожащими звездами...

Эта встреча решила все. Отец остался врачом в частях Красной Армии. Я некоторое время следовал за ним в его отряде не то на правах сына, не то — санитаря, потом сбежал и, прибавив себе два года, стал бойцом Красной Армии.

С отцом мы встретились неожиданно в Коканде в 1921 году. Это был знаменательный день. К тому времени басмачество было ликвидировано. Остатки басмаческих отрядов добровольно сдавались.

И вот я стоял в рядах Кокандского гарнизона, а мимо нас ехали в халатах, обвешанные, как и прежде, оружием, но теперь понурые басмачи. Оружие они бросали в общую кучу и, спешась, отводили в сторону коней, а потом покорно становились перед командиром нашего гарнизона, молодым узбеком-коммунистом.

Я с волнением вглядывался в бородатые, обросшие волосами лица. Я все искал среди них друга моего детства Сахбо. Но третьей встречи с Сахбо так и не произошло.

Наконец-то мы поселились с отцом на Розенбаховском проспекте в той самой квартире, которая была предназначена заведующему городской больницей. Но теперь мы заняли в ней только одну комнату, в остальных жили медицинские сестры и санитары военного госпиталя, главным врачом которого стал отец.

Прошло некоторое время, и мы узнали многое из того, что было скрыто от нас прежде. Сведения эти притекали к нам постепенно от разных людей и из разных мест.

Я остановился на том, что мы с отцом заняли одну из комнат в бывшей квартире русского доктора. Может быть, именно это и помогло нам раскрыть многое из прошлого. Ведь именно здесь отцу было предложено снять дом в Старом Коканде. Женщина, предложившая это, приходилась сестрой Садыку Хаджиеву. Она сказала отцу правду: дом действительно принадлежал ее брату, и он действительно не жил в нем. Что же делала эта узбечка в парандже и под чачваном в доме вдовы русского доктора? Прежде всего мы узнали: она жила во дворе, в каморке дворника и выдавала себя за его племянницу. Садык Хаджиев, которого мы привыкли видеть в рваном халате, волком пробирающегося через пролом в нашем дворе, оказался одним из богатеев, скупщиком хлопка. В Коканде ему принадлежали огромные склады и торговые ряды на базаре. Старый хищник держал в кабале не одну сотню бедных дехкан, разоряя их.

Его сыновья были такими же волками, только молодыми, с остро отточенными клыками. Там, где их отец за бесценок скупал белое золото, в дни войны, поднятой в Туркестане, курбаши Хаджиевы забирали последнее у дехкан и силой уводили мужчин в басмаческие отряды. Во время одной из перестрелок красноармейцы подстрелили двоих Хаджиевых, третий удрал на взмыленном коне. Басмачи умчали с собой и раненых, но им не удалось отлежаться и встать для новой резни. Один за другим сыновья Садыка умерли от заражения крови. Их залечили собственные табибы. Последний

Хаджиев остался в отряде курбаши Ибрагима. Его отец, люто ненавидя русских, особенно большевиков, сделал все, чтобы заманить русского доктора на службу басмачам. Он хотел сохранить хоть одного наследника своего богатства.

Читатель, конечно, спросит, а кто же Юнус? Вот в том-то и дело, что Юнус вовсе не приходился сыном старику Хаджиеву. Он был его батраком. Безродный бедняк, сын бедняка, выброшенный или купленный в раннем детстве, Юнус как раб выполнял все приказания своего хозяина.

Три человека, которых я увидел вместе в крытых рядах базара, собирались там нередко. Они обсуждали свои преступные замыслы против большевиков, против узбекского народа. Это они устроили резню и пожар в Старом городе, они поддерживали басмачей, организовывали их отряды.

Маленький Мухаббот, сын владельца хлопкоочистительной фабрики, тогда недавно вернулся из России, где получил экономическое образование. Через его руки проходили деньги на содержание басмаческих отрядов, на подкуп шпионов, на покупку оружия. Он был связан с иностранной разведкой, его знали в Англии, Америке, Афганистане. Это была финансовая сила контрреволюции. Этому уродцу Садык отдал в жены свою молодую сестру. Оба, муж и брат, заставляли ее служить их темным делам.

Они поселили ее на Розенбаховском проспекте, выдав за племянницу преданного им дворника. Ее муж Мухаббот приходил к ней, давал поручения и снова скрывался в Старом Коканде. В новом районе города он поддерживал тайную связь с русскими белогвардейцами. Квартира, предназначенная моему отцу, была белогвардейским центром. Сын умершего доктора, белогвардейский офицер, служил в армии генерала Дутова. Он скрывался у матери, выполняя секретные поручения своего генерала.

Человек с шафрановым лицом, назвавшийся в отряде Курбаном Вахидовым, олицетворял собою военную силу в этом триумvirате: он, Садык и Мухаббот. Курбан Вахидов в действительности был одним из бесчисленных сыновей эмира, воспитывался в Пажеском корпусе в Петербурге. С падением царизма он бежал в Узбекистан.

А Сахбо? Мне трудно писать о нем. Курбаши Ибрагим через сыновей Садыка Хаджиева, которые тайно посещали своего отца в его халупе, узнал, где его племянник. Старик и Мухаббот заставили Сахбо уйти в отряд. Тут действовало все: уговоры, угрозы, интрига. Моему другу внушили, что если он останется, нас зарежут за то, что мы удерживаем у себя мусульманина. Сахбо бежал, чтобы спасти нас. Попав в отряд своего дяди, увидев там моего отца, он понял, что его обманули, и решил сам спасти русского доктора. Сахбо пришел за мною в Коканд. Это он застрелил

Курбана Вахидова и, пользуясь суматохой, дал нам убежать. Сам он остался. Сахбо убили, обнаружив наш побег.

Мне осталось сказать еще несколько слов. Вскоре нас с отцом нашла Марьюшка. Печали кончились. Читатель может улыбнуться. Моя добрая нянюшка вышла замуж за Юнуса. Что же удивительного? Народ и правительство простили рядовых басмачей. Ведь они шли за своими баями и муллами из-за темноты и невежества, часто понуждаемые страхом. Ведь это были бедные дехкане, простые нукеры. Что же удивительного, если женщина простила Юнуса и отдала ему свое сердце, умевшее так преданно любить?

Я недолго оставался в Коканде. Моя воинская часть уходила, и я ушел с ней. Меня ждали новые дороги и новые приключения, но об этом уже, как говорили старые романисты, будет рассказано в другой раз.

Конец

Предварительные итоги конкурса „Стол загадок-66“

В результате четырех туров (без учета новогоднего) впереди оказались четверо:

Марк Белау (Мелитополь);

Саша Голубцов (Москва);

Оля Согомонянц (Лермонтовский);

Вова Тицкий (Харьков).

Кроме того, жюри конкурса отмечает отличный ответ на выпуск «КОДАГАЗ ЛОТС» («Костер» № 10). С. Рыбакова (Ленинград).

А что касается самого трудного, новогоднего выпуска «Стола загадок», то результаты его учитываются и возможны всякие неожиданности.

Заключительный приказ по «Столу загадок-66» читайте в мартовском номере «Костра».

Когда мы обратились к писательнице Аделаиде Александровне Котов-
щиковой с просьбой побеседовать у костра, она подумала и сказала:

— Знаете что, расскажу я ребятам одну историю, которую недавно
услышала в Крыму от одной девочки, по имени Галя. Историю эту я по-
чти дословно записала. Ну, а выводы пусть читатели сами делают...

НЕОЖИДАННОСТЬ

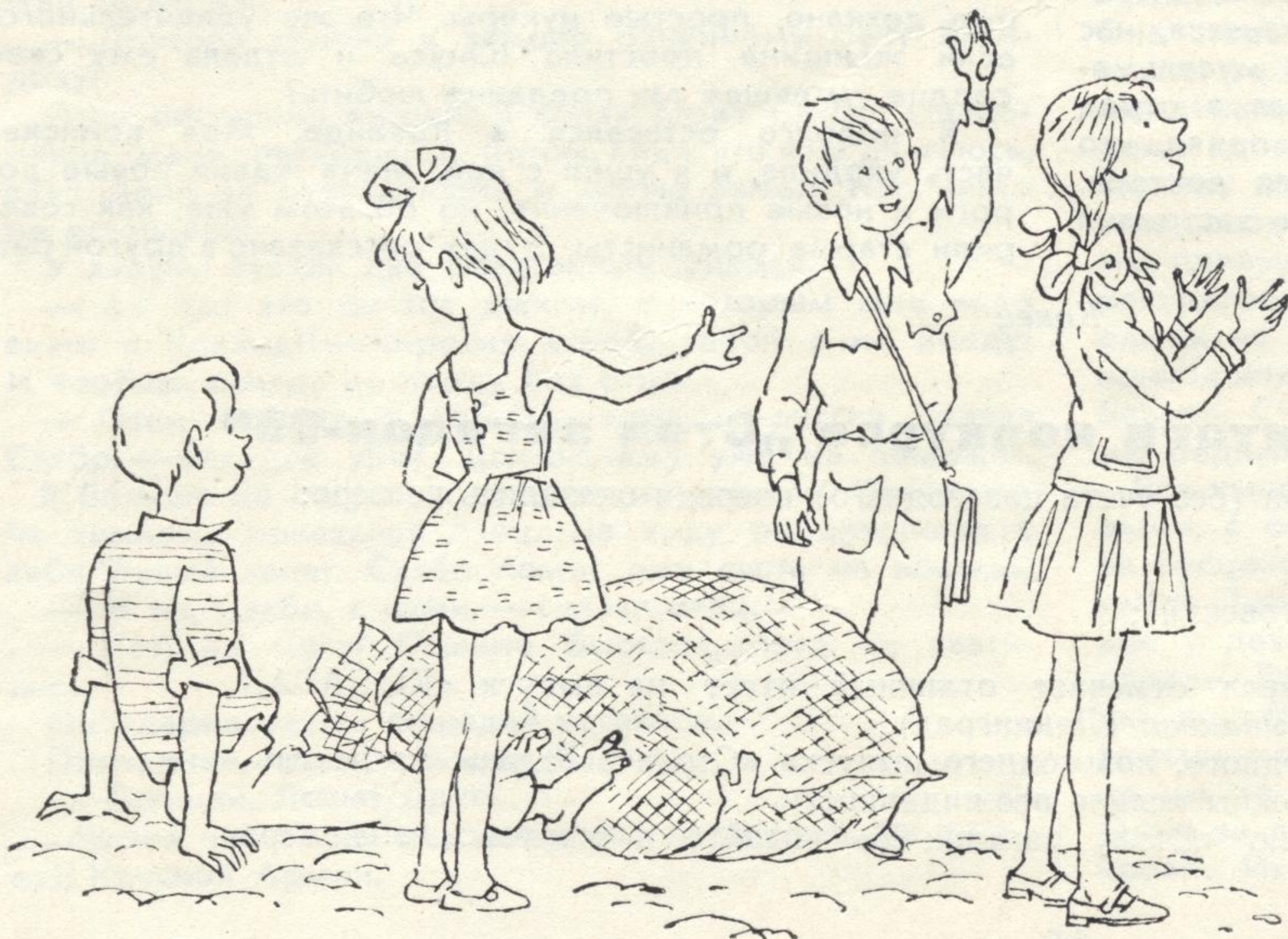
Собирали мы макулатуру. Учительница го-
ворит:

— Ребята, сходили бы вы в больницу, там,
наверно, есть всякая ненужная бумага...

До больницы от нашего поселка по шоссе
километров пять будет, там автобус ходит.
А по горным тропкам не больше двух кило-
метров, особенно если по «сокращениям»
идти.

Мы, конечно, побежали по тропкам. Погода!
Солнце печет, птички поют, море плещется о
скалы, синее-синее. Хоть и конец октября, а
воздух совсем летний. Да у нас и в декабре
тепло бывает.

В регистратуре нам и правда дали целую
кучу каких-то исписанных бумаг. Целый ме-
шок макулатурой набили. Гриша с Васей
вдвоем тащат этот мешок по больничному
двору. А мы с Наташей барынями идем.

— Подождите, мне
жарко, я куртку сню-
му, — говорит Вася.

Плюхнули мальчиш-
ки мешок на землю по-
среди дороги. Вася
стал куртку снимать, а
Гриша на мешок сел.

Вдруг слышим, отку-
да-то крик:

— Ребя-а-ты-ы!

Поворачиваем голо-
вы во все стороны.

А Гриша как вскочит с мешка:

— Вон в окне какой-то надывается. По-
стойте, да это никак Виталька!

Тут и я увидела: во втором этаже больнич-
ного здания торчит в окне Виталькина голова.
Лицо бледное, под глазами синяки, а рот до
ушей...

Мы к окну подбежали.

— Виталька, это ты? — кричит
Гриша.

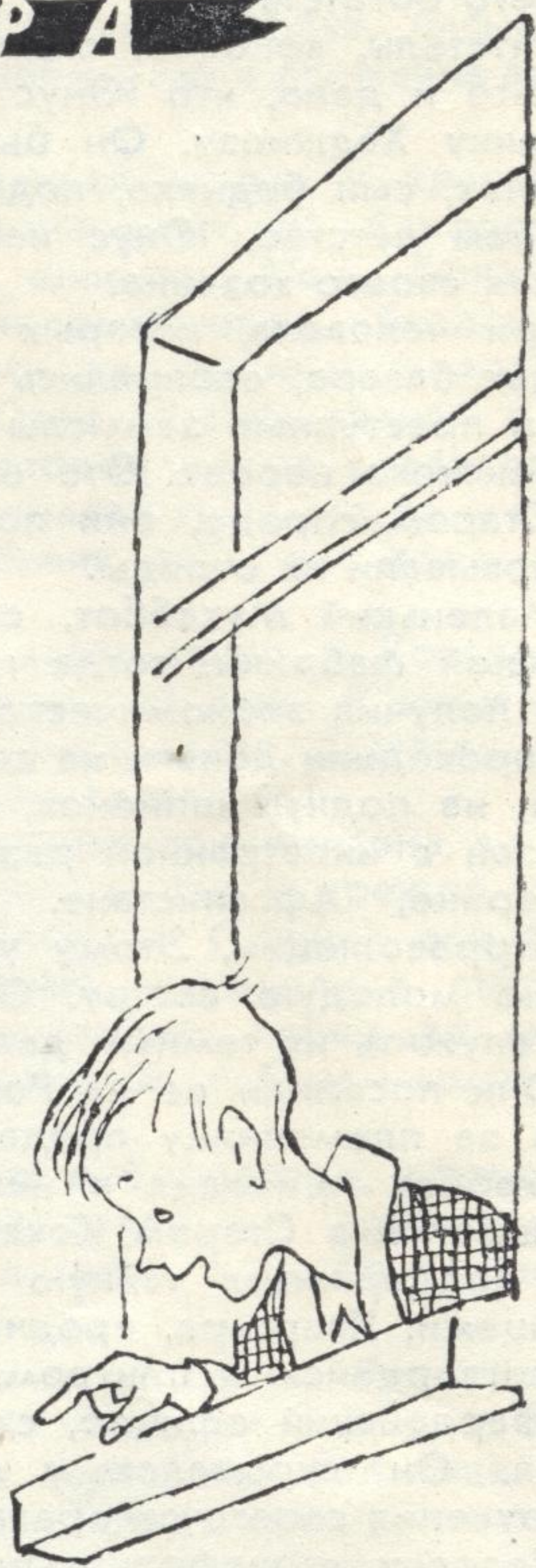
— А ты все, значит, в боль-
нице? — кричит Вася.

Виталька Рогов уже месяц в
школу не ходит. Мы уж и забы-
вать стали, что Виталька Рогов
в нашем классе учится.

— А что ты такой веселый? —
спрашиваю я Витальку.

— Так ведь вы меня навестить
пришли! — отвечает Виталька. —
Вот я и радуюсь.

— Мы за макула... — начал
Вася и вдруг на землю шмяк-
нулся: это его Наташа толк-
нула.

Мы, конечно, смеяться. И Виталька в окне смеется. Потом спрашивает:

— Ты за что его?

Наташа говорит:

— Он мне на ногу наступил. Конечно, Виталик, мы тебя навестить пришли. Все-все ребята тебе привет передают. Ты как себя чувствуешь?

— Уже лучше теперь, — говорит Виталька. — А было не очень.

— А что у тебя болит? — спрашивает Гриша.

— Сердце. Рев-ма-кар-дит у меня. А что у вас в мешке?

— Макулатура, — говорит Вася.

— Так вы за макулатурой пришли? — спрашивает Виталька. — А я думал, ко мне...

— К тебе, конечно, к тебе! — закричала Наташа. — Это нам заодно макулатуру дали.

— Заодно? — переспрашивает Виталька и опять улыбается во весь рот. — Вы, ребята, от меня кланяйтесь всем-всем. И Антонине Ивановне кланяйтесь.

— Антонина Ивановна тебе тоже привет просила передать, — говорит Наташа. — Я просто забыла сказать.

За Виталькиной спиной появилась сестра в белом халате:

— Видишь, какие хорошие у тебя товарищи: навестить пришли. А ты все тосковал, что из школы к тебе не приходят. Ну, ложись в кровать. Укольчик будем делать.

Помахал нам Виталька худой рукой. И мы ему помахали и пошли.

Шли по дороге и молчали.

Рисунки Б. Семенова

Кого поздравлять?

«Дорогая редакция! В нашей школе девочки многих классов готовят к 23 февраля подарки и поздравления мальчикам. А мальчики нашего класса обижаются, так как мы не готовимся их поздравлять. А с чем их поздравлять? Это же не день мужчин и мальчиков, а день Советской Армии, а в армии разве не бывает женщин? Связистки, медицинские сестры, врачи...

Мы, девочки 6-б класса, считаем, что день Советской Армии — это праздник всего нашего народа, и поздравлять одних мальчиков ни к чему, тем более, что к армии они пока никакого отношения не имеют».

Оля Касыкова, ученица 159 школы города Баку

Оле Касыковой отвечает писатель Яков Длуголенский

Оля Касыкова права. Конечно, со временем все нынешние мальчики станут мужчинами, наденут военную форму и, если понадобится, будут с оружием в руках защищать свою страну. Но пока они только мальчики и выделять их как-то особо в этот день ни к чему. По меньшей мере странно поздравлять человека за хорошие дела, которых он еще не совершил.

День Советской Армии — общий наш праздник. Пусть мальчики поздравляют мальчиков, девочки — девочек, мальчики — девочек и наоборот, но давайте не забудем главного: не забудем поздравить ветеранов войны и тех, кто сейчас охраняет нашу Родину.

Чтоб не получилось так, как произошло в одной ленинградской школе: девочки очень долго и заботливо готовили подарки мальчикам, покупали им книги, писали памятные открытки: «Дорогой Коля! Поздравляю тебя с Днем Советской Армии! Таня».

23 февраля девочки пришли в школу рано утром и положили каждому мальчику на парту подарок. А когда мальчики явились, их встретили оглушительными аплодисментами...

Но ни девочки, ни мальчики не вспомнили в этот день о том, что один из их учителей — инвалид Великой Отечественной войны, и что его-то надо было поздравить в первую очередь.

Я хотел бы, чтобы мальчики из 6-б класса прочли эту страничку в «Костре» и перестали обижаться на Олю и ее подруг.

Сержант запаса Яков Длуголенский

НА ПРАЗДНИКЕ

Геологи Ю. Лившиц и С. Мецераков работали в самых разных местах нашей страны. Кроме того, Ю. Лившиц изучал геологию Шпицбергена, а С. Мецераков помогал африканцам искать полезные ископаемые в Западной Африке.

Ю. Лившиц и С. Мецераков написали повесть «Барабаны гремят все сильнее», героем которой является африканский мальчик Куни.

Отрывок из этой книги с рисунками художника В. Звонцова помещен здесь.

Куни недавно переехал из деревни в город. Новые товарищи по школе знают гораздо больше, чем он, и это Куни обидно. Однако и он кое-чему научил их. Для пионерского праздника он разучил с ними охотничий танец.

Но вышло так, что Куни заболел, его положили в больницу и он не смог участвовать в празднике. Он очень огорчился, в конце концов не вытерпел, улизнул из палаты и помчался на стадион.

Куни устроился на заборе у самого выхода. Отсюда видны хорошо и стадион и трибуны. Кругом стоят, сидят люди. Кое-кто даже лежит прямо в красной пыли. В центре трибуны под тремя огромными зонтами восседает вождь округа. В желтых одеждах он блестит, как солнце, и деревянный золоченый орел на его жезле тоже блестит и кивает Куни длинным клювом.

Праздник только что начался. Еще проходят строем школьники. Знакомые и незнакомые. В синих рубашках — из города, в зеленых — из соседней деревни. Откуда другие, Куни не знает. Никто не идет просто, как ходят по улице. Ребята в белых трусах и красных рубашках медленно поднимают ногу и долго тянут носок вперед. Потом все одновременно делают шаг и останавливаются на одной ноге. Ну совсем как белые цапли. Говорят, эти цапли белые, потому что на их родине есть странная холодная вода, твердая и белая! Куни слышал, ее называют «снег».

Ребята в желтом все время подпрыгивают и поворачиваются, немного пробегут и снова подпрыгивают. Будто огонь в саванне. Он тоже дрожит на месте, а потом пробегает вперед к новой сухой траве.

Синие идут серьезно, как солдаты, и останавливаются тоже по-военному, пристукнув ногой. Вождь из-под своих зонтов машет ребятам рукой. И все кругом тоже машут руками и кричат. Всем весело.

Куни думал — может, ребята не успеют переодеться

для танцев или не станут выступать без него. И учительница сейчас думает, как не повезло их школе, что Куни заболел.

На стадионе стало еще интереснее. Ребята из соседней деревни принесли гладкие длинные бревна. Вот трое держат бревно снизу, а один, наверное, самый ловкий, быстро влез по бревну и наверху, держась только ногами, раскинул руки в стороны.

Другие ребята наперегонки ставят палатки. Настоящие, брезентовые. В таких палатках живут рабочие, те, что строят дороги далеко от дома. Может быть, и брат Куни тоже поселился в такой палатке.

Шумно и весело на стадионе. Гремят барабаны. Кричат люди. Незнакомые девочки, одетые в длинные платья с цветами, начали танцевать спокойный и очень медленный танец урожая. В руках у каждой — миска с мукой. Куни смотрит и смотрит — так хорошо. Ноги девочек будто не отрываются от земли. Кажется, девочки стоят на месте, и только руки их плавно движутся, будто слоновья трава от ветра, а стадион с его трибунами и зрителями медленно поворачивается перед ними. И мука, которую они сыпят перед собой, не торопясь падает на красную землю. Танец очень понравился Куни. Вождю тоже. Он позвал девочек к себе, долго что-то говорил, а потом дал каждой по ярко-красному зонтику.

Другие девочки танцуют тоже хорошо. Но им ничего не дарят, только машут руками.

Но вот что-то затрещало в большом ящике в центре стадиона, и незнакомый голос громко сказал: «Смотрите старинный охотничий танец...»

У Куни вспотели нос и уши. В груди громко и быстро застучало. Руки ослабли, и Куни чуть не упал. Он даже не разобрал, что еще сказал голос. Лишь услышал несколько имен: Дик, Осей, и вдруг — Куни Агрейта!

— Куни Агрейта?! Это же я!

Куни слетел с забора и бросился вперед. Его ждут, думают, что он будет танцевать. Скорей, к ребятам! Вдруг какая-то неведомая сила ухватила его за ногу, и он с маху врезался в огромный мягкий живот.

— Ты что? С ума сошел? — Куни висел вниз головой и видел только огромные черные ноги в желтых сандалиях.

— Пустите! — Куни извивался, как варан, схваченный за хвост. — Пустите, — меня ждут на поле. Меня же вызвали.

— Что ты врешь! — Голос был очень визглив. — Ты чуть не убил меня.

— Я не вру.

— Посмотри, — Куни очутился на земле. — Они уже начинают. Да что с тобой, что ты дрожишь? Хочешь взглянуть?

И вот Куни уже сидит на горячей и толстой шее. У него даже голова заболела. Может, уйти в больницу. Но громадная рука так ласково придерживает его. И потом... Нет, он посмотрит, как танцуют без него.

Ребята вышли осторожно. Осей даже споткнулся. Боятся... Как они одеты! Трусы закрыты пятнистыми передниками из шкур ягуара. В руках пучки шерсти на коротких ручках — как хвосты. Кто им сказал, как

одеваются охотники? Лучше бы уж не выходили без Куни...

Неожиданно и быстро затрещали барабаны. И так же быстро сорвались с места ребята. Следом за Диком на согнутых ногах маленькими скачками запрыгали они по кругу. Барабаны гремели все сильнее. Быстрее прыгал Дик, быстрее двигался Осей, не отставали другие танцоры. Ног уже не различить, только облако красной пыли летело по кругу, да в разные стороны метались хвосты. Хорошо! Никогда еще ребята не танцевали так. Даже отец Куни не станцевал бы лучше. Куни видел уже не ребят, а охотников в саванне, далеко отсюда, на севере страны. Пригнувшись к траве, осторожно крадутся они между деревьями. Их ведет Дик. Впереди — антилопы. Огромными прыжками несутся они прочь от охотников. И охотники преследуют их, копья направлены вперед. Вот антилопы замерли на минуту, и пять копий полетели в них... Сейчас начнется самое главное. Раньше это делал только Куни. Конечно, у Дика не получится. Сейчас...

Дик выскочил в середину круга. Он прыгал, но уже на одном месте. Куни отвернулся. Он видел — Дик боится начать. Но вождь и все вокруг спокойны. А Дик все еще не решается. Наконец он сильно оттолкнулся от земли, ноги его мелькнули в воздухе. Он грудью припал к земле и вот уже опять стоит. Ждет. Снова прыгнул, снова... Теперь он прыгает так же часто, как остальные, по кругу. Не разобрать, когда он на ногах, когда на земле. Получилось! Хорошо танцует Дик. Опять упал... Это раненая антилопа бьется в траве. Она вскакивает и падает снова. Медленно приближаются к ней охотники... Барабаны затихают. Медленнее прыгают ребята. Шатаясь, встает

в круг Дик. Сейчас они остановятся. Охота удачная! Усталые, с добычей возвращаются охотники домой. Жжет солнце. Голые деревья не дают тени...

Хорошо выступили ребята. И никто не пожалел, что Куни не пришел.

Барабаны смолкли. Едва-едва двигаются ребята. Но что это — Осей падает? Неужели он все испортил? Может быть, у него подвернулась нога?

Молчат и смотрят люди. Теперь по кругу ходят только четверо. Очень медленно ходят. Осей лежит на земле, подогнув ногу. Ребята тихо нагнулись к Осею. Они подняли его на плечи, чего-то ждут. Снова загремели барабаны, и медленно пошли ребята мимо трибун. У самого центра Осей вдруг спрыгнул, и все упругими прыжками двинулись к выходу. Будто и не устали. Значит, Осей нарочно? Куни понял: охотники идут домой, а злой черный скорпион вылез из-под камня. Осей не заметил его. Быстро мелькнул изогнутый хвост. Боль разлилась по ноге. Охотник упал. Четверо других наклонились над ним. Перевязали ногу, выдавили яд. Вот они уже несут его...

Праздник заканчивается. Привстал вождь, он зовет ребят. Дальше смотреть уже не интересно.

Дик, Осей и другие подходят к трибуне. Они поднимаются по ступенькам. Куни никогда в праздник не был на трибуне. Раньше ребят сгоняли с трибун. Праздники были для взрослых. Сейчас танцоры стоят рядом с вождем и, уж конечно, не думают о Куни. Он бы тоже не вспомнил ни о ком. Ведь так хорошо слушать, когда тебя хвалят. Что говорит вождь, Куни не слышно. Потом выносят подарки, настоящие маленькие барабаны и копья.

— Я не хочу больше смотреть, — сказал Куни. И попросил: — Спустите меня.

— Ничего, мальчик, когда-нибудь и ты будешь танцевать на празднике. Ты еще станцуешь лучше всех. Великан нагнулся и вдруг вытащил откуда-то большой ананас.

— Бери, бери... Это же твой праздник.

Куни еле поймал ананас.

У него кружилась голова. Наверное, зря убежал из больницы. А на трибуне все еще стояли ребята с подарками в руках. Вразнобой гремели барабаны. Праздник кончился. Куни медленно побрел в больницу.

Все-таки хорошо, что он увидел, как танцевали ребята. В следующий раз он придумает что-нибудь новое, и все будут удивляться, какой он умный... Но когда еще будет этот следующий раз? Сейчас-то подарки получили другие... Хоть бы пришел кто-нибудь, одному думать о празднике обидно.

И пришел доктор. Он сунул градусник Куни в рот и, видя, что мальчик молчит, заговорил сам:

— Больной, конечно, чувствует себя неплохо. Он, наверное, мог бы даже встать с кровати. Я думаю, он смог бы даже нарушить наши правила и убежать на стадион, если бы очень захотел. Но он этого не сделал. Он дисциплинированный больной.

Куни держал градусник во рту и молчал.

И вдруг ввалились ребята. Усталые, пыльные, с копьями и барабанами в руках.

Куни догадался — наверное, это Дик предложил прийти, чтобы похвастаться подарками.

Рассказывать стали все сразу. Если бы Куни не видел все сам, он ничего бы не понял. Стадион с людьми и трибунами еще кружился перед глазами у ребят. Куни притворился тяжело больным. Он даже закрыл один глаз и тяжело вздохнул.

Доктор сочувственно закивал головой.

— Тише, — сказал он, — видите, больной в тяжелом состоянии. Не утомляйте его долго.

— Ты и вправду плохо выглядишь. — Осей скорчил сочувственную рожу. — Тогда мы сейчас не будем рассказывать, что Дик сказал вождю.

Куни промолчал. Не хотят и не надо...

— Лучше ты, Осей, расскажи, как вы плясали, — Куни говорил совсем тихо.

Рассказывать начал Дик:

— Мы танцевали очень плохо, Куни. Я так жалел, что не было тебя, и очень боялся начинать главное. У меня получилось совсем плохо.

Куни хотел возразить, но передумал. Пускай Дик считает, что Куни станцевал бы лучше.

— Мы танцевали плохо, но вождю понравилось. Он даже подарил нам все это.

Но Куни не стал разглядывать. Может, его утомили разговоры?

Дик что-то еще говорил. Ребята рассказывали, как упал Осей и как тяжело было тащить его. Потом Осей закричал, чтобы дали рассказать Дик, но тот молчал. Он, видно, заметил, что Куни неприятно его слушать. А Осей ничего не заметил. Ему хотелось все рассказать самому.

— Тогда расскажу я. — Осей подошел к самой кровати. — Вождь долго благодарил нас.

Куни лежал с закрытыми глазами.

— И тогда Дик сказал о тебе.

Куни даже привстал. Теперь он забыл, что тяжело болен. Дик сказал о нем? Но что? И зачем?

— Дик все сказал о тебе, что это ты учил нас и что ты танцуешь лучше всех.

Куни поискал глазами Дика, но тот исчез.

Зачем это Дик говорил о нем? Сам Куни ни за что не сказал бы вождю, что кто-то танцует лучше. И почему Дик ушел?

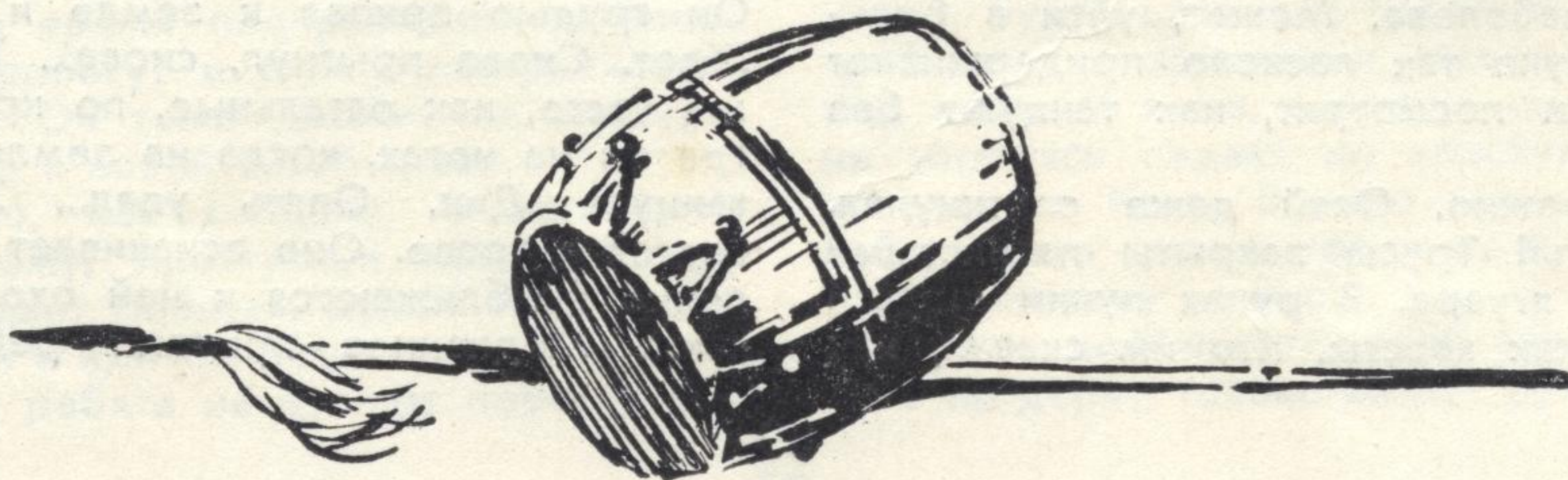
— Тогда вождь послал еще за одним барабаном и копьем и сказал, что обязательно поедет в столицу, когда ты там будешь плясать. А потом, когда у нас откроют свой театр, мы будем настоящими артистами.

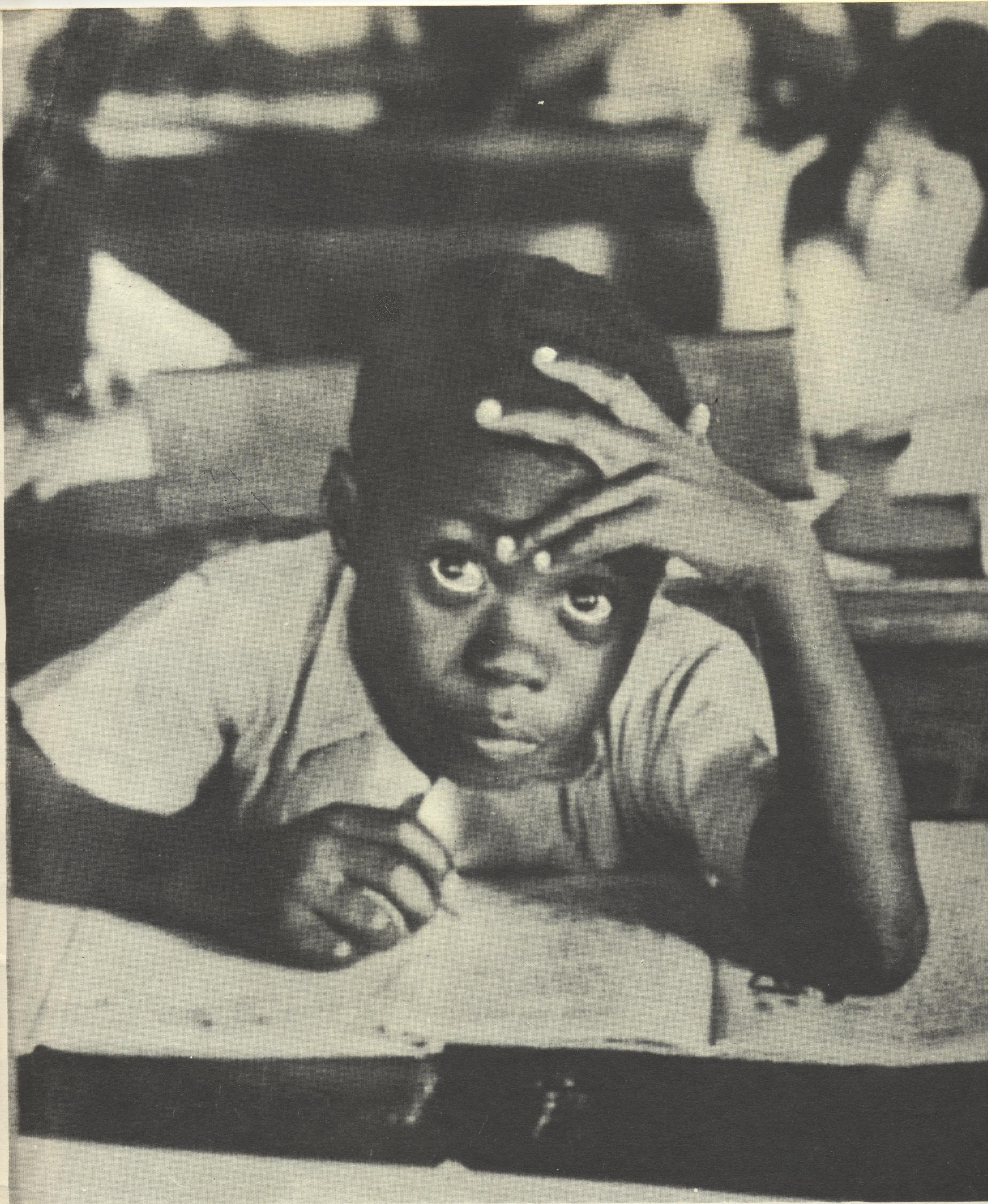
Куни не знал, кто такие артисты. Наверное, богатые, если о них говорит сам вождь. Теперь Куни не жалел, что он смотрел праздник. Совсем не жалел. Он все хорошо видел. О нем знает вождь. Он будет артистом. И у кровати, рядом с ананасом, лежит звонкий маленький барабан и острое копье, обтянутое посередине блестящей мягкой кожей. Только почему Дик все-таки говорил о нем? Разве не лучше, если бы хвалили одного Дика? И приятнее, если копий в классе не так много. Все бы завидовали.

Вернулся доктор и выпроводил ребят.

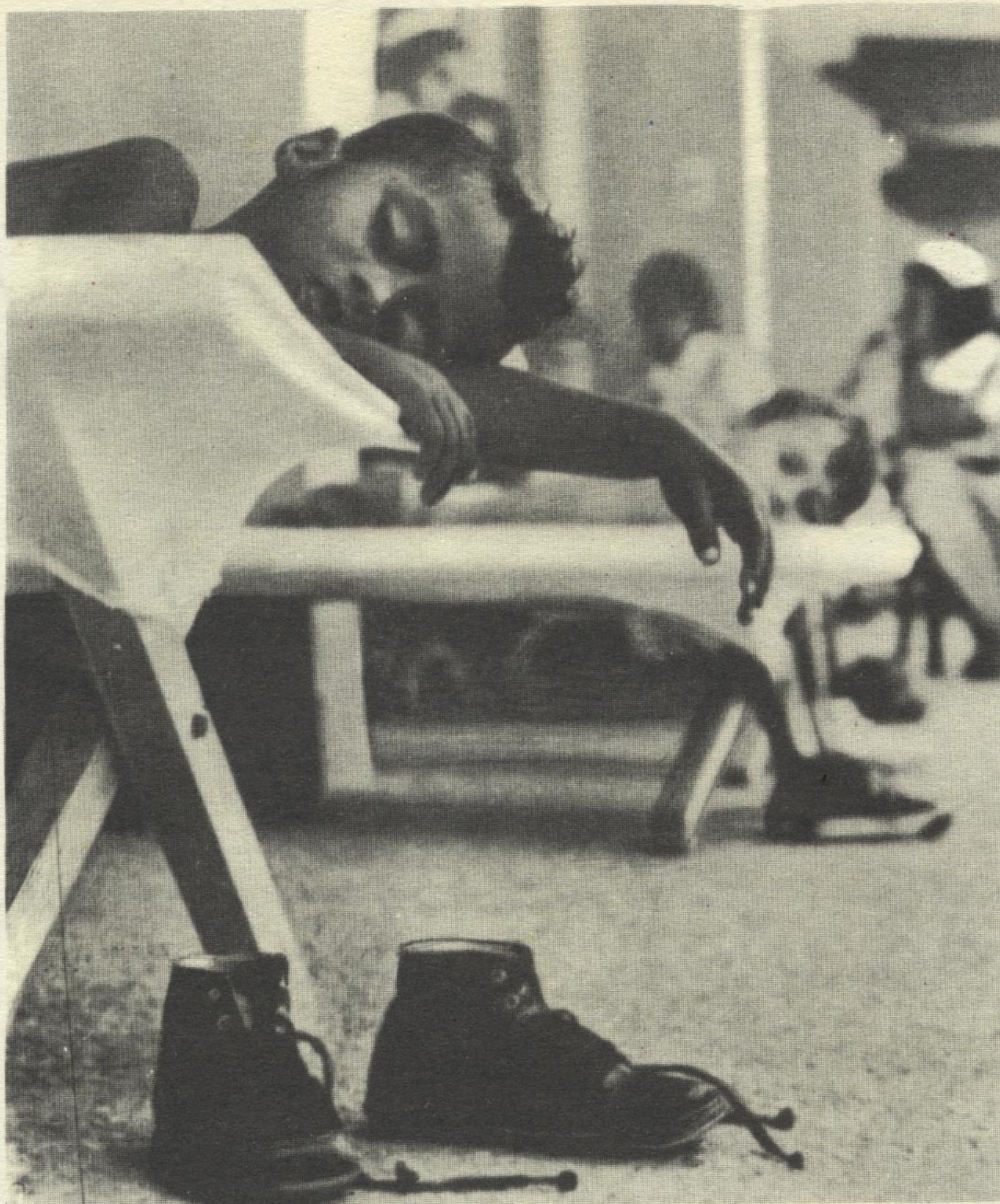
Куни смотрел на барабан и раздумывал, сказал бы он вождю, если бы болел Дик, или нет. Может быть, тоже бы сказал?

Куни так и не придумал ничего. А когда нагнулся, чтобы достать ананас, то подумал: наверное, надо было бы угостить и Дика...

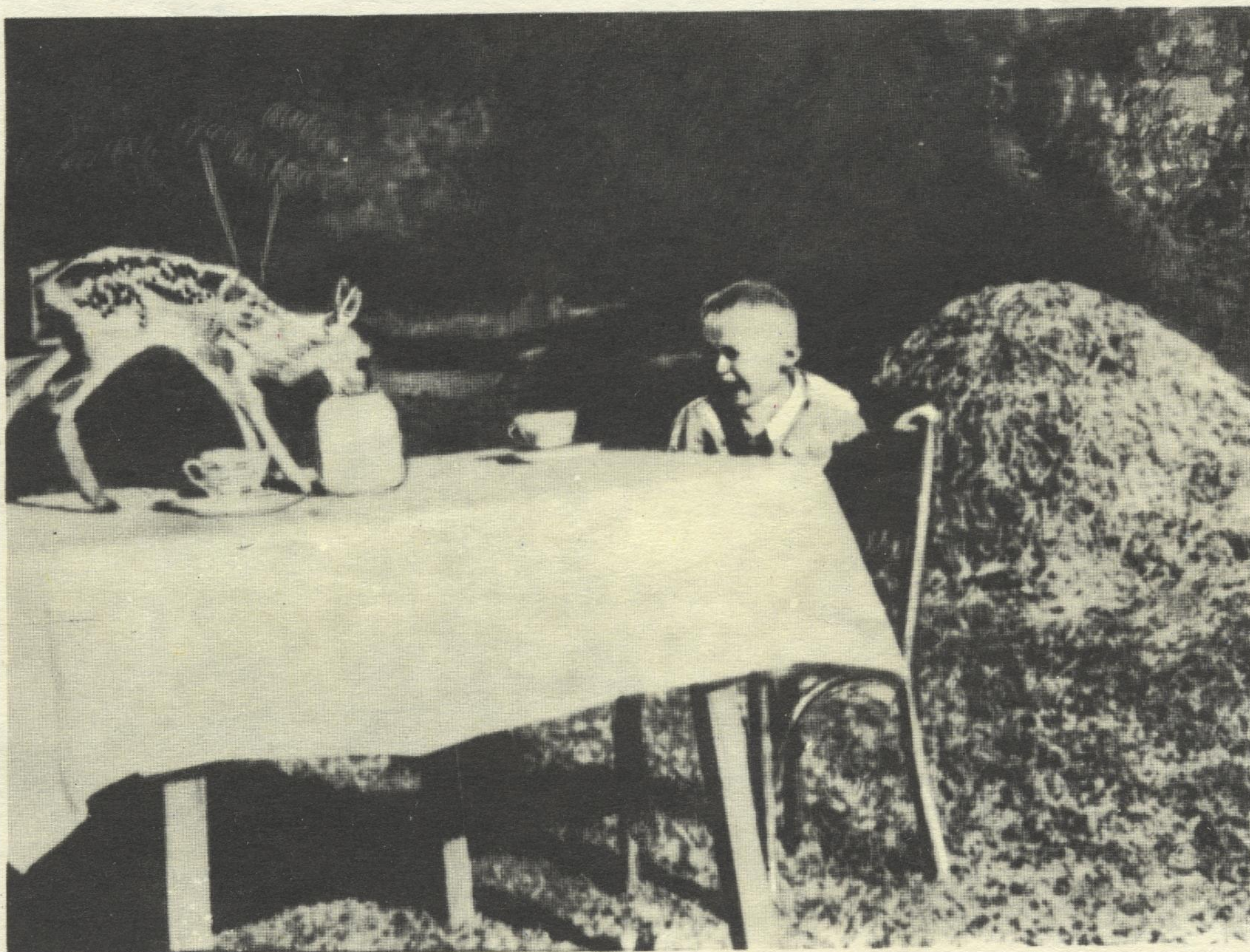

Недавно в Москве и Ленинграде на выставке „Интерпресс-фото-66“ можно было увидеть лучшие работы фотомастеров мира. Три из них мы и воспроизводим на этой странице.

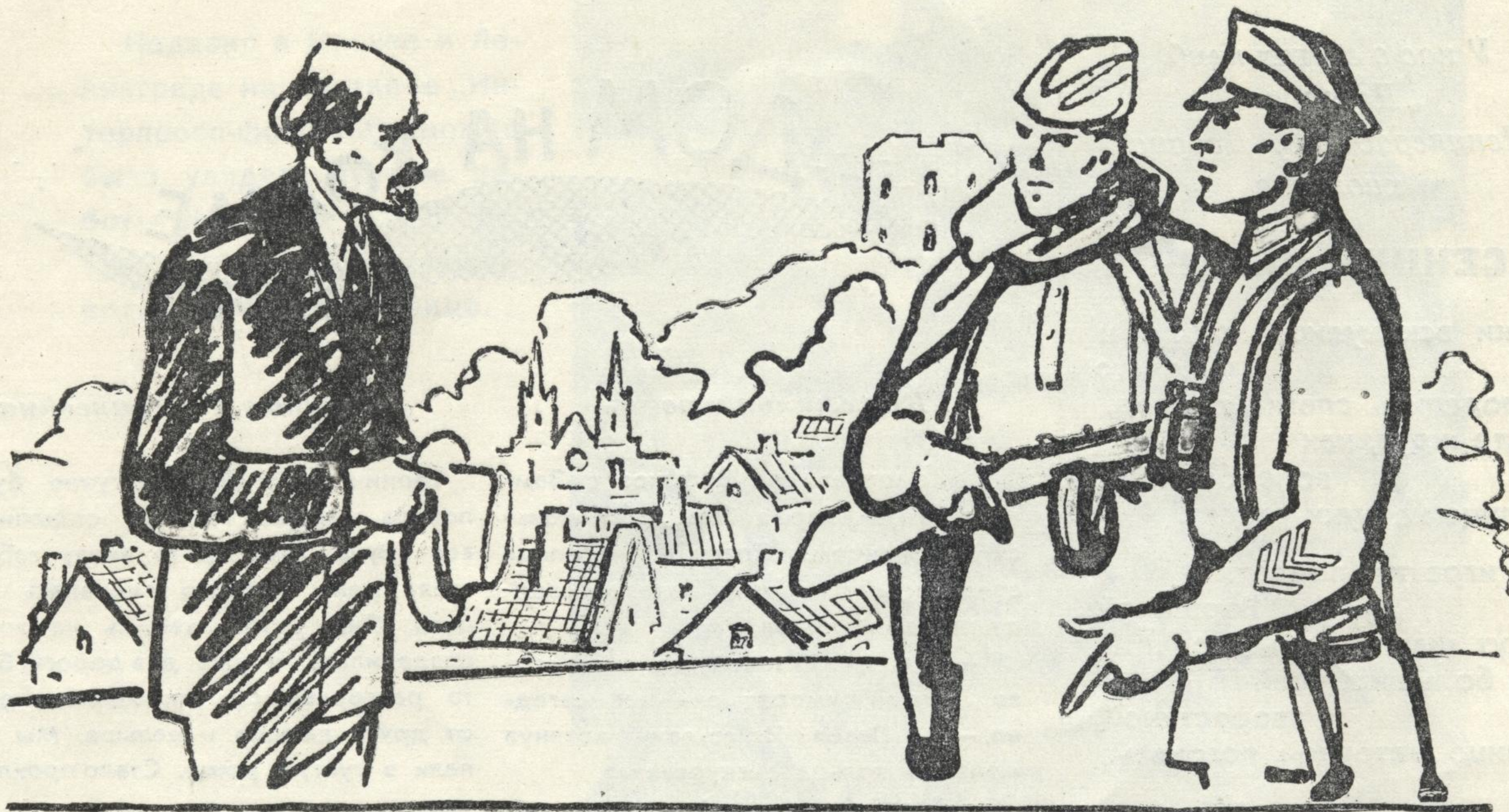
МЕРТВЫЙ ЧАС

Петр Хейн Юнге, ГДР

НЕЖДАННЫЙ ГОСТЬ

Констадин Тодор Башков, Болгария

этой же сосны, посмотрел я вниз на дорогу, понял: можно держаться, и приказал рыть окопы полного профиля. Я распорядился, чтобы окопы не рыли у самого дома: его могли поджечь, и пламя выгнало бы солдат под осколки да пули. На том, правом бугре присмотрел место для пулеметного дзота, и только хотел отдать приказание, чтобы разобрали бревна веранды для накатов, как вдруг подбегает ко мне Егоров, пограничник, откомандированный в нашу часть.

— Товарищ командир, вас старик спрашивает, называет себя комендантом Пушкина, — и показывает на сухого, высокого старика с острой бородкой.

— Отставить шутки, Егоров! Почему допустили гражданского на линию обороны?

Молчит парень, встал по стойке смирно и молчит, а потом, хорошо помню, сказал:

— Так это же о Пушкине дело, товарищ лейтенант...

А старик уже рядом, ко мне обращается:

— Не комендант я, а камердинер, бывший камердинер

Пушкиных, и прошу вас, соблаговолите выслушать меня.

Говорю: «Что вам надо?»

Старик посмотрел на мои петлицы, наверное, старался определить звание, и хриплым голосом произнес: «Сохраните этот дом, офицер... Сберегите его для России! Немцы не должны его разрушить, а они разрушат здесь все, если вы не уйдете с холма».

Вот и подумай, Андрей, тут оборону занимать надо и вдруг, как Егоров сказал, «о Пушкине дело», старик его именем просит. Однако спрашиваю: «Документы ваши?»

— Документы мои в этом доме, в каждой комнате, на каждой стене, и я прошу, умоляю, посмотрите их.

— Идемте, — говорю, — Егоров, за мной!

Павел Игнатьевич встал, оглянул все вокруг еще раз и повернулся ко мне.

— Вот как свидеться с местом этим пришлось. Пойдем, Андрей, в дом.

Молча обогнули мы угловую открытую веранду и молча подошли к двери. Сбоку была прикреплена

четкая, сделанная по стеклу надпись: «Дом-музей Пушкина».

Мой спутник тоже смотрел на нее.

— Да, — сказал он, — так просто все теперь: музей, часы посещения, а когда мы с Егоровым входили сюда, не было этой надписи, и мы не подозревали, что именно мы здесь первые посетители.

Павел Игнатьевич, видно, хорошо знал расположение комнат. Он быстро прошел коридор и по узкой, с разошедшимися ступенями внутренней лесенке повел меня на второй этаж.

Полумрак и прохлада нижних, довольно тесных и запутанных проходов пропали. Широко открытая дверь позволяла уже из передней видеть почти всю большую квадратную комнату, залитую потоками солнца.

Занимая половину стены, боком к окну стоял массивный письменный стол, а над ним в черных старинных рамах висели рядом два портрета. Солнце бросало на них лучи, и они, ярко освещенные, встречали входящих спокойным взглядом. На ближнем портрете был запечатлен немолодой мужчина. Слегка откинута голова, широкое, оттененное недлинной, но пышной бородой лицо, крепкие плечи. Со второго портрета, сложив на груди руки, в упор смотрел Пушкин,

— Как старик только ввел нас с Егоровым сюда, он посмотрел на портреты эти и встал неподвижно. Взглянет на нас — и опять на портреты.

— Что ж ты мне, старик, Пушкина показываешь, — говорю я ему. — В России немало таких же портретов. Начни считать — со счету собьешься.

А старик будто не слышит, все смотрит на портрет старшего и говорит: «Сын это Александра Сергеевича, Григорий. Здесь он проживал. Здесь у них и я всю жизнь прожил. Жена его, Варвара Алексеевна, пять лет назад преставилась. Завещание от нее есть: сберечь дом сей музеем в память Александра Сергеевича. Хранится здесь шкатулка его из села Михайловского, мебель. Прошу вас в святыню нашу».

— Я не пошел туда, помню, снизу позвали: «Товарищ лейтенант, где пулемет устанавливать?» И я, ничего не ответив, ринулся вниз. Пойдем, Андрей, здесь хранится то, о чем говорил старик.

Мы пересекли кабинет и оказались в маленькой комнате.

Стены ее вместо обоев покрывал холст. Чьи-то искусные руки вышли по нему декоративные листья. Старинные домотканые обои — какая редкость! Такого мне нигде не доводилось видеть! Отгороженные толстым шнурком, стояли напротив входа ломберный стол и два стула, обтянутые желто-зеленым бархатом. Там, где бархат был протерт, он желтел сильнее. Вещи отличал тонкий рисунок, и веяло от них стариной, знакомой по книгам.

— Вот они, пушкинские вещи, Андрей! Привез их сюда его сын Григорий из села Михайловского после того, как продал имение в казну города Пскова. Так теперь экскурсоводы объясняют.

Мы стояли возле этих, таких обычных, предметов, но думалось совсем о другом.

— Понимаешь, Андрей, какое место? Ничего я этого тогда не видел, но Пушкин и тогда был для нас Пушкиным. Его война из сердца не выбила. А надо было решать, где поставить пулемет и что разбить на бревна для наката. Как поступить?

Павел Игнатьевич неожиданно вышел на лестницу и стал спускаться, отсчитывая ступеньки — раз, два, три... тридцать пять! Он повернулся ко мне: «А теперь по коридору», — и, широко шагая, насчитал двенадцать шагов.

— Видишь, вот и весь путь — тридцать пять ступеней и двенадцать шагов, но, поверь мне, за всю жизнь не было у меня пути тяжелее, чем этот до двери. Я собрал всех. И сказал ребятам, что дом этот пушкинский. Сказал и о том, что, если займем оборону не здесь, потери у нас будут большие. Сказал, что некому, кроме нас, решить — жить или не жить дому.

Помню, Егоров первый говорит:

— Товарищ лейтенант, мы развилку не бросим, а уходить надо.

Ушли мы отсюда, а оборону заняли в долине. Слева от раз-

вилки. На обратном пути пойдём туда. Там сохранились еще холмики наших окопов, остался и над Егоровым холмик.

Павел Игнатьевич достал папиросу, зажег и сразу спохватился: музей ведь, и одним движением скомкал ее.

— Иди сюда, Андрей, — и он повел меня к висевшему на стене окантованному тексту.

— Это завещание Варвары Алексеевны Пушкиной. Напечатано после войны. Много, очень много людей, и не зная о нем, все выполнили, что было нужно.

Я прочитал вслух:

«31 октября 1935 г.

Дом в Маркутье не может отдаваться внаймы, в аренду, а всегда должен быть в таком состоянии, в каком находится теперь при моей жизни, дабы в имении Маркутья сохранилась и была в попечении светлая память отца моего мужа, великого поэта Александра Сергеевича Пушкина, и дабы равно центр имения Маркутья, как и находящийся в нем жилой дом в доказательство его памяти всегда служили культурно-просветительной цели».

— Вот и все, Андрей. Понимаешь теперь, почему я стараюсь чаще бывать в Вильнюсе?

И снова мы раздвигали кустарник, спускаясь в долину.

— Наверное, — говорил Павел Игнатьевич, — у каждого есть уголок на земле, где особенно звучит слово Родина. Мой уголок здесь. Вот экскурсовод на Замковой горе сказал, что всегда умели у нас строить крепости, а я думаю, не в крепостях дело. Крепость и разбить можно, и взять. А вот Родину — не отнять, не уничтожить.

РАССКАЗЫ О БЛОКАДЕ

А. Крестинский

Рисунки Н. Кустова

В этих рассказах нет выдумки. Разве что имена и фамилии другие.

Когда началась война, мы перешли в пятый класс. Когда фашисты блокировали Ленинград, нам было по тринадцать.

Те из нас, кто пережил первую блокадную зиму, весной пошли в школу, а летом, неподалеку от города, выращивали овощи для защитников Ленинграда.

У многих сегодняшних ребят о нас, тогдашних, такое представление: фашисты сыплют на город зажигательные бомбы — а мы эти бомбы тушим. Фашисты засылают в город шпионов — а мы этих шпионов ловим...

Все это было — и бомбы и шпионы. Но далеко не каждому удалось потушить бомбу или поймать вражеского лазутчика. Враг испытывал нас не только бомбежками и обстрелами. Он испытывал нас голодом и холодом. Он испытывал наш характер и волю, нашу честность и дружбу, наше человеческое достоинство.

Эти испытания были не легче, а порой труднее.

Автор

Витька Некрасов

На площади, на солнечной стороне — толкучка. Инвалиды, солдаты, матросы, раненые из госпиталей. Идет мен: табак на хлеб, хлеб на папиросы, папиросы на водку, водку на табак, табак на спички... Кому что надо.

Толкучка густая, но тихая. У стены, где булочная, сидит безногий. Шинель внакидку, полы обрезаны неровно, обрезками замотаны культяпки. Сидит он с прикрытыми глазами и бубнит:

— Табачок, кому табачок...

У меня не хватает духу шагнуть в эту медленно текущую толпу, начать: «Табачок, кому табачок...» Как в холодную воду войти.

Наконец решаюсь. Держу на ладони пачку махры — последнюю, оставшуюся от отца.

— Махорка, кому махорки...

Снизу легонько бьют по руке. Бац — и ладонь пустая. Смотрю вокруг, под ноги — нет моей махры, а толпа напирает, толкает, бранится, что стою как дурак.

— Не зевай, корешок, голову унесут!

Глаза совершенно голубые — в упор.

— Эх, ты, салага...

Мичманка со сломанным козырьком, женская вязаная кофта, из ворота торчит цыплячья шея — вот что я успел разглядеть. Мальчишка как провалился.

Я выбрался из толпы и — к дому. Такая неудача...

— Эй, постой!

Оглядываюсь — Вязаная кофта. Догоняет меня вприскок. Хромой, вроде. Широченные клеши, одна штанина рваная до колена. Догнал. Смотрит.

— Ты, разве так торгуют!

Что я стою, что молчу? Он украл — ясное дело.

— Думаешь, я? На, обыщи!

Задрал свою кофту и выпячивает голый живот в цинготных пятнах. Так я и поверил — сплавил уже кому-то мою махорку.

Выворачивает карманы. Кроме зажигательного стекла — ничего. Подбрасывает стекло, ловит и говорит:

— Гляди, как надо работать.

Прихрамывая, идет на угол, где солнце печет. Я за ним. Он наводит стекло на кофту, кофта дымит и воняет,

— Видал? Гиперболоид!

Чего радуется? Подумаешь, стекло...

Тут он начинает приплясывать на месте, помахивая этим своим стеклом, и кричит нахальным голосом:

— Солдатики, матросики! Кому прикурить? Зачем на спички тратиться? Подходи — кто первый...

Первым подошел старшина с мешком за плечами. Сунул сигарку.

— Давай, давай поскорее.

— Сейчас, товарищ старшина.

Махра на конце толстой сигарки закурчилась, задымила. Старшина жадно раскурил, втягивая небритые щеки. Глаза у него слезились.

— Порядок...

Он побежал, потом вернулся, долго рылся в карманах шинели, наконец, достал кусок сахара, весь в табачных крошках, сунул Вязаной кофте — на! — и ходу.

— Видал? Чистая работа! Волга-Волга!

Вязаная кофта сиял. Я глядел на него, как на фокусника в цирке.

— Кому прикурить, кому прикурить? Бесплатная прикурочка, прямо от солнца! Подходи, у кого спичек нет!

Спички мало у кого есть. Редкая вещь. Подошел командир. Улыбается снисходительно — давай, мол, побалуюсь. Папиросу протянул, «Казбек».

— О-о-о... — Вязаная кофта взял папиросу осторожно, как стеклянную, — мировая!

— Куришь? — спрашивает командир. — Как тебя зовут-то?

— Виктором... Я нет, батя курит.

Командир достает еще казбечину.

— Это для бати. А за прикурку спасибо.

Улыбается, словно Вязаная кофта родственник ему. А тот и рад, кричит вдогонку:

— До скорой встречи в день победы!

Подплывают два матроса. В обнимку. На бескозырках — «Крейсер «Киров». Один берет у Витьки стекло, долго наводит, рука не слушается: «А, чтоб тебя...» Прикурил, отдал стекло, смотрит на Витьку тяжелыми глазами, потом — хлоп по плечу! — тот так и присел.

— Придешь к кораблю, спросишь Васильева Петра, понял? Петра. Понял? У нас Николай есть Васильев, это не я... Понял?

Витька потирает плечо, а сам — я вижу — сам доволен. Еще бы! Везет человеку. Интересно, куда он девал мою махорку?.. А может, не он? Может, кто другой? Скорей всего. Иначе зачем он меня догонял?

— Продай, парень, стеклышко...

— Не продажное, прикурить — пожалуйста.

— Э, прикурить... Лето на носу, солнца много, а спичек нема...

— Что, выписался?

Солдат вместо ответа кивает на левую руку — она в бинтах...

— С Ленинграда?

— Колпинский.

— Ладно, бери, если колпинский...

Солдат бережно прячет стеклышко в карман гимнастерки, застегивает пуговицу, хлопывает здоровой рукой по груди:

— Ну, спасибо, — говорит, — вот спасибо-то. А это — тебе. Держи. Энзе!¹

Он протягивает Витьке кусок сала, весь в крупной серой соли, граммов на двести кусок! Витька взвешивает его на руке и опускает в карман.

Карманы у него оттопырились: там сухари, сахар, гороховый концентрат, а теперь еще сало... Солдат прощается с Витькой за руку. Я не выдерживаю.

— Как же теперь?

— Ты про что?

— Ну, стекло отдал — зачем?

— А черт с ним! Гляди — полный гастрон! Волга-Волга!

— погоди, я к бате сбегая, сейчас вернусь.

Путаясь в клешах, он идет мимо толкучки, с кем-то здоровается, с кем-то шепчется, спорит — все по пути. Вот дошел до безногого, присел рядом на корточки, опоражнивает карманы... А безногий смеется, доволен.

Потом Витька возвращается ко мне, морщит лоб.

— Батя хотел «Казбек» закурить, а стекла нет...

— Знаешь, — говорю я, оторопев от собственной доброты, — пойдем ко мне, у меня фотокор есть, там стекло увеличительное. Вывинтим — и все!

— Ну-у...

— Пойдем, пойдем!

Я боюсь, что Витька откажется.

— Мне этот фотокор совсем не нужен, честное слово!

Кажется, там два стекла, — еще лучше: будем вдвоем стоять на площади, на этом жарком углу. С Витькой не пропадешь.

Мы шагаем по Красной улице, к дому. Я спрашиваю:

— Ты чего в школу не ходишь? С первого мая открыта уже.

— Некогда, — отвечает Витька.

— А ты завтра приходи, столовая у нас, кормить будут!

— Ну да? Приду!

¹ НЗ — неприкосновенный запас.

...В комнате у нас развал, пыль, грязь. До сих пор на кухне живем. Но это ерунда, сейчас почти все так.

Только вошли — Витька к шкафу с книгами: шевелит губами — читает названия.

— Волга-Волга! Сколько здесь — тыща?

— Четыре, — говорю я, — хочешь, почитать дам? «Остров сокровищ» хочешь?

— Не... Слушай, на этом деле заработать можно, — он тычет пальцем в книги, — зуб даю...

Я не понимаю, как можно на этом деле зарабатывать. До войны отец каждое воскресенье ходил по книжным магазинам. И дворничиха тетя Маша утешала маму:

— Да что ты расстраиваешься! Мой мужик пьет, и то ничего...

Короче, я знал, как тратят на книги последние деньги. А вот...

— Не понимаешь, — говорит Витька. — Ну, ладно. Я к тебе профессора приведу. Сразу поймешь.

Олег Рымов

Витька не обманул: привел «профессора». Оказалось, это Олег Рымов. Я его встречал в нашей школе.

Рымов был чистенький, аккуратный, упрямый. Он вежливо поздоровался, снял свою вельветовую куртку и долго не знал, куда ее

девать. Поморщился, прежде чем повесить куртку на стул. Я впервые устыдился неразберихи и грязи в комнате. И сам на себя разозлился за это.

Книги Рымов брал брезгливо, двумя пальцами, будто делал одолжение, разглядывая их.

— Книги надо протирать, — заметил он и сдунул пыль.

Я почувствовал себя лишним здесь, в комнате, а ведь это он ко мне пришел — не я к нему!

— Эту беру, — сказал Рымов, — расплачусь завтра, в школе.

Он даже не спросил, согласен ли я. Он был абсолютно уверен: захотел — его. Я не пони-

мал, на чем основана такая уверенность, но не мог ей сопротивляться.

Рымов унес под мышкой сказки Андерсена. Старинная книга. Бабушкина.

Мы сдавали в школу свои продуктовые карточки и ели в столовой: завтракали и обедали. Это называлось УДП — усиленное детское питание или «умрешь днем позже». Нам тогда и трех УДП было бы мало.

Перед завтраком подошел Рымов:

— Сядешь со мной.

За столом нас было четверо: я, Рымов, Витька и Валька Камыш. Камыш стучал ложкой по столу и кричал:

— Жрать хочу!

Витька ему — тонким голосом:

— Врешь!

Рымов равнодушно смотрел в окно. Потом сказал:

— Заткнитесь, вы.

Замолчали.

У меня кружилась голова. Не надо было читать меню, ведь и так знал, что будет на завтрак: пахло чуть пригорелой пшенной кашей, хлебом и шротовыми лепешками — это вроде творожников из соевого молока.

Я проглотил свою порцию разом. Рымов медленно, словно нехотя, съел кашу, а когда принесли лепешки, подвинул их ко мне.

— Ешь.

Я не заставил себя упрашивать.

На перемене Рымов достал из портфеля бумажный кулечек.

— На, это за книгу.

Я развернул кулечек. Там были сушеные овощи: помидоры, лук, картошка, свекла, морковь. Я разжевал сушеный помидор — это было необыкновенно! Во рту стало кисло, сладко и солено — все сразу. Я тут же перестал жалеть о книжке и готов был тотчас вести Рымова к себе и отдать ему все, что он захочет.

Рымов стал приходить ко мне два-три раза в неделю. Он никогда не опаздывал. Скажет — в три — и придет в три, не позже. Он рылся в книгах долго и всегда выбирал стоящее. Рымов никогда не забывал про кулечки и отдавал их как-то между прочим, чтоб никто не заметил. И я был благодарен ему за это.

Я не мог принести кулечек домой. Откуда взял, спросит мама. Что я скажу?

После уроков я оставался в классе или уходил за школу, на пустынный стадион, и там, сидя под статуей дискобола, черного от угольной пыли, съедал свой кулечек: сначала картошку, потом лук, потом свеклу, морковь и на закуску помидоры. Каждый раз я клялся себе все это кончить. Сегодня же. И навсегда. И никогда больше не пускать к себе Рымова.

Но наступало утро, и все начиналось сызнова.

Однажды Рымов заметил под моей кроватью радиоприемник. Брат не успел собрать его до конца, и он пылился под кроватью рядом со связкой учебников и тетрадей по радио и электротехнике.

Брат был двоюродный. Он учился в Ленинграде и жил у нас. А на каникулы уезжал домой, на Урал.

Я помнил, зимними вечерами брат сидел за столом и мастерил этот приемник. Тихонько насвистывал и мастерил. Я засыпал под шипенье паяльника и запах канифоли. Мне нравился этот запах.

Рымов вытащил приемник из-под кровати. Я впервые видел его таким возбужденным.

— Слушай, — сказал он, — отдай мне этот приемник...

— Это не мой.

— Брось, — сказал Рымов, — война ведь, чего жалеть-то.

— Брат вернется, мне попадет...

— Ему не до того будет, если вернется. Пишет?

— Пишет, — соврал я.

— Слушай, — Рымов подмигнул, — а ты дай мне на время, не насовсем. Я соберу. Я умею. У меня чертежи есть. Брат вернется, а ты ему — пожалуйста — готовый приемник!

На время — это дело другое. Почему не дать на время? А если не вернет...

— Все будет чин-чинарем, — сказал Рымов, — я в долгу не останусь. Приходи завтра ко мне, когда хочешь приходи. Я и в школу не пойду — буду приемник собирать. Можешь за меня завтрак съесть. Только сахар и хлеб принеси. А Витька пускай обед съест. Витька в воскресенье тоже с нами пойдет. Не забыл про воскресенье?..

Нет, про воскресенье я не забыл. В воскресенье я должен стоять у школьных ворот. А Рымов, Камыш и Витька полезут в подвал за электромотором.

Рымов сказал, что он все разведает: в подвале школьный физический кабинет, все приборы, и если бы он захотел — все унес бы! Но ему нужен только электромотор, а там их — завались. И если кто думает, что это кража — тот дурак, потому что война, про эти моторы давно все забыли, а в подвале вода, и приборы только ржавеют.

...У Рымова дома я никогда не был. Вошел в большую светлую комнату, и у меня глаза разбежались: книги в застекленных шкафах, на подоконнике цветы, на полу, на стульях — модели кораблей. Даже под потолком одна висит! На письменном столе мой приемник... И тепло. Непривычно тепло.

— Ну вот что, — сказал Рымов, — мне некогда. Ты иди на кухню — там зеленая кастрюля с макаронами — ешь.

За пестрой занавеской — кухня. На столе керосинки, примус, разные кастрюльки. И зеленая. Я поднял крышку: остатки макарон, белых, как снег, присохли к краям и дну кастрюли. Видно, помешать забыли. Я машинально считал макароны: десять, пятнадцать, семнадцать...

— Ложка там, на столе, — сказал Рымов. Он замурлыкал песню: — Рано утром у реки собирались рыбаки...

Я взял ложку, отодрал макароны со дна кастрюли — с той стороны они пригорели — и положил в рот. Макароны были совсем пресные, точно их варили без соли.

— Мы с тобой в расчете, — весело сказал Рымов, — завтрак съел — съел, макароны ешь — ешь. И приемник получишь. А я работаю. Раньше осени не кончить.

Я жевал холодные пригоревшие макароны, и они становились солеными. Зеленая кастрюля плыла в тумане, в горле щекотало, лицо у меня стало мокрое, и я понял, что плачу. Я не мог остановиться и не есть эти соленые скользкие макароны и от этого плакал еще сильнее. Я отдираал макароны и с остервенением жевал их, как будто это они были во всем виноваты.

А когда макарон в кастрюле больше не стало, я словно очнулся и ясно, отчетливо понял: все, дошел до точки. Лучше бы мне подавиться этими макаронами, и не видать мне приемника, как своих ушей, и никто мне не поможет, выбираться я должен сам.

«Рано утром у реки, тра-ля-ля-ля-ля...» Рымов низко склонился над столом. Он даже не слышал, как я вышел из комнаты, как в темном коридоре искал входную дверь.

...Утреннее солнце начинало обход двора именно с этого угла. Мы приходили в школу рано, за час до завтрака, садились на доски, что лежали вдоль стены, прислонялись к теплой уже штукатурке и млели на солнце.

Так было и в это утро. Я пришел и сел на свободное местечко, привалился к стене и закрыл глаза. Это было блаженное состояние, когда не думаешь ни о чем, кроме предстоящего завтрака — он маячит впереди, как праздник.

Кто-то сильно толкнул меня в плечо. Открываю глаза — Камыш.

— Але, — говорит Камыш, — профессор велел передать — завтра в двенадцать. Здесь, на дворе.

Значит, завтра... Завтра это проклятое воскресенье.

...У Камыша лицо круглое, лоснящееся, все в веснушках. Камыш каждый день ходит на Андреевский рынок. Маклачит. Что он там продает, неизвестно, только возвращается всегда с буханкой хлеба за пазухой. Он идет вразвалку через мост Лейтенанта Шмидта, а мы стоим на набережной и ловим рыбу. Когда он проходит мимо нас, мы поворачиваем головы в его сторону, а он отламывает корочку и кидает в рот...

— Передай своему профессору, что я не приду, — говорю я чужим тонким голосом.

У Камыша круглеют глаза.

Резким движением он хватается за ноги.

Не пошевелиться. Камыш наклоняется ко мне и шипит:

— Придешь?

— Пусти...

— Придешь?

Я хочу плюнуть ему в лицо, а плюнуть нечем — сухо во рту. Он начинает возить меня по земле.

— Придешь?

— Нет!

— Придешь?

— Нет! Нет! Нет! — кричу я и неожиданно чувствую, что свободен.

Я поднимаюсь с земли и вижу: против Камыша стоит мальчишка на костылях. Вернее, на одном костыле. Другим он замахнулся на Камыша:

— Проваливай.

Тихо и спокойно сказал: «Проваливай».

Камыш злобно сплевывает, подымает свою сумку и, погрозив мне кулаком, уходит со двора.

— Не дрейфь, — говорит мне мальчишка, — не таким носы сворачивали. А где здесь жратву дают?

Лицо у него будто толстое, а если приглядеться — видно, что опухшее.

— Здесь, — киваю я на окна столовой. — В девять откроют. Ты что, раненый?

— Ноги-то? Нет, цинга. Меня из детдома прислали. Через неделю поеду с вами в подсобное. Траву буду жрать. Пройдет цинга...

Так я познакомился с Ваней Воиновым.

Селедка

Я выхожу из трамвая у памятника Суворову, поворачиваю на улицу Халтурина и иду в сторону Эрмитажа. У меня за спиной зеленый солдатский мешок, в нем десять турнепсин и двадцать четыре картошки. Две недели я таскал их с поля за пазухой и прятал под матрац.

Мешок оттягивает плечи.

Вот и дом, третий от угла. Парадная. Навстречу спускается Николай Петрович. Он у тети Сони второй муж. С первым она разошлась еще до войны.

Николай Петрович останавливается. Я говорю ему:

— Здравствуйте! — и опускаю глаза.

Сейчас он скажет: «А, явился. Ну, не ожидали мы от тебя такой гадости. Хорош гость, нечего сказать...»

— Софья Николаевна дома, — говорит он сухо, — а я, извини, тороплюсь.

«Извини, тороплюсь...» Ненавижу эту вежливость! Лучше бы сказал прямо: ты вор, ты обокрал наших детей, я тебя презираю.

Медленно подымаюсь по лестнице. Стою на каждой ступеньке. На площадках стою. Полгода прошло с тех пор, как я был тут.

Только бы она не кричала. Пусть спросит, как это случилось, я все расскажу. Пусть она хотя бы начнет: «Мы сидели в комнате...»

Да, мы сидели в комнате, прямо в пальто, холодно было. Костик и Кира лежали в кроватях. Кира болела. Она нашла в шкафу какие-то вредные таблетки и съела их с голоду.

— Да, да, это были ужасные дни, — скажет тетя Соня, — слава богу, все позади. Ну, а потом...

Потом я стал ерзать на стуле и ты сказала: «Иди на кухню, там ведро. Это ужасно, что мы так много пьем. Носить с пятого этажа, представляешь...» «Надо держать себя в ру-

ках», — сказал Николай Петрович. Я не мог больше держать себя в руках и вышел на кухню.

Ведро стояло у окна, и я сразу увидел на подоконнике эти селетки: целая, от другой чуть больше половины и отдельно — хвостик.

— Да-да, Николаю Петровичу тогда выдали на работе, — скажет тетя Соня. — Это был такой праздник!

Если я съем хвостик, подумал я, сразу заметят. Надо найти нож. Я обернулся и увидел кухонный нож. Он лежал на столе рядом. Я прислушался и осторожно отрезал кусочек селетки. Я съел его так быстро, что даже не разобрал вкуса. И тут же вернулся в комнату. «Как ты долго ходил», — сказала мама. Она рассказывала, как делать лепешки из липового цвета.

— Помню, помню, — скажет тетя Соня, — лепешки из липового цвета...

«Это прекрасные лепешки, — говорила мама, — съешь три штуки и чувствуешь, что поел. Жарить можно на олифе...»

Лепешки, подумал я тогда, сколько их ни ешь — не наешься. Вот селетка... И я снова стал ерзать на стуле, теперь уже нарочно. Я делал гримасы, чтоб заметили и пожалели. «Потерпи, — сказала мама, — сейчас мы пойдем, нельзя же так, у них пятый этаж...» «Вы позволяете ему слишком много пить, — сказал Николай Петрович. — Это вредно. И, наверно, горчицы много потребляете — видите, как вы опухли. Я держусь только самодисциплиной». «Я отдаю Николаю Петровичу половину своего пайка», — сказала ты. «Правильно, — сказал Николай Петрович, — в этих условиях мужчине требуется вдвое больше калорий и витаминов. Будет хуже, если я свалюсь».

Я продолжал ерзать на стуле до тех пор, пока ты не сказала: «Иди же скорей на кухню, на тебя больно смотреть...»

Сколько можно еще отрезать, чтоб не заметили? Совсем немного. Я съел этот ломтик и мне захотелось еще. Я нацелился на хвостик, и тут мне показалось: кто-то идет. Будь что будет, решил я и сунул хвостик в карман пальто. Я съел его потом, дома.

— Как рано умер Миша, — скажет тетя Соня, — разве он мог подумать...

Миша — это мой отец, родной брат тети Сони.

Тут самое время развязать мешок и вывалить на пол все мое богатство.

— Что это? — всплеснет руками тетя Соня. — Откуда это? Просто чудо!

...Тетя Соня открывает не сразу. Она долго возится с задвижкой, ключом, гремит цепочкой.

— Это ты, — говорит она спокойно, будто заранее знала, что я приду сегодня. — Заходи, я закрою дверь. Дети спят, пойдем на кухню...

Нет, только не на кухню.

— Я на минутку, тетя Соня, на одну минутку... Вот привез...

Я стаскиваю с плеч мешок, он не снимается, я тороплюсь. Проклятые ляжки, зацепились! Хоть бы накричала она, что ли.

Наконец, мешок у меня в руках. Теперь — развязать тесемку.

— Ты загорел, вытянулся, — говорит тетя Соня. — Как вас кормят?

— Прекрасно, — говорю я, — замечательно кормят, мне хватает, очень хватает, вот я привез тебе немножко...

Тетя Соня берет у меня мешок, развязывает тесемку.

— Как это тебе в голову пришло? — говорит она грустно.

Тетя Соня смотрит на меня очень внимательно. Сейчас начнется. Только бы поскорей.

— Чем бы мне тебя угостить... хочешь супу из хряпы или кусочек селетки? Николай Петрович на работе получил.

Я выхватываю у нее мешок, с грохотом высыпаю на пол.

— Спасибо, я сыт. Нам за работу выдали, еще дадут... Это Костику, Кире, они сладкие, как сахар, честное слово!

Я сую ей в руки две фиолетовые турнепсыны. Костик выходит из комнаты, склонив набок большую рыжую голову. Какая большая голова!

Он молча тянет тонкую руку.

— Сейчас, Костик, сейчас, — говорит тетя

Соня, — нет, здесь так много, я просто не знаю...

— Разве это много, — говорю я радостно, — это же совсем мало. У нас там полным-полно! Я отступаю к двери.

— Как рано умер Миша — говорит тетя Соня. — Разве он мог подумать...

Ванька Воинов

У нас с ним странные отношения. Я его боюсь. Боюсь, скажет мне что-нибудь обидное. Вдруг скажет: «Ну, чего за мной ходишь?»

С того дня, как Ванька вступился за меня, я стал ходить за ним следом. А он вел себя

так, как будто ничего не произошло. Как со всеми — так и со мной. Не лучше, не хуже. Я потом понял: случись тогда на моем месте кто другой — Ванька поступил бы точно так же. А завтра — и думать забыл. Такой это человек.

Я выглядел, должно быть, подлипалой.

Поддакивал, что бы он ни сказал. Смеялся, когда он смеялся. Молчал, когда он молчал. Пел, когда он пел. Даже ругался, хотя это было мне противно. Но ведь он ругался!

Меня словно несло куда-то. Я был его тенью, только с той разницей, что тени никто не замечает, а Ванька замечал свою тень и злился.

Я подражал ему во всем. Мне нравилось, как он ел — неторопливо и опрятно. Нрави-

лось, как работал — ловко и быстро. Нравилось, как пел — задумчиво и самозабвенно. А еще — он умел искать грибы. В лесу я шел за ним по пятам и удивлялся: ничего, кроме мухоморов и гнилых сыроежек. А у него — полная корзина, да каких!

Независимость — вот что отличало его от всех и поднимало над всеми.

Взрослые выделяли его среди нас и относились к нему с уважением, особенно учительница Вера Никодимовна. Она просто любила его; иначе, как Ваня, Ванечка, и не называла.

Как я ему завидовал! Как я хотел, чтоб меня так же любили, так же называли, так же советовались со мной, так же прощали шалости...

В тот день я дежурил на кухне, мыл посуду. В кухонное окошко заглянул Витька Некрасов.

— Айда на станцию! Платформы пришли! Из-под муки...

Я бросил все и побежал к станции.

Навстречу — Женька. Под мышкой пузатая наволочка.

— Беги, — крикнул Женька, — а то не хватит!

Я пустился бегом.

На станции длинный состав — головы не видно. На последней платформе копошатся ребята. Я тоже взобрался. Ребята ползают по дощатому настилу, горстями сгребают серую пыль. Я зачерпнул, попробовал: вязкое, приклеилось к небу — и в самом деле мука, настоящая мука!

Я стащил с себя майку, завязал узлом и стал сгребать муку в этот самодельный мешок. Осторожно сгребаю: мука поверху тонким слоем, а под ней — песок.

Сгребаю и все оглядываюсь: у других больше, чем у меня, гораздо больше.

Слышу, кричат:

— Але! Пошли!

Я отмахнулся. Чья-то голова исчезла за бортом платформы. У меня уже полмайки, а мне все кажется мало, все хочется еще.

Платформу качнуло. Я схватился за борт. Будка стрелочника поползла назад. Я огля-

нулся: один на платформе! Серая мучная пыль вздрагивает под ногами.

— Прыгай!

На рельсах стоит Ванька Воинов и машет мне рукой. Он совсем близко, я вижу его лицо.

— Сейчас! — кричу я и лихорадочно нагибаю в майку серую пыль. Сердце стучит, колеса стучат — а я гребу двумя руками, еще, еще...

— Прыгай!

Ванька бежит за составом. Лица его я уже не вижу.

— Прыгай!

Страх в животе. Сладкий тошнотворный страх. Как прыгать? Ванька бежит между рельсами.

— Мешок брось! Пры-ыгай!

Мне жалко бросать, рассыплется ведь. Я переваливаюсь через задний борт, нахожу ногой буфер, встаю и осторожно опускаю вниз майку с мукой. Я вижу, как она плюхается на землю, и облачко пыли подымается там, где она упала.

— Толкайся сильнее! Прыгай!

Я отталкиваюсь, прыгаю и... бегу по земле за поездом. Бегу, бегу и останавливаюсь. Это так здорово! Я машу Ваньке рукой и кричу:

— Ого-го! Э-ге!

Я сразу забыл о страхе. Слово его и не было. Меня распирает от радости. Я иду по шпалам и улыбаюсь. Мне хочется петь.

Ванька сидит рядом с моим мешком. Он разулся и постукивает сапогами по рельсу, вытряхивает песок. Не глядя на меня, говорит:

— Дурак ты.

— Почему? — спрашиваю я, улыбаясь.

— Смотри...

Ванька запускает руку в майку. На его ладони какая-то грязь, мусор... А мука? Где же

мука! Я хватаю мешок, оттаскиваю в сторону, высыпаю на гладкую утрамбованную землю — так и есть! Черт знает что! Камни, опилки, труха...

— Ну-ка просей, — говорит Ванька, — насыпь в кепку и потряхивай. Мука сверху останется.

Я попробовал: в самом деле, получается. С песком вперемешку, но все-таки...

— А твой мешок где? — спрашиваю.

— Какой мешок?

— Ну, с мукой.

— А на кой она мне? Чего я с ней делать-то буду? — говорит он добродушно. — Блины у меня печь некому.

Я встряхиваю кепку и машинально повторяю про себя: «Печь некому, печь некому...»

Гуднул паровоз, тот самый. Далеко же он ушел! Я вдруг остро вспоминаю, как сгребал двумя руками муку, как торопился, как боялся прыгать, а Ванька бежал за поездом и кричал: «Прыгай!» И все, что было со мной на платформе, и потом: радость, что не разбился, мука, которая в кепке, — все-все тускнеет и отступает перед этим «печь некому».

— Ну, я домой пошел, — говорит Ванька, — пока...

Он говорит — «домой». А Витька говорит — «в табор». А Женька — «в палату». По-довоенному.

Какой же это дом!

Домой — значит домой. Дом один. Это Ленинград. Улица, дом, квартира... А у Ваньки, оказывается, нет дома. У него, значит, блины печь некому...

Он идет по шпалам, руки в карманах, идет чуть ссутулясь, кепка с пуговкой на макушке, идет и поплевывает — то вправо, то влево, то вправо, то влево.

Некому — и все тут.

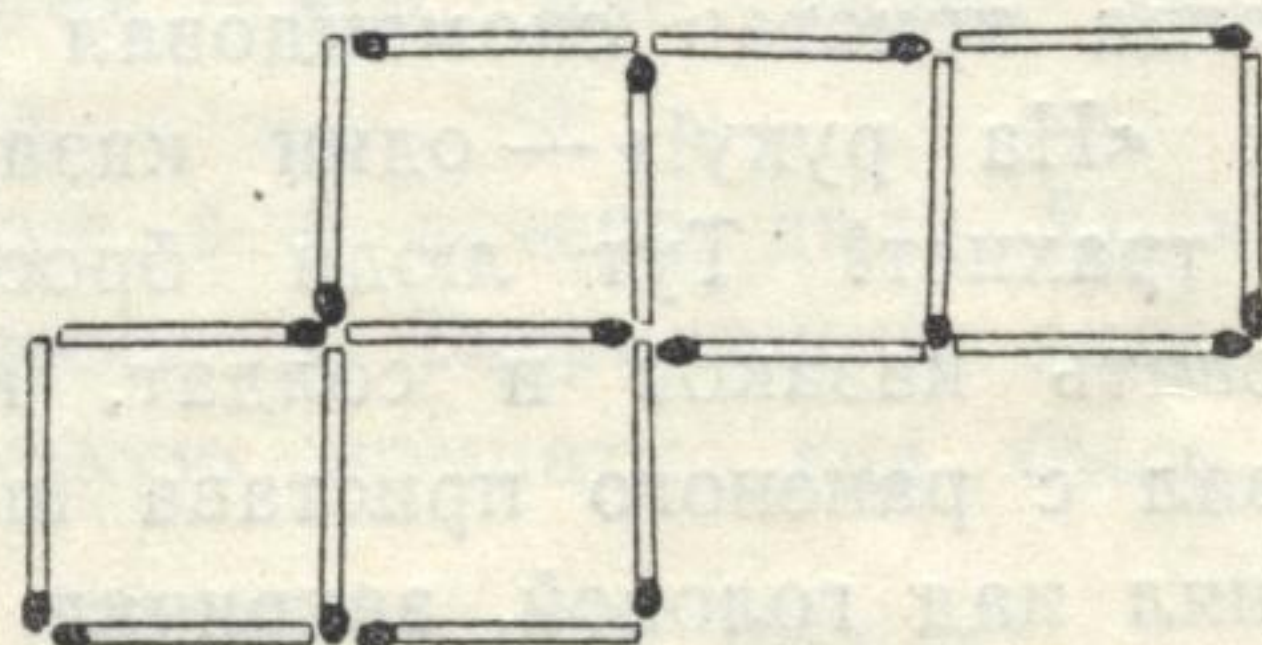

предлагает как будто бы не имеющую отношения к математике задачу.

Возьмите 16 спичек и составьте, как показано на ри-

сунке, пять квадратов. Не убирая ни одной спички, передвиньте их так, чтобы получилось четыре квадрата.

Задача кажется нетрудной, пока не возьмешься решать.

Присылая ответ, обозначьте стрелкой на рисунке, куда передвигали спички.

Попробуйте разложить число 99 на 5 чисел. Первое число должно быть втрое больше, чем второе; на 10 меньше, чем третье; на 9 больше, чем четвертое; в 16 раз меньше, чем пятое.

Приключения Васи Булкина в революционном Петрограде

2 февраля. Каждый день бегаю к Таврическому. Неужели не найду второго? Всех генералов держу на подозрении...

А полковника я встретил случайно возле марширующей колонны ратников. Ратников в Петербурге больше ста тысяч — готовят для фронта. Он ругал за что-то унтер-офицера. Голос я сразу узнал.

Потом уже подошел к унтеру и спросил:

— Дяденька военный, кто этот злющий офицер?

— Полковник Дутов.

Значит, одна фамилия есть — Дутов. Теперь бы узнать второго, генерала, и тогда...

23 февраля. Утром редактор послал меня на Выборгскую сторону. За Финляндским вокзалом трамваи не шли. На остановке какой-то фабричный парень кричал:

— Господа граждане! Чего ждете? Вагонов сегодня не будет! Рабочий класс остановил все движение!

В городе забастовки случаются каждый день, особенно когда ввели карточки. Вчера встал Путиловский завод — 16 тысяч рабочих! Но чтобы движение на улицах останавливать — такого я еще не видел.

Побежал и вижу — идет огромная толпа, сгоняет с вагонов водителей и кондукторов. Женщин много, кричат: «Хле-ба! Хле-ба!»

Впереди показалась очередь убулочной.

Вышел хозяин. «Господа рабочие, — говорит, — сами знаете, какие метели были. Железные дороги стоят. Подвозу муки нет».

— В праздник, а хлеба нету, —

заохали женщины. — Что нам,дохнуть, что ли? Давай хлеб, идол!

Я спросил, какой же сегодня праздник.

— Международный день рабочих, — ответили мне. — Эй, товарищи, давай проверим купчишку!

Клцнул сломанный замок на дверях. Рабочие ввалились внутрь лавки. Зазвенели разбитые окна: из них посыпались на улицу буханки черного хлеба. Вкусный, пахнет как!

Но я не успел попробовать... Изза угла вышли городовые: «Разойдись!» А потом дали залп.

26 февраля. Позавчера знакомый, дядя Коля, попросил меня передать листовки в казармы Волынского полка на Марсовом поле. Мне это сделать было проще всех: в казармах живет наш военный обозреватель, офицер, скажу, что к нему, — и пропустят.

Дядя Коля только спросил: «Хочешь насолить фараонам?» Еще бы не хотеть!

Листовки надо было передать унтер-офицеру учебной команды Павлову.

Я нарочно пошел в казармы через Знаменскую площадь: говорили, что там митинг. Народу собралось — тысячи и тысячи. Красные флаги подняли! Ораторы один за другим влезали на памятник Александру III и говорили оттуда.

Полиция шеренгой перегородила Лиговку, а солдаты и казаки стояли между памятником и Большой Северной гостиницей и разгоняли народ. Но нехотя... А некоторые даже говорили людям: «Напирайте на нас посильнее».

Когда пристав скомандовал полиции: «На руку!» — один казак его как трахнет! Тут люди бросились целовать казаков и солдат, кто-то сорвал с раненого пристава шашку, поднял над головой, закричал: «Вот оружие палача!» Выступил еще один

оратор, призвал все заводы и части выбирать депутатов и присылать завтра в Таврический дворец. Там будет заседать совет.

В казармы меня пропустили свободно. Легко нашел и I роту.

— Что в городе? — спросил Павлов.

— Бастует полтораста тысяч, — я припомнил разговор дяди Коли.

— Добре. Передай Николаю, завтра волынцы стрелять в народ не станут. Хватит, что сегодня их благородие прапорщик Воронов четверых на Невском убил. Больше такого позору полк не стерпит. Запомнил?

Вечером я пересказал, что видел и слышал сегодня, друзьям дяди Коли у него на квартире, на 14 линии, д. 95.

— Все еще раз подтверждается, — сказал дядя Коля. — До сегодняшнего дня мы избегали вооружения рабочих, чтобы случайные выстрелы не вызвали стычек с солдатами. Теперь же дело меняется: солдаты собираются поддержать народ. Завтра поднимаем всех, кого можно, и берем арсенал. Выключаем в городе свет, воду.

— Агитаторов надо послать в казармы, — сказал кто-то. Я догадался, что эти люди и есть — КОМИТЕТ.

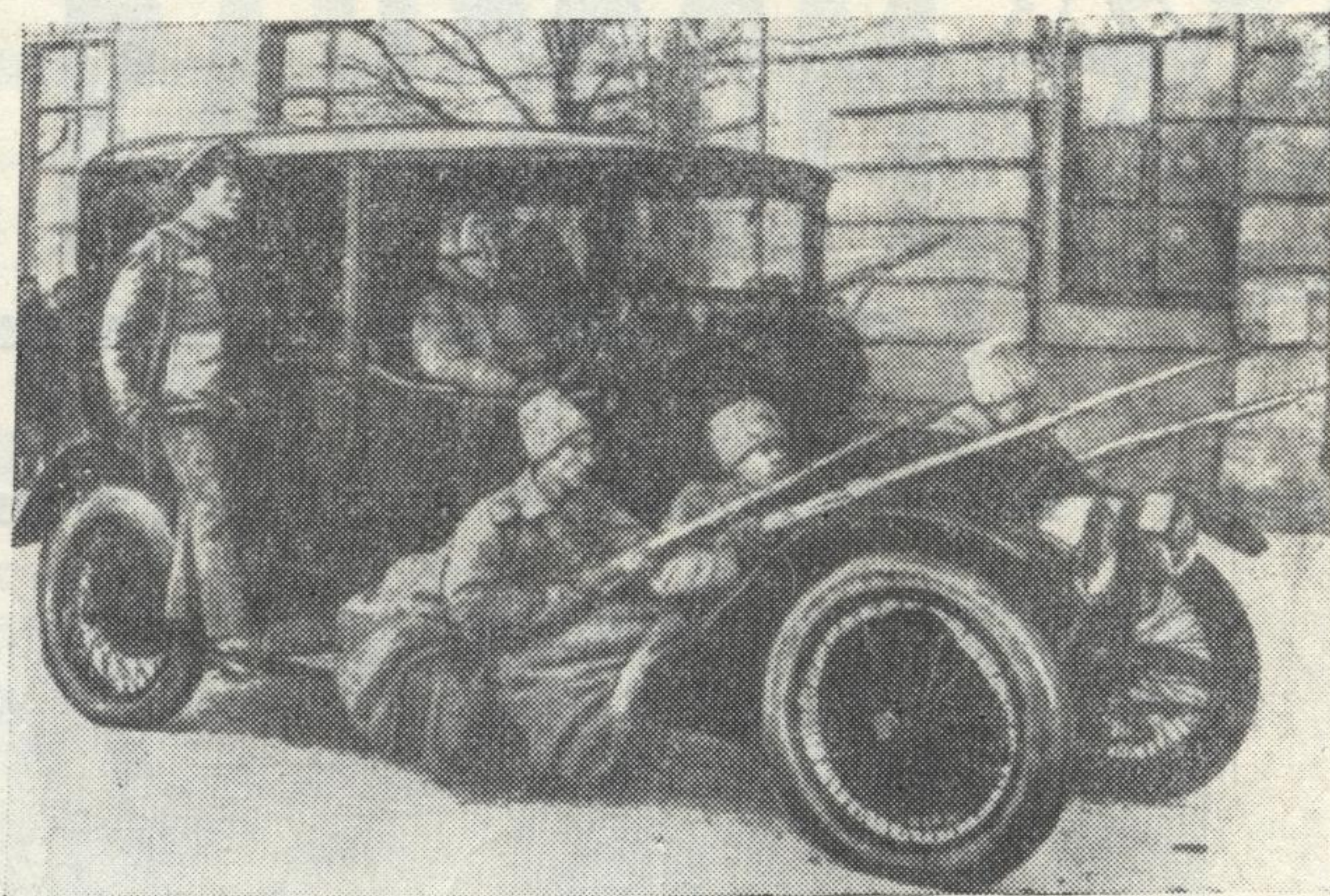
27 февраля. Сегодня восстал военный городок. Часов в 12 я увидел, как по Шпалерной к Таврическому идут солдаты! На рукавах шинелей — красные банты. Волынцы!

Идут они, разговаривают:

... — Присягали во врага стрелять, а не в своих.

... — Все равно погибать, так хоть с честью.

Из других казарм к ним выбежали и присоединялись. Литовский полк, гренaдеры, бронедивизионцы, даже жандармские части! Лейб-

Эти фотографии и рисунок Вася Булкин вырезал из петроградских журналов за февраль 1917 года.

Как вы думаете, что здесь изображено?

Мы думаем, что это митинг у Казанского собора, разведавтомобиль и Таврический дворец, к которому идут революционные солдаты.

А над дворцом художник нарисовал «звезду свободы».

Мы-то с вами знаем, что настоящая звезда свободы зажглась над Россией не в февральские дни, а позже, — но Вася Булкин в ту пору этого еще не знал...

гвардии Преображенский полк послали их усмирять. Но Павлов вышел с белым флагом, о чем-то поговорил и преображенцы — с офицером! — примкнули к волынцам.

По всему городу целый день идет стрельба: за царя еще стоит часть гвардии и полиция. По улицам носятся броневики и разведавтомобили.

Офицеры, говорят, побросали части. Дядя Коля сказал, что они по-

чти все прячутся в Доме Армии и Флота, на углу Кировой и Литейного. Кое-где еще отстреливаются городовые: министр внутренних дел выдал им пулеметы. А они, дураки, забрались с ними на крыши. Да от туда же нет настоящего настильного огня — это мне унтер Павлов сказал.

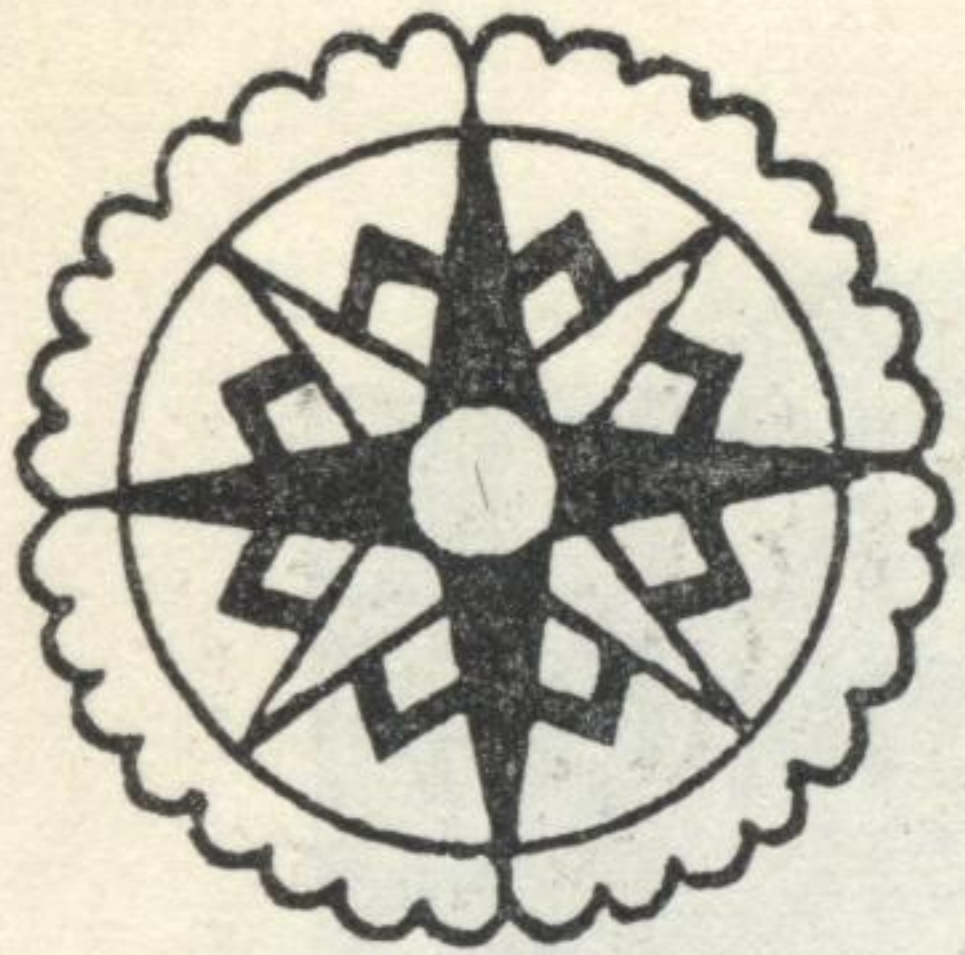
Часов в 6 вечера дядя Коля отвел меня в Таврический дворец в маленькую комнату, где было на-

писано на дверях: «Военная секция Петроградского Совета».

— Вот попался мне хлопец под руку, будет нам рассыльный. Первый курьер нашего совета.

Я хотел рассказать дяде Коле про подслушанный в автомобиле «Рено» разговор. Но им было не до этого. Да, по правде сказать, и мне тоже. К Таврическому дворцу шли новые части солдат присягать революции.

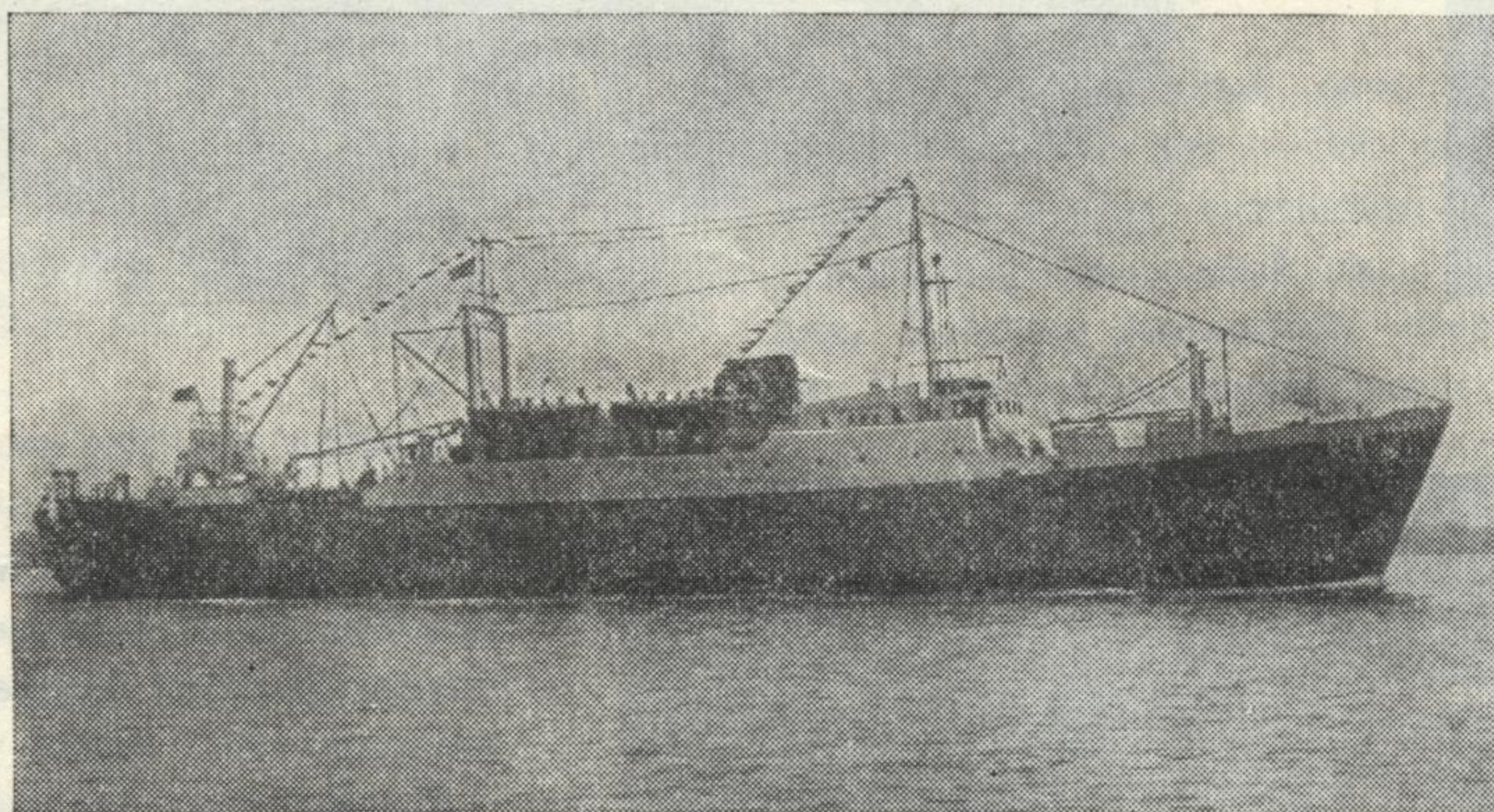
Продолжение следует

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Под редакцией
капитана
второго ранга
С. В. Сахарнова

★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ

Считается хорошо, когда человек долго работает на одном месте: на заводе за одним станком, на одном корабле...

Наш корреспондент встретился с капитаном дальнего плавания Геннадием Тимофеевичем Ефимовым.

— Геннадий Тимофеевич, вы долго пробудете в Ленинграде?

— Неделю, две — не больше. Затем поеду в Николаев на завод за судном.

— А вы им долго будете командовать?

— Всего один рейс. Мы, капитаны, работающие на перегоне судов, не задерживаемся долго на месте. Только примешь судно, привыкнешь к нему за время первого плавания, полюбишь его и все — пора сдавать.

— Расскажите, пожалуйста, о последнем перегоне.

— Последний раз мы гнали большой морозильный траулер «Александр Краев» из Николаева на Дальний Восток, в Находку. Это хорошее судно — целая плавучая фабрика. Само ловит рыбу, обрабатывает ее, замораживает и хранит до прихода в порт.

— И как вам плавалось?

— Вы знаете, на редкость спокойно. Даже в Индийском океане, где обычно качает, обошлось. В это время была смена муссонов — постоянных ветров, которые полгода дуют в одном направлении, полгода — в другом. Так что океан притих.

— Было жарко?

— Да, особенно в Красном море. Поверите — за ручку холодильника берешься — печет!

— Геннадий Тимофеевич, вы, наверное, знаете много необычных морских историй. Расска-

жите, например, о столкновении судов. Они бывают часто?

— Нет, редко. Сейчас на море действуют очень четкие правила: как плавать, как расходиться кораблям в море. Я лучше расскажу о столкновении судов с... домами.

— Как это?

— А вот как. В проливе Босфор крутой обрывистый берег, и дома подходят к самой воде... Бывали случаи, когда в тумане или по оплошности команды пароход выскакивал носом на берег и при этом пробивал стену дома. В Босфоре есть четыре таких дома-неудачника.

— Невероятно! Спасибо вам за беседу. И — счастливого плавания!

— Передайте привет вашему журналу. Мы с сыном Володей читаем «Костер».

Геннадий Тимофеевич
Ефимов

★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ И ПОРТАХ ★ В МОРЯХ

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя.,:;—?!абвгдеёжзийклмнопрстуфхцч

ШКОЛА ЮНГИ

т

у

ф

х

ц

ч

ш

щ

ъ

ы

ь

э

абвгдеёжзий

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцчшщъыьэюя.,:;—?!абвгдеёжзийклмнопрстуфхцч

УГОЛОК МОРСКИХ ЗНАТОНОВ

Однажды капитан Быстроходов зашел в гости к своему приятелю боцману Румпелю и заметил на стене у того картину.

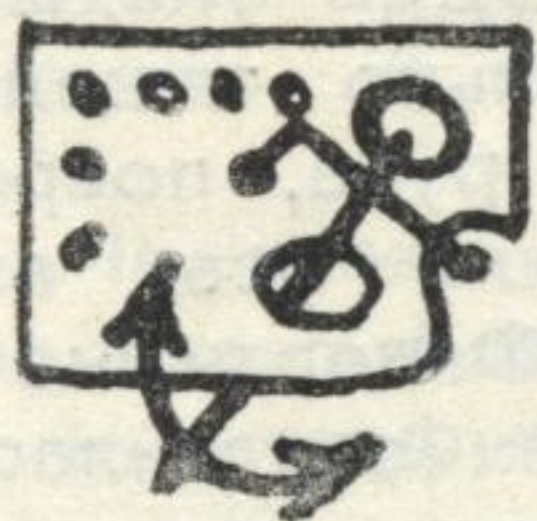
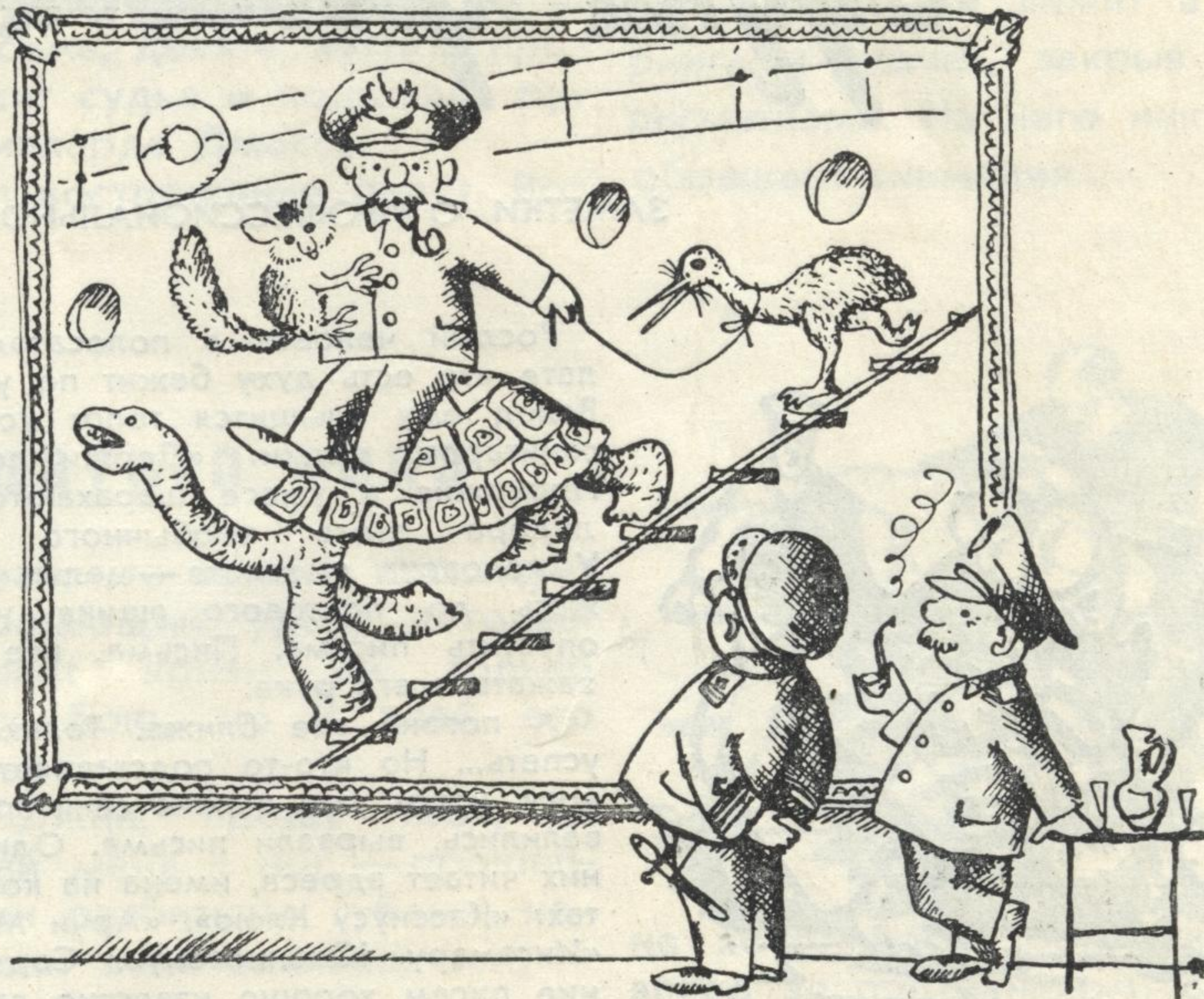
— Художник нарисовал меня в тот момент, когда я спускался по трапу своего судна после очередного рейса, — сказал боцман.

— Вы плавали в Тихом океане? — спросил Быстроходов.

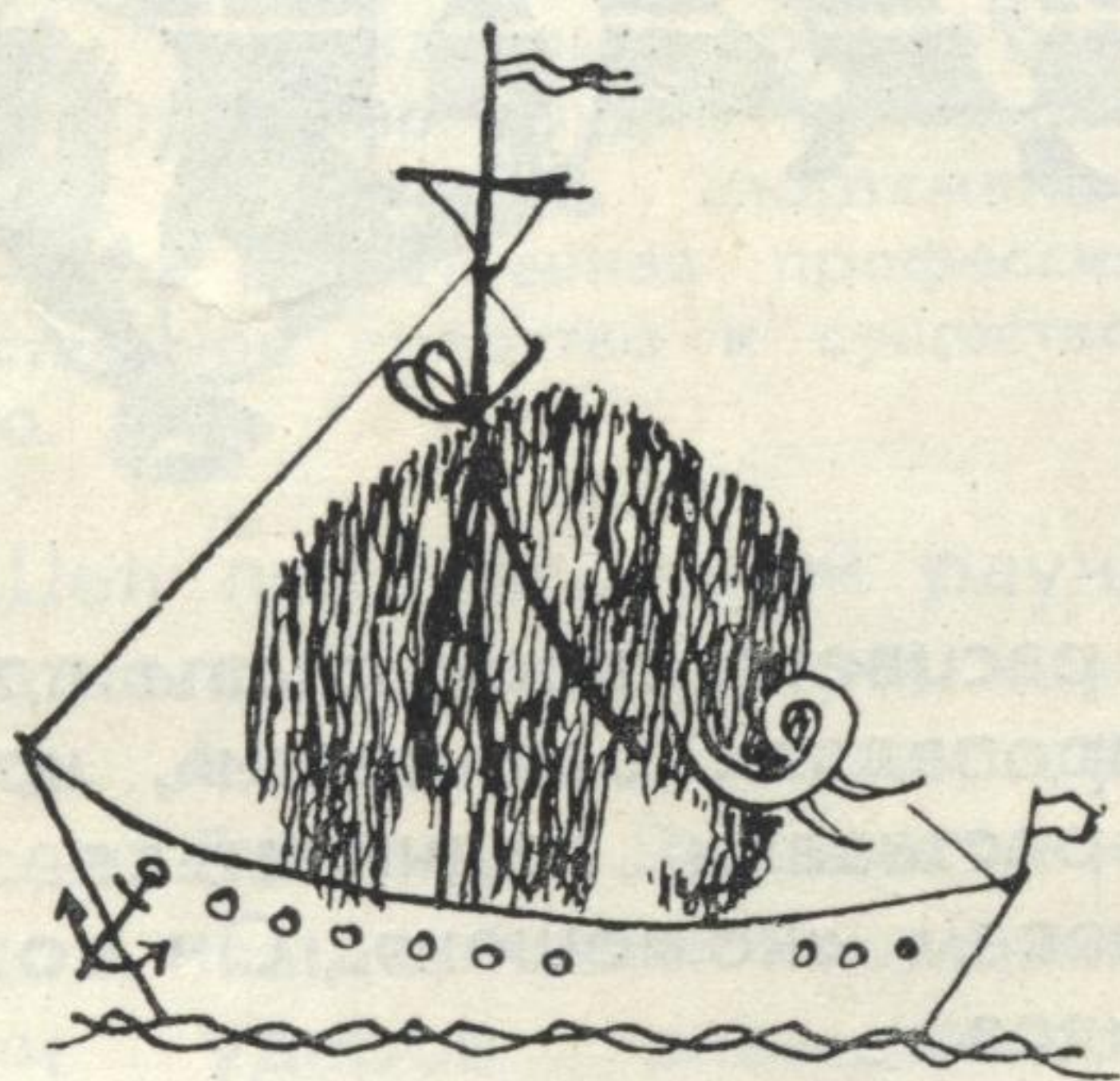
— Как вы догадались?

— Я могу даже сказать, к берегам каких островов подходил ваш пароход, — продолжал капитан.

Какие острова имел в виду капитан Быстроходов?

Разговоры на полубаке

— Плавали мы как-то на Севере. Проходим мимо льдины, смотрим, в середине что-то чернеет. Пришвартовались, давай льдину топорами рубить. Дорубились, а там — мамонт! Тысячи лет назад вмерз, так и плавает.

— Вот это да! А вы что?

— Мы его, конечно, на полубу. Привязали к мачте, чтобы за борт не сыграл, и привезли домой. Приходим — в порту тепло. Оттаял наш мамонт, на ноги встал, мачту выдернул — и на берег. Только его и видели!

— Ну, это ты врешь.

— Не веришь? Приходи — до сих пор без мачты плаваем!

абвгдеёжзийклмнопрс

ШКОЛА ЮНГИ

Флажный семафор
(продолжение)

Когда ученик отвечает в классе или пишет на доске мелом, а его не видно или не слышно, говорят: «Подвинься влево!», «Повтори — не ясно!» Так и в семафоре. Вот какие есть в нем знаки:

вызов

понял

не понял

вопрос

окончание

повторение

не могу прикинуть

передвинуться от меня

вправо влево

выше ниже

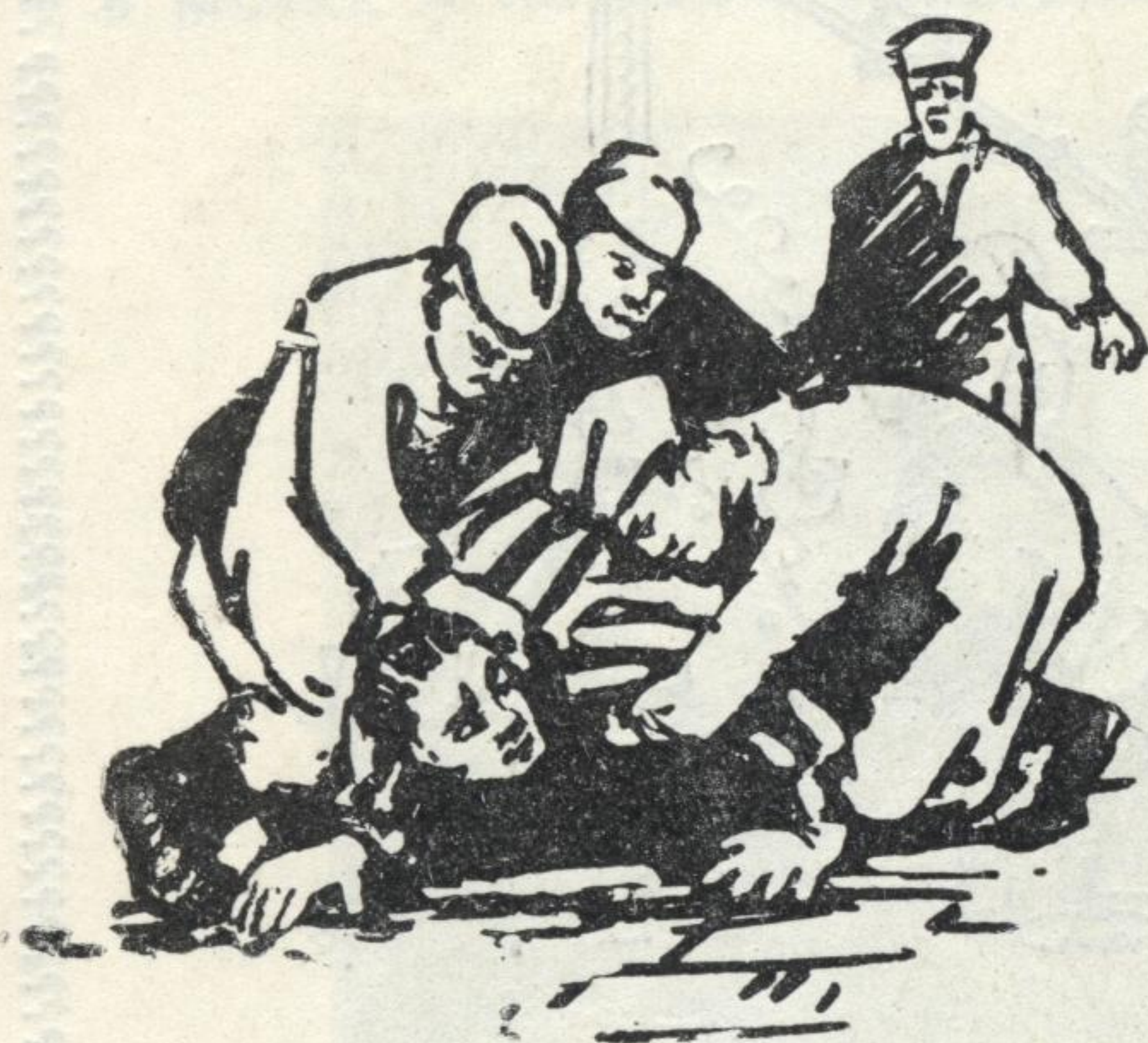
ниже

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцшщъыьэюя.,:;—?!абвгдеё

абвгдеёжзийклмнопрстуфхцшщъыьэюя.,:;—?!абвгдеёжзийклмнопрстуфхц

Будни Кровавой арены

ЗАМЕТКИ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ БОКСЕ

Рослый человек в полосатом халате что есть духу бежит по улице. Вслед ему слышится топот усталых санитаров, крики: «Держи психа!» Прохожие в ужасе шарахаются от лидера этого необычного бега. У человека в халате — цель: добежать до почтового ящика, успеть опустить письма. Письма, все три, зажаты в его руке.

А погоня все ближе. Только бы успеть... Но кто-то подставляет ему ногу, и вот уже дюжие санитары навалились, вырвали письма. Один из них читает адреса, имена на конвертах: «Кассиусу Клею», «Арчи Муру», «Ингемару Юханнесону». Содержание писем хорошо известно санитарам: бывший профессиональный боксер-тяжеловес, один из наиболее

вероятных претендентов на звание чемпиона мира, а ныне — пациент психиатрической лечебницы Эдди Махен уже в который раз пытается вызвать своих прежних соперников на бой.

— Да, не повезло тебе, парень, — говорит санитар, глядя на связанного Эдди. — Здорово не повезло. Ну, пошли...

Это произошло несколько лет назад в небольшом американском городке. Недавний кумир публики боксер Эдди Махен проиграл подряд несколько тяжелых боев, у него сломана рука, повреждена голова, его бросили все, его бывший хозяин Сид Флаерти не оставил ему ни цента. Так закатилась еще одна «звезда» профессионального бокса...

Хозяева чемпионов

Что значит — хозяин чемпиона? Разве спортсмен — чья-то собственность?

В профессиональном спорте, в том числе и в боксе, так называют богатых людей, боссов, которые владеют спортивными залами, где тренируются и выступают боксеры. Такие залы называют «конюшнями». Именно владельцы «конюшен» решают, кто из боксеров будет претендовать на чемпионский титул: ведь у профессионалов до сих пор нет четкой отборочной системы. Как бы ни был талантлив боксер, его не выпустят на большой ринг до тех пор, пока он не наймется к влиятельному хозяину. А уж боссы комбинируют, не стесняясь. Недаром с первых лет своего существования профессиональный бокс побил все рекорды по числу грязных комбинаций и мошеннических проделок. Вот один лишь случай.

В 1915 году чемпионом мира стал талантливый негритянский боксер Джек Джонсон. Расисты в бешенстве. «Черномазый — и вдруг чемпион. Невслыханно!» — негодуют они. На Джонсона сыплются угрозы, оскорбления. Хозяева «коню-

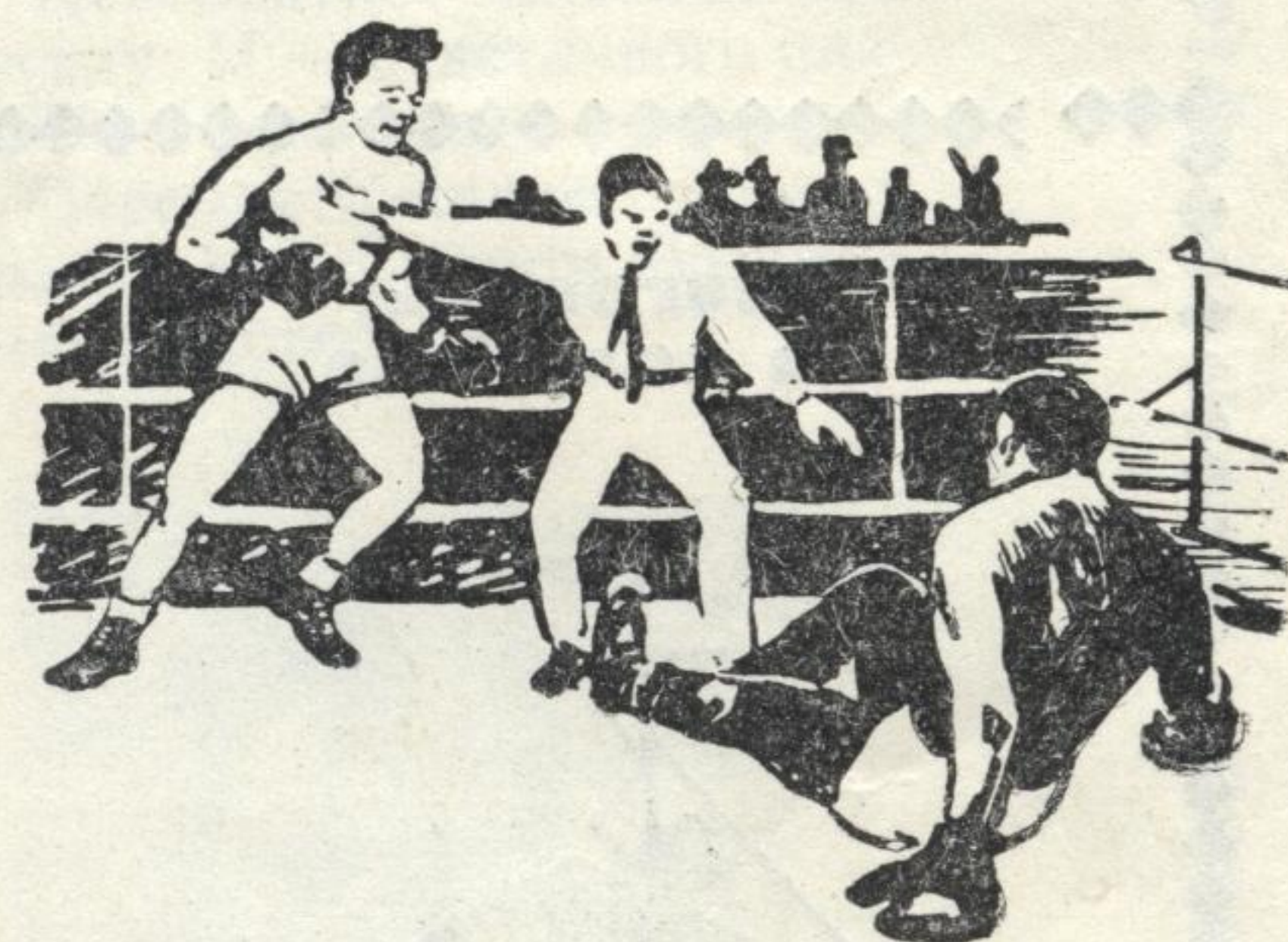
шен» срочно тренируют соперников Джонсона.

— Нам нужен белый чемпион! — рычит расистская Америка.

Но Джонсон держится. Одного за другим нокаутирует он своих противников. Его предают все. Хозяин и тренеры стараются вывести спортсмена из хорошей формы. Ему не дают ни минуты отдыха, мешают тренироваться, но Джонсон дерется и побеждает!

И вот, наконец, его ставят перед выбором: или ему придется «лечь» в бою против очередного белого претендента Уилларда Джесса, и тогда он получит 30 тысяч долларов, или...

Эти «переговоры» ведет с боксером один из главарей известной гангстерской шайки. Джонсон с ненавистью смотрит на бандита и его подручных, но на память ему приходят имена боксеров, которые

в расцвете своей славы вдруг «пропадали без вести», когда переставали подчиняться хозяевам «конюшен». Он согласился.

— Так-то лучше, черномазый. Ишь, чемпион нашелся! — говорит ему гангстер.

И вот звучит гонг. Десятый раунд. Джонсон еще полон сил, а его противник уже изрядно выдохся. Он медленнее двигается по рингу, его удары все реже достигают цели. Вот он совсем ослабил оборону, «раскрылся». Какой момент для мощного завершающего удара! Но чемпион помнит, о чем его предупреждали перед

боем. Он знает: за послушание — смерть.

Безо всякой защиты Джонсон идет в ближний бой. Ему нужно получить удар, ему велено «лечь».

И вот, наконец, удар претендента попадает в цель. «...восемь, девять, аут!» — проносит судья и поднимает руку Уилларда Джесса.

Зал восторженно ревет. Вот

он, долгожданный белый чемпион! Джонсон лежит в углу ринга и плачет, закрыв лицо перчатками. На него никто не обращает внимания...

Гладиаторы двадцатого века

Так назвал боксеров-профессионалов один американский журналист. Талантливые спортсмены вынуждены в угоду своим хозяевам демонстрировать «тяжелый» бокс. И нередко поединки на ринге кончаются для их участников трагически. Но гибель боксеров только подзадоривает жадную до сенсаций толпу. А сами спортсмены?

Джо Луис писал: «Человек, которому нечего есть, надевает боксерские перчатки, идет на профессиональный ринг и старается заработать на обед. Если посмотреть список наших чемпионов, то окажется, что всех их толкнула на ринг нужда. Джек Демпси грузил вагонетки в шахте, Джим Джеффрис был котельщиком, Джек Джонсон — докером, Джин Тунней вернулся с войны без гроша в кармане...»

Вот кто они — современные гладиаторы, вынужденные драться ради обеда. Особенно трудно приходится, конечно, стареющим спортсменам. Бокс — их единственная профессия, единственное средство к существованию.

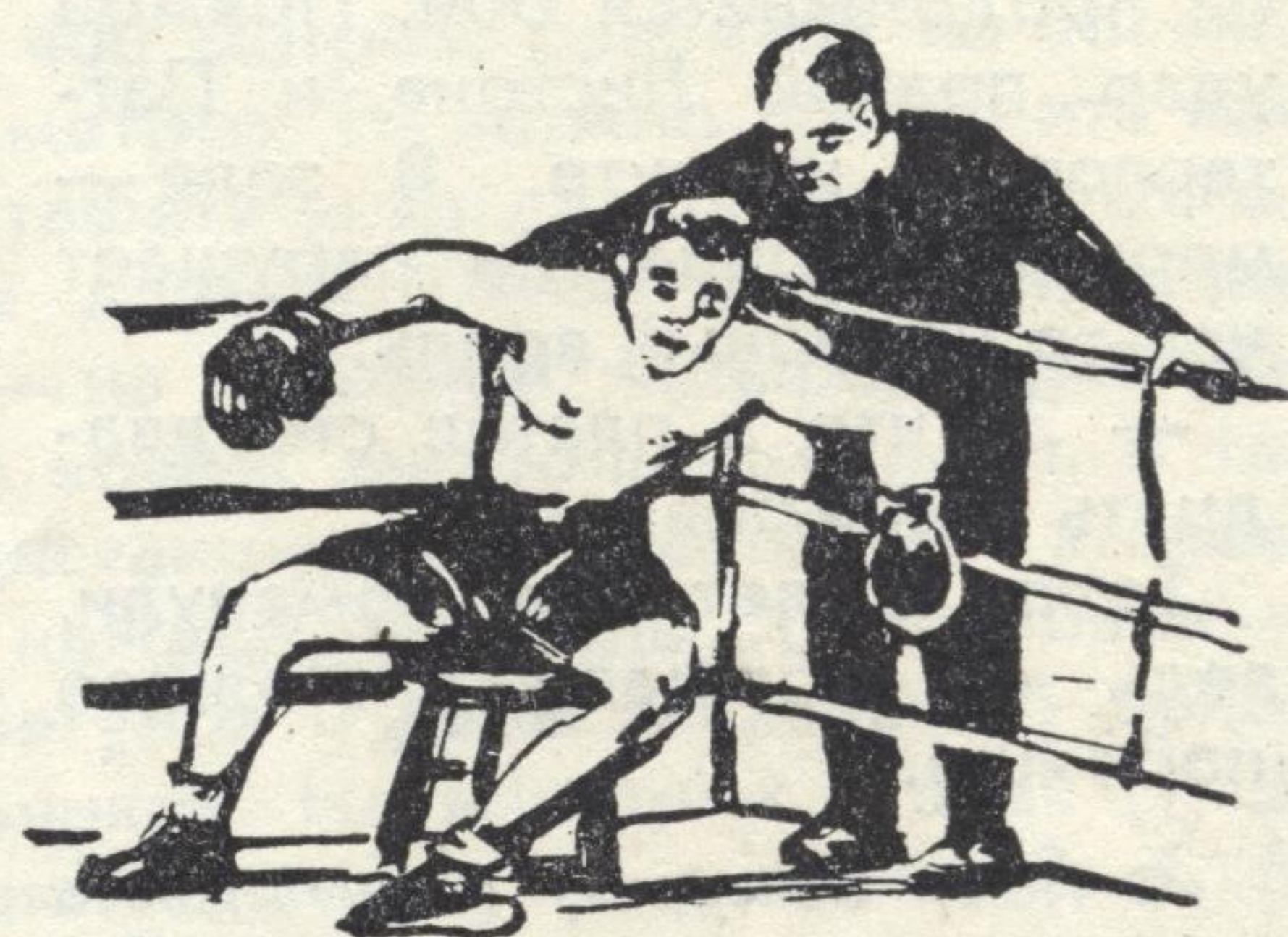
...Шел предпоследний раунд жестокого боя за звание чемпиона Америки. Стареющий боксер Бэттлинг Левинский с трудом выдерживал мощные серии ударов знаменитого Джина Туннея, которого любители бокса прозвали «загадочной ринга». Левинский чув-

ствовал, что вот-вот последует завершающий удар, который положит конец не только этому бою, но и всей его карьере.

— Джин, прошу тебя, не сбивай меня с ног, — прошептал он разбитыми губами, когда они вели ближний бой, — дай мне уйти самому...

Тунней кивнул. Он знал, что когда-нибудь наступит и его черед вот так же молить противника о пощаде. Тунней сделал шаг назад, чтобы дать сопернику передохнуть и опустил перчатки. В этот момент внезапный удар бросил его на канаты. Если бы у Левинского осталось чуть больше сил, Тунней мог бы проиграть этот бой...

1962 год. Бой профессионального чемпионата США. Чемпион мира в полусреднем весе сильный и опытный спортсмен Эмиль Гриффит явно переигрывает своего противника. Тот вынужден то и дело уходить в глухую защиту, прятаться в угол ринга. И тут происходит странная штука: в одном из углов ринга Гриффит

не хочет вести бой, не идет вслед за противником, словно наталкиваясь на невидимое препятствие.

— Что с тобой, Эмиль? — с беспокойством спрашивает тренер. — Почему ты даешь ему передышку?

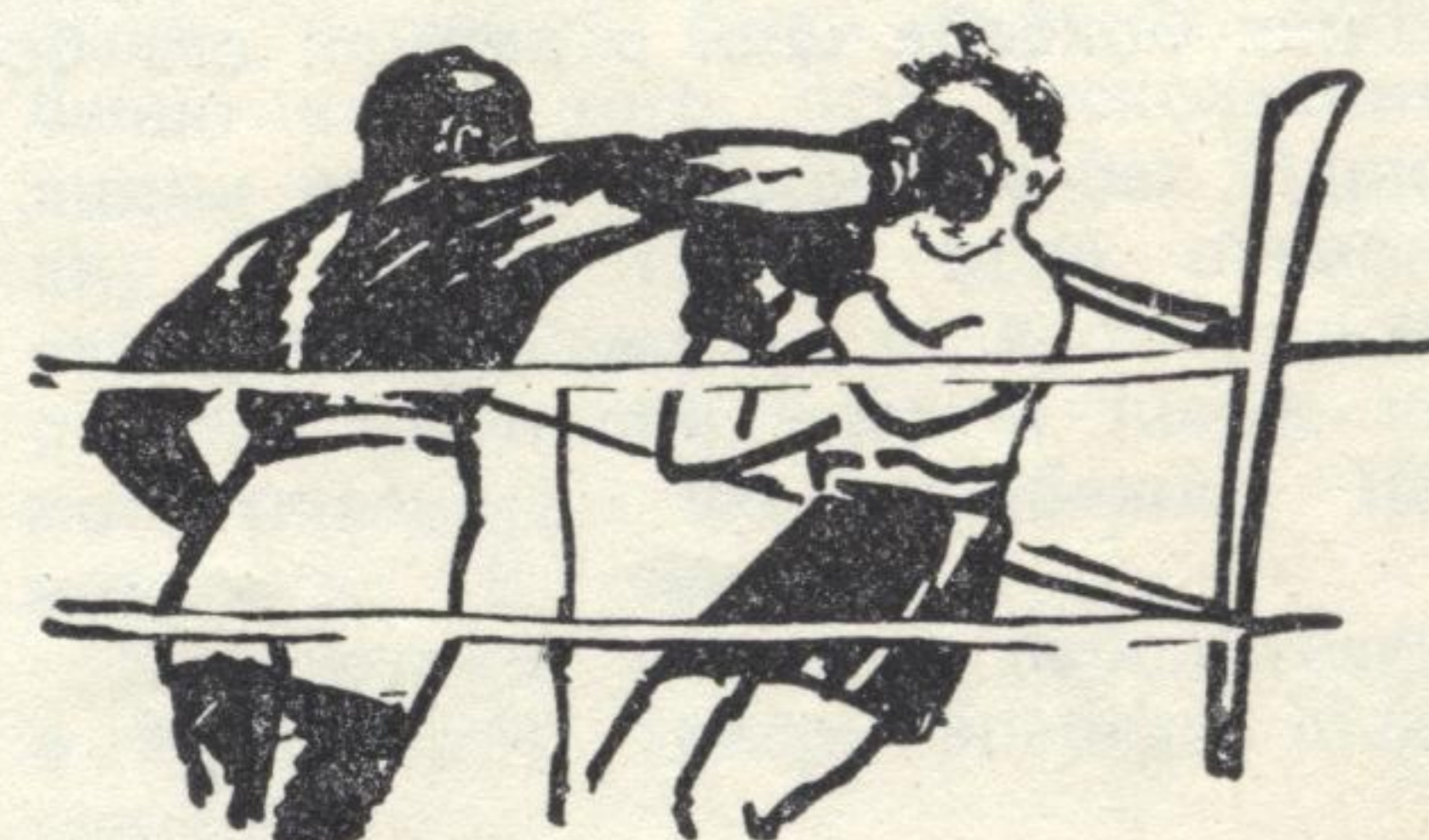
— Проклятый угол! — отвечает чемпион. — В нем я убил Бенни. Бенни Паретта. Забил его до смерти. Мне все тогда точно так же кричали: «Бей! Бей! Бей!» И я бил, пока он не упал. А теперь, когда я смотрю в тот угол, я вижу в нем покойного Бенни. Я не могу...

Страшный счет ведется на профессиональном ринге. Только в последние годы здесь погибли такие талантливые спортсмены как Александр Лаворенте, победитель Олимпийских игр в Хельсинки, Дейви Мур, Бенни Паретт. Всего с начала века профессиональный бокс унес 450 жизней.

„Не верьте лжецам“

Сентябрь 1962-го года. Чикаго. На ринге — чемпион мира Флойд Паттерсон и претендент на этот титул Чарльз Листон, по прозвищу Сонни. Трибуны переполнены. Сонни Ли-

стон — мрачная фигура. Газеты на все лады рекламируют его, не жалеют сенсационных заголовков: «Негр Листон не знает даже букв!» «Чемпион тюрьмы штата Миссури!»

«Чудовище на ринге!» «Листон ест только сырое мясо!»...

Хозяева Листона — гангстеры Фрэнки Карбо и Антонио Палермо потирают руки: реклама сделала свое дело, интерес к бою очень велик.

И вот гонг. Всего две минуты продолжается бой. Прямой удар правой Листона, и Паттерсон в нокауте. В зале — мертвая тишина. Ее нарушает чей-то истошный вопль:

— За что я платил сто двадцать долларов?

Толпа ревет. Ее обманули, ведь ей обещали настоящее побоище.

«О нас, боксерах, пишут много всякого вранья, — говорит Листон, — и эту ложь смакуют на все

лады. Да, я действительно не умею читать и писать. Но кто виноват в том, что у меня никогда не было возможности ходить в школу? Разве я виноват, что голод толкнул меня на воровство и что я впервые в жизни досыта наелся в тюрьме? Ответьте мне на эти вопросы!»

В августе прошлого года в Лондоне состоялся очередной бой, в котором встретились нынешний чемпион мира, талантливый боксер из США Кассиус Клей и англичанин Брайан Лондон. Это не был бой равных. Клей легко победил англичанина в третьем раунде.

Когда его попросили прокомментировать результаты боя, чемпион мира с горечью сказал:

— Все это реклама, будь она проклята. Одна реклама. Просто на нас лишний раз хотят заработать...

Это высказывание пришлось явно не по вкусу воротилам профессионального бокса в Америке. На Клея, который, кстати, недавно сменил свое «американское» имя на новое — Мухаммед Али — обрушилась буржуазная печать. Его упрекали в неблагодарности, обвиняли в том, что он отказался служить в армии США. Молодому чемпиону ставили в пример легендарного Джо Луиса, который в первые же дни второй мировой войны пошел добровольцем в американские вооруженные силы.

— Так сделал бы и я, — отвечает на эти нападки знаменитый боксер, — ведь тогда шла справедливая война против фашизма, а нынче американская армия ведет грязную войну против народа Вьетнама.

10 центов надежды

В профессиональном боксе слава и успех недолговечны. Быстро уходят силы, все труднее чемпионам отстаивать свой титул...

Бывшие чемпионы живут по-разному. Трудно, например, узнать в обрюзгшем владельце небольшого нью-йоркского ресторана знаменитого Джека Демпси, которого поклонники называли «Ураганом из Манассы». А «Тигр Джек» — Джин Тунней — мирно торгует кофе. Знаменитый Джо Луис ради скромного заработка отбивает чечетку в ночных барах...

Его судьба, пожалуй, сложилась особенно трагично. Один из наиболее талантливых боксеров-профессионалов, бывший в течение 15 лет абсолютным чемпионом мира и ушедший с ринга непобежденным, Джо Луис оказался начисто ограбленным своими хозяевами, и в первую очередь Майком Джекобсом, которому выступления этого знаменитого боксера принесли 10 миллионов долларов.

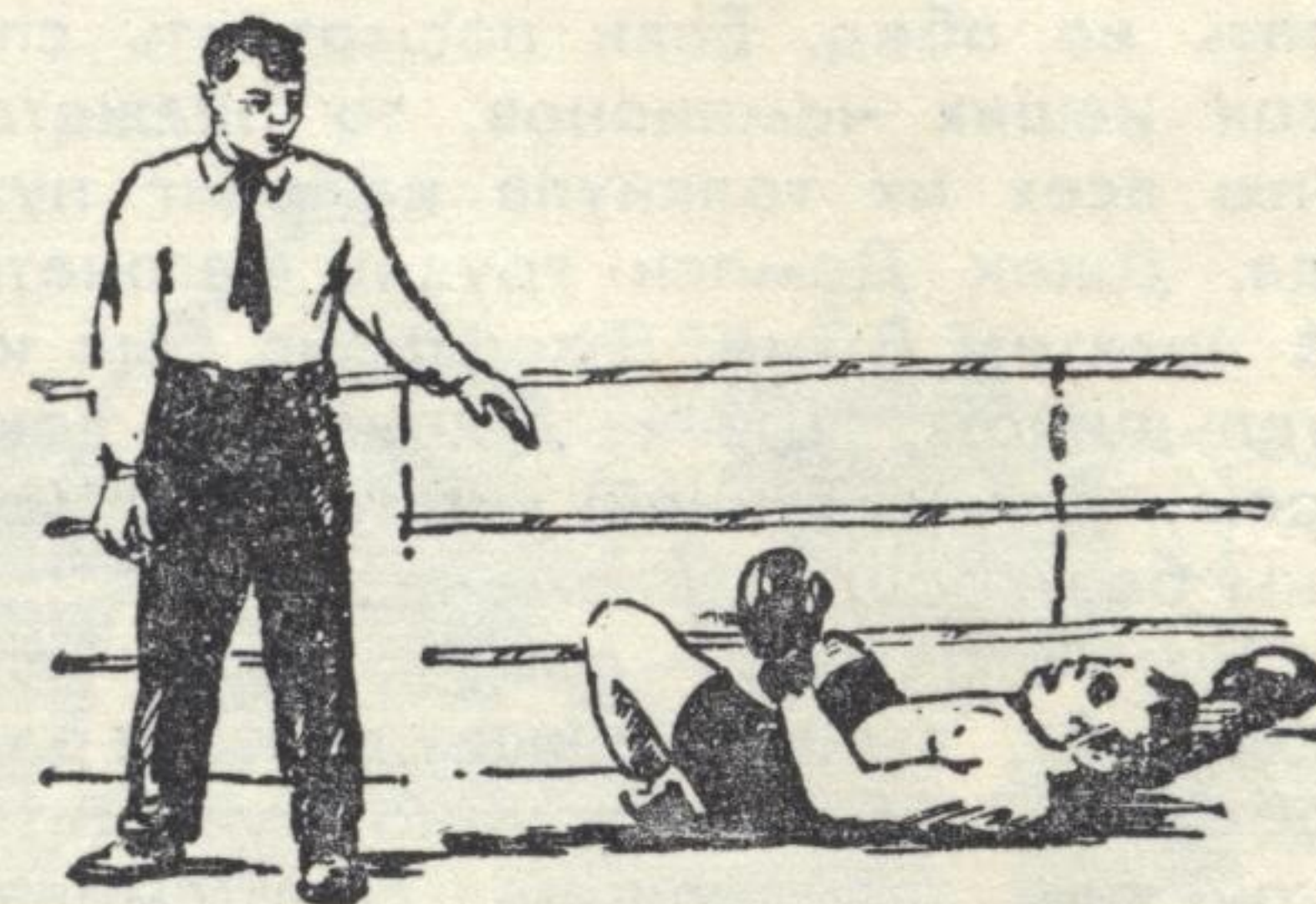
Однако пока деньги за выступления боксера шли в карман его бос-

са, все налоги приходилось платить самому Джо. В тот год, когда чемпион оставил ринг, чиновники, ведающие сбором налогов, предъявили ему счет: оказалось, что боксер должен казне Соединенных Штатов 246 055 долларов и 82 цента. В отсрочке платежей Джо было отказано.

И тогда Джо Луис решил стать кэтчером. Кэтч — это американская борьба, в которой допускаются самые грубые и дикие приемы. Это скорее драка, чем спорт. Когда любители бокса узнали, что чемпион решил стать профессиональным кэтчером, они решили помочь своему любимцу. Джо Луис получал тысячи писем. К ним простые американцы прилагали свои скромные пожертвования — кто три, кто пять долларов.

«Примите эти деньги и отдайте их сборщикам налогов, только не становитесь, пожалуйста, кэтчером!» — писали они.

Джо — гордый человек. Он отсылал эти деньги назад, горячо благодарил людей, которые в трудную минуту пришли ему на помощь. Толь-

ко один денежный перевод принял чемпион, негритянский мальчик из Гарлема прислал ему теплое письмо и 10 центов — все свое богатство.

— Эту монетку я всегда ношу с собой и нащупываю ее в кармане, когда бывает особенно трудно и тяжело на душе, — говорит Луис.

Несколько лет назад, когда двадцатым чемпионом мира стал друг Джо, негритянский боксер Флойд Паттерсон, Джо Луис написал ему письмо, которое закончил горькими словами: «Я пришел к закату своей карьеры разбитым и измученным. В 42 года я стал кэтчером. Но ты, Флойд, борись. Борись изо всех сил и не дай тебе бог попасть в мое положение. Будь счастлив».

Б. Грищенко

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, СПРИНТЕРЫ!

Нынешним летом на Черноморском побережье состоится II Всесоюзный слет юных бегунов. Там соберутся 520 лучших учеников школы «Спринт».

Ребята усвоят технику спринтерского бега, правила судейства и организации соревнований, научатся самостоятельно проводить занятия, строить спортивные площадки. Юные бегуны выступят в розыгрыше кубков имени выдающихся бегунов Энрике Фигеролы и Галины Поповой, первенстве школы «Спринт», в общелагерной эстафете на приз журнала «Костер».

Участниками слета станут в первую очередь те, кто проявит себя хорошим организатором спортивной работы в школе, во дворе, в поселке, кто сумеет привлечь к занятиям легкой атлетикой как можно больше своих товарищей.

На слет соберутся также команды, добившиеся лучших результатов в организуемой школой «Спринт» и журналом «Костер» Эста-

фете быстроногих. Эта эстафета проводится на дистанции 400 метров, разбитой на восемь этапов по 50 метров. Ее можно проводить как встречную эстафету — тогда достаточно беговой дорожки длиной 70—80 метров, или же на стадионе — на обычной четырехсотметровой дорожке вокруг футбольного поля. В таком случае дистанция разбивается на 8 этапов.

В составе каждой команды 10 человек — 8 основных бегунов и двое запасных, 5 девочек и 5 мальчиков. На нечетных этапах (1, 3, 5, 7) выступают девочки, на четных (2, 4, 6, 8) — мальчики.

Каждая команда выбирает себе постоянное название, под которым выступает во всех соревнованиях. Команда избирает капитана, который сообщает в школу «Спринт» о каждом выступлении своего коллектива.

Создавайте команды для участия в Эстафете быстроногих!

До встречи, будущие олимпийцы!

Школа «Спринт»

МАНЯК САМ О СЕБЕ

Его имя нам знакомо — впервые оно сверкнуло на олимпиаде в Токио. Там, соревнуясь с сильнейшими из сильных, Веслав Маняк занял четвертое место, а в эстафете 4×100 завоевал с друзьями серебряную медаль. Ныне Маняк — чемпион и рекордсмен Европы. Вот что рассказывает он о себе.

Когда я начал заниматься спортом, я и не думал о спринте. Я был прыгуном в длину. Мечтал стать чемпионом Польши, а вышло так, что стал чемпионом Ирландии. Вот как дело было...

Я приехал погостить к родственникам в столицу Ирландии Дублин. В это время там проходили легкоатлетические соревнования. Решил выступить. И неожиданно для себя показал лучшие результаты не в прыжках в длину, а в беге на 100 и 200 метров. С титулом чемпиона Ирландии, с перекроенной на английский лад фамилией — Мэнниг, я бил ирландцев и англичан.

Успехи за морем словно вдохнули в меня веру в собственные силы.

Когда по возвращении домой я стал показывать хорошие спринтерские результаты, все удивлялись: откуда взялся этот бегун? Никто не вспомнил про Веслава Маняка из Щецина, который прыгал в длину.

В составе сборной Польши я приехал на олимпиаду в Токио. Вот где предстояла борьба! Кого здесь только не было — немцы, русские, негры, французы и лучший из лучших, чернокожий американец Боб Хейес. Четвертьфинал, полуфинал и, наконец, в дождливый день я стартую вместе с семью другими участниками, пробившимися в финал. Со старта мы вышли одновременно с Хейесом. Я ощущал его дыхание. Он, высокий, бежал размашисто, огромными шагами, я — дробным, «молниеносным» шагом. Дорожка размокла, бил ветер. А кроме всего — Хейес был сильнее. Борьба так измотала меня, что на финише я выпустил вперед еще двоих — кубинца Фигеролу и канадца Джерома.

Нигде так не волнуешься, как в эстафете. Только бы не перейти ли-

нию замены. Только бы не убежать без палочки. Только бы не уронить палочку! Нет, кажется, все в порядке. Ветер засвистел в ушах. Выиграть, выиграть несколько долей секунды у французов и американцев! Я бежал на третьем этапе. На четвертом, последнем, мой друг Мариан Дудзяк обошел француза Делекура, и мы заняли второе место вслед за американцами. Уже лучше!

Прошел год. В легкоатлетическом матче Польша — США мы выиграли эстафету...

Как я установил рекорд Польши на стометровке — не могу рассказать. Помню, что светило солнце и очень хотелось быть первым. Особенно из-за того, что несколькими днями раньше я проиграл бег Мариану Дудзяку. Потом меня приветствовали, целовали, а я почему-то прыгал на одной ноге и никак не мог поверить, что пробежал 100 метров за 10,1 секунды.

Я счастлив, что стал победителем в Будапеште. Теперь впереди Мексика.

Океанская кладовая

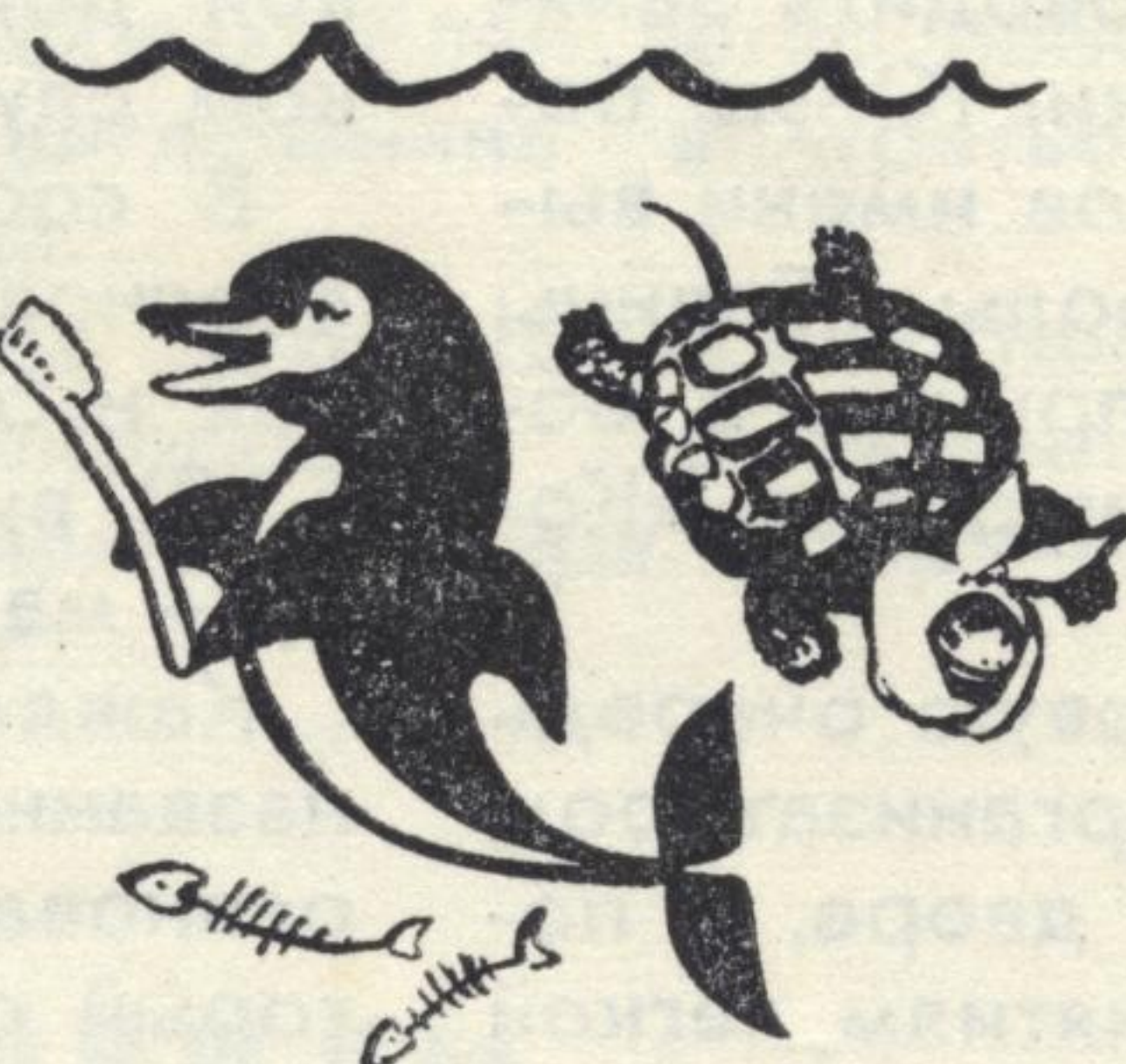
Прямо на дне океана лежат ценные железомарганцевые руды в виде россыпей — «конкреций», похожих на картофельные клубеньки. «Клубенек» размером от долей миллиметра до пятнадцати сантиметров имеет ядро — песчинку или осколок кости, на который наплаиваются железомарганцевые соли.

По подсчетам геологов, мировой океан хранит 350—400 миллиардов тонн металлических образований.

В конкрециях содержатся и другие металлы — медь, висмут, бериллий, кадмий, свинец, цинк.

И рыбам нужен врач

В Японии открыли больницу для морских рыб и черепах, дельфинов и крабов. В аквариумах больницы не только лечат, здесь приучают к гигиене. Некоторые рыбы уже «примирились» с тем, что после еды им чистят зубы.

В старину и теперь

В старинных шахматах королева называлась дамой, конь — рыцарем или кавалером, слон — стариком, а ладья — рохом. От названия ладьи и произошел термин «рокировка». Рох считался символом непобедимой власти и изображался в виде цветка лилии. Шахматный конь имел две головы.

Изображения шахматных досок и фигур можно найти в старых рыцарских гербах. Щиты расписаны клетками в характерной для шахматных досок окантовке. Польский герб 1103 года — «Вчеле», если верить легенде, получил рыцарь, по имени Голуб. Он выиграл у мавританской принцессы трудную шахматную партию и в память об этом на гербовом щите появилось изображение мавританки с шахматной доской в руке.

„Садко“ — подводный дом

«Садко» — дом-капсула. В нем на глубине 25 метров у берегов Сухуми советские исследователи прожили около месяца. И хотя подводный дом невелик — его диаметр всего три метра — ученые могли там работать и отдыхать. Из своего подводного жилища они уходили в дальние экскурсии на глубину до 200 метров.

Имена землян на Луне

В Академии наук СССР заканчивается составление новой карты и нового лунного глобуса. Будут увековечены имена всех, кто вошел в историю мировой науки. Кроме старых названий, — кратеры Платона, Кеплера, Коперника, на новой карте появятся кратеры Джордано Бруно, Ломоносова, Циолковского, Жюлио-Кюри, Максвелла, Попова, Менделеева и Курчатова.

Когда заговорила кукла

Первые куклы с закрывающимися глазами появились во Франции более 150 лет назад. Примерно тогда же родились куклы, говорящие «мама».

ОПЕРАЦИЯ «64»!!!

К планете Ничейной

Знаете, кто пишет отчеты об операции «64»? Пишу я. А получилось это так. Зашел в наш 6-й «а» человек.

— Ты Вася Ладейкин? — спрашивает. — В шахматы играешь?

— Нет, не умею. А что?

— Ну, все равно. Я, шахмат-адмирал Ферзьбери, возьму тебя в эскадрилью летописцем. За твою шахматную фамилию. Будешь вести дневник, а играть научу.

Тогда я еще ничего не знал: ни про операцию «64», ни про шахмат-адмирала Ферзьбери.

— В какую эскадрилью? Каким летописцем?

— Слушай, мальчик! Тебе так повезло: берутся научить тебя играть в шахматы — в игру, которую уже 1500 лет люди передают от поколения к поколению, в игру, в которую играли Петр Первый и Наполеон, Жан-Жак Руссо и Ньютон, Тургенев и Толстой, в игру, которую любил Влади-

мир Ильич Ленин. А ты еще задаешь какие-то вопросы... Да я на твоём месте от радости до потолка бы подпрыгнул!

— Решено, — сказал я. — Лечу! — и с этой минуты моей обязанностью стало записывать в дневник операции «64» то — и только то! — что с нами случилось, что могло случиться, что могло не случиться и что не могло случиться. Так приказал Ферзьбери.

В полете поступила радиogramма с Земли:

«КОМАНДУЮЩЕМУ ОПЕРАЦИЕЙ «64». УЧАСТВОВАТЬ В ОПЕРАЦИИ СОГЛАСНЫ. ПЕТРОСЯН, ТАЛЬ, КОРЧНОЙ, КУПЕРМАН».

Как мы обрадовались! Галя Букреева даже в ладоши захлопала.

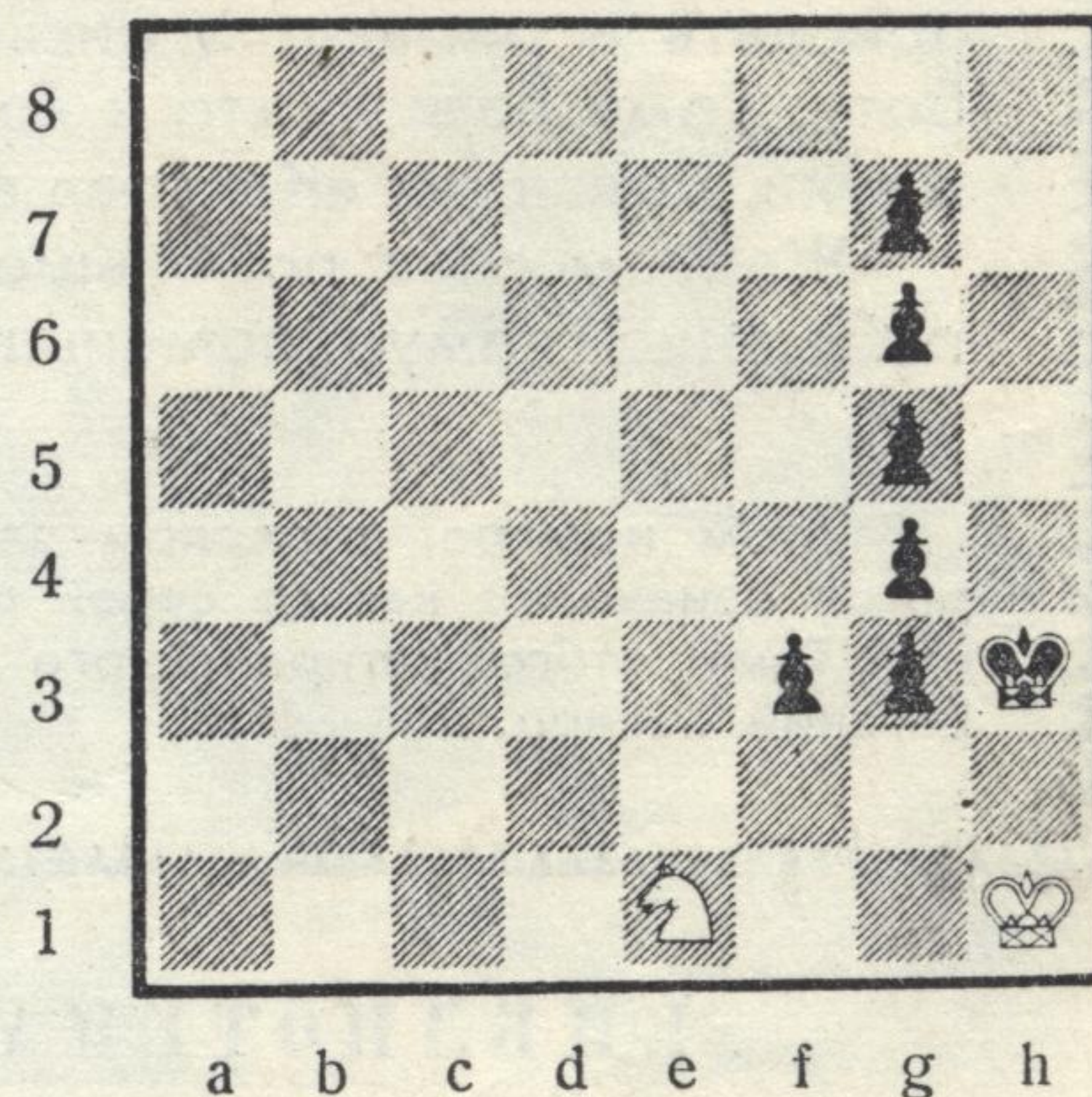
— Теперь мы победим в матче с любой планетой! Гроссмейстеры нам всегда подскажут лучший ход!

Но Петя Плоткин сказал:

— Нет уж, это ты брось. В спорте первое дело — честность. Если ты победишь по чьей-то подсказке, разве это будет твоя победа?

— Я же не про наши соревнования, а о встрече с командой другой планеты. А ты что, хочешь честь Земли уронить?!

А как вы, ребята, думаете? Галя права или Петя?

Конкурс КОСТИ ТЕРКИНА

ЮНКОРЫ! ОБЪЯВЛЯЮ ФОТОКОНКУРС ПОД ДЕВИЗОМ «ВОТ КАК МЫ ЖИВЕМ»

Темы фотографий: жизнь ребят в городе и деревне, в школе и дома, в лагере и на даче.

Срок конкурса — 1 мая 1967 года.

Размеры фотографий: 9×12, 13×18.

Глянцевать обязательно!

Лучшие работы будут напечатаны в «Костре».

Подведение итогов конкурса — в девятом номере 1967 года.

Чтобы снимки не испортились, склейте для них специальный конверт и сделайте прокладки из картона.

Жду ваших работ!

КОСТЯ ТЕРКИН

ПРИКАЗ № 4

§ 1. Приказываю: чемпиона мира по шахматам Тиграна Петросяна, экс-чемпиона — Михаила Таля, гроссмейстера Виктора Корчного, чемпиона мира по шашкам Исера Купермана зачислить в почетный состав команды эскадрильи.

§ 2. Местом очередной посадки назначаю восьмую планету в туманности Хороших Ходов из Созвездия Черно-Белых клеток — планету Ничейную.

§ 3. Для подготовки к приничиванию приказываю найти ничью за белых в позициях 1, 2, 3.

1. См. диаграмму

2. Белые: Kpd2; черные: Кра1, Kh8, п.а2

3. Белые: Kpd2; черные: Кра1, Kg8, п.а2

Во всех позициях ход белых. За лучшие решения — приз.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

ДЛЯ ЮНГ

а) нарисуйте доску и обозначьте на ней все поля, б) в позициях 4, 5, 6 найдите, как белые дают мат, и укажите, при каком ошибочном ходе белых получится ничья.

4. Белые: Kpf7, Фb7; черные: Kph8

5. Белые: Kpb6, Лh7; черные: Кра8

6. Белые: Kpf5, п. g7; черные: Kpg8

Во всех позициях ход белых. За лучшие ответы — приз.

**ВСЕ, КТО ПРИСЛАЛ ПРОСЬБУ О ЗАЧИСЛЕНИИ
В ЭСКАДРИЛЬЮ, ЗАЧИСЛЕННЫ**

**Приглашаем вас на открытие Выставки
„ЯБЛОЧКО“**

**Начало осмотра — на последней странице обложки.
Продолжение — в следующих номерах.**

ПИСЬМО К ЧИТАТЕЛЯМ

Почему мы решили назвать выставку наших рисунков «Яблочко»?

Потому что мы, юмористы и сатирики, должны быть меткими, как снайперы. Если уж выстрелил, так попади в самое «яблочко»!

А судить, кто из нас самый меткий, будете вы, читатели. Каждый раз, посмотрев рисунки на нашей выставке, вы должны прислать в редакцию письмо с отметкой художнику за его работу. Тому из нас, кто к концу года соберет самые хорошие отметки, редакция «Костра» выдаст приз.

Желаем себе побольше пятерок и поменьше двоек, а вам — побольше схему и поменьше скуки.

Художники

В этом номере, в первом зале нашей Выставки, художник Николай Муратов ознакомит вас со своей работой времен Великой Отечественной войны. Тему этого сатирического плаката придумал замечательный писатель Евгений Шварц.

евич Новиков — буденовец и первый адъютант Буденного — вспоминает об ожесточенной борьбе с беляками.

Помните книгу о детстве Буденного — «Хуторскую команду»? Книгу о дружбе хуторских ребят?

Дружные с детства, одностаничники хорошо знали друг друга. Эта дружба помогла им и тогда, когда пришлось защищать родные края, воевать с белогвардейцами и интервентами.

Писатель-фронтовик Владимир Саксонов написал о войне на море. В июне 1941 года четырнадцатилетний Володя пошел в школу юнг Военно-морского флота и потом воевал на бронированном морском охотнике как самый настоящий моряк.

В. Саксонов рассказал о себе и своих товарищах. Поэтому веришь каждому его слову.

Книга «Птица-слава» С. Алексеева — это рас-

сказы об Отечественной войне 1812 года. Полтора года назад не было ни автоматов, ни ракет, артиллеристы били по врагу ядрами из пушек, но русские солдаты и тогда удивляли мир своею храбростью. Каким надо быть храбрецом, чтобы не испугаться наполеоновской роты и с одним ружьем отбиваться от ее солдат!

Даже враги признавали бесстрашие русских. Даже Наполеон отдавал дань их храбрости: «Все они львы, а не люди»!

Еще лучше сказал Кутузов: «Спасибо русскому солдату! Русскому солдату слава!» Он знал, русский народ всегда будет одерживать победы, ведь он защищает любимую родину.

БИБЛИОТЕКА КОСТИ ТЕРКИНА

Недавно у нас разгорелся спор, кто из героев гражданской войны самый храбрый?

- Чапай!
- Фрунзе!
- Блюхер!

Спорщики не унимались. Каждый старался перекрыть товарища и приводил все новые и новые доказательства.

И правда, Чапаев смел, Фрунзе храбр и находчив, Блюхер — замечательный полководец.

А другие прославленные командиры Красной Армии, память о которых живет почти полвека? Сиверс вру-

бался на коне в гущу врагов, Котовский руководил дерзкими партизанскими набегами, Городовиков разрабатывал хитроумные планы разгрома белых полчищ.

О славных боевых делах красных командиров рассказывает сборник «Полководцы гражданской войны». Эту книгу прочтет с интересом каждый, кто любит родину и ее историю.

Две другие книги — «Отряды в степи» И. Всеволожского и Ф. Новикова и «Повесть о юнгах» В. Саксонова, выпущенные издательством «Детская литература» в 1966 году, обе о боевой юности. Филипп Корне-

Обложка Ю. Мезерницкого

Главный редактор В. В. Торопыгин

Редакционная коллегия: Т. А. Куценко, Б. Н. Никольский, А. И. Пантелеев, А. Ф. Пахомов, Р. П. Погодин, С. В. Сахарнов, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова, Ю. А. Юркан (зам. редактора)

*Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий*

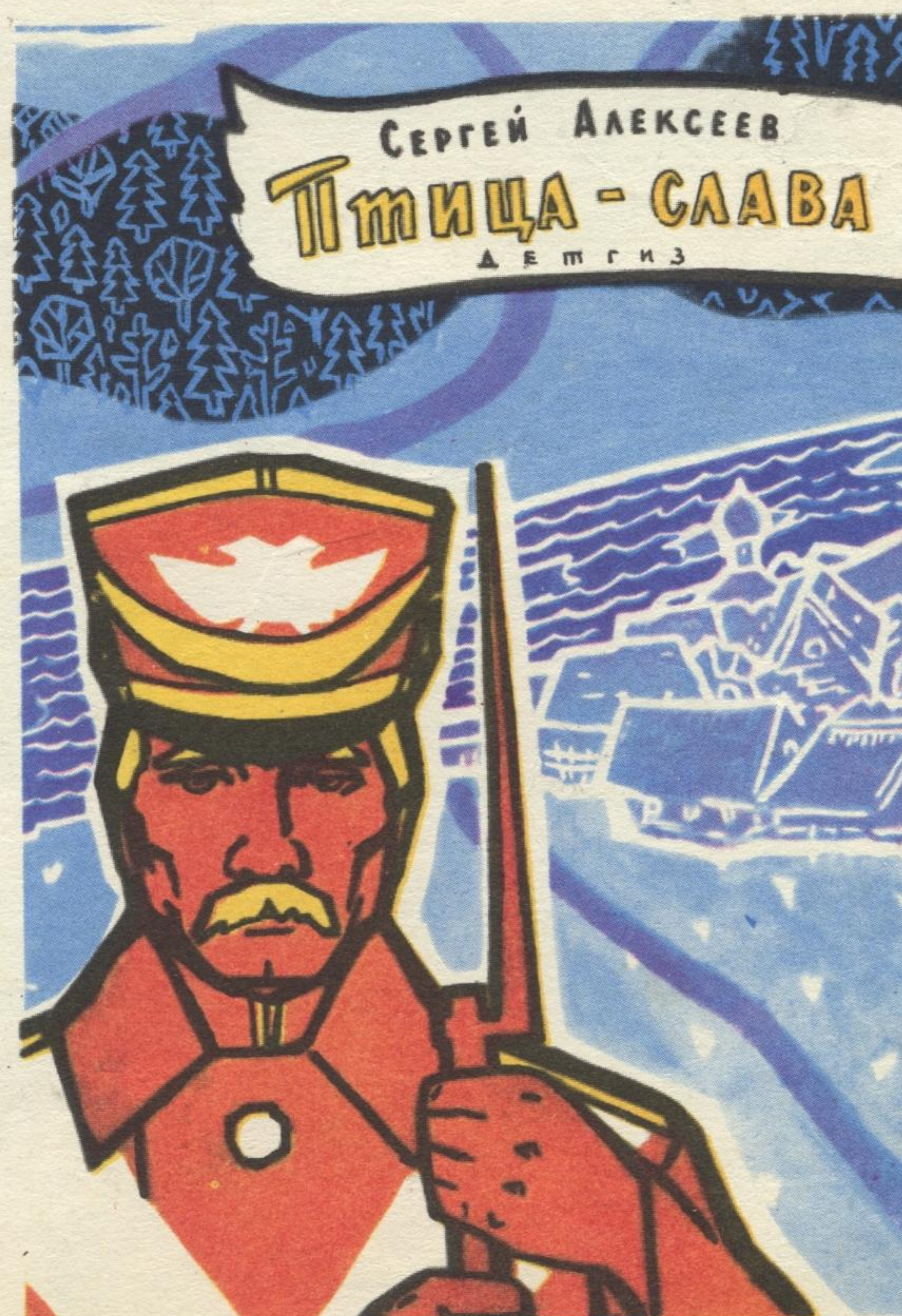
*Технический редактор
А. А. Двораковская*

Корректор В. А. Маевская

Адрес редакции: Ленинград, С-15, Таврическая, 37, телефон А4-57-76

М-16107. Подписано к печати 14/1 1967 г. Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8+1. 6,36 усл., 8,8 уч.-изд. л. Тираж 330 000 экз.
Заказ № 457. Цена 25 к.

Ленинградская типография № 2 имени Евгении Соколовой Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР. Измайловский проспект, 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на 1-й Ленинградской фабрике офсетной печати.

Усачев. проезд 8 кв 4
Додичу

„ЯБЛОЧКО“

из серии „О тех, кого мы били“

Выпуск № 1

РИСУНКИ
Н. МУРАТОВА

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ ФАШИСТА

1. Утром он занялся книжками...

2. Потом поговорил со знакомым профессором

3. Потом прошелся по воздуху

4. А вечером в подходящей компании отправился к соседям

